

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ИМЕНИ В.Я. КИКОТЯ»

А. П. Дмитренко
С. В. Крапивин
Е. А. Русскевич

**УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
ЗА ЗЛОСТНОЕ УКЛОНЕНИЕ ОТ ПОГАШЕНИЯ
КРЕДИТОРСКОЙ ЗАДОЛЖЕННОСТИ**

Учебное пособие

Москва
2018

ББК 67.408

Д53

Рецензенты:

*старший научный сотрудник второго отдела НИЦ № 3
ФГКУ «ВНИИ МВД России» кандидат экономических наук
капитан полиции Д. А. Панин; заместитель начальника
МУ МВД России «Мытищинское» – начальник полиции
полковник полиции С. А. Сабатов.*

Дмитренко А. П.

Д53

***Уголовная ответственность за злостное уклонение от
погашения кредитной задолженности*** : учебное пособие /
А. П. Дмитренко, С. В. Крапивин, Е. А. Русскевич. – М. :
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя,
2018. – 142 с.
ISBN 978-5-9694-0621-6.

Данное учебное пособие посвящено исследованию уголовно-правовых аспектов ответственности за злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности.

В нем анализируется действующее законодательство, теоретические разработки и правоприменительная практика по делам о злостном уклонении от погашения кредиторской задолженности.

Пособие предназначено для студентов, аспирантов, преподавателей, сотрудников правоохранительных органов, практикующих юристов, а также для всех, кто интересуется проблемами соответствующей тематики.

ББК 67.408

ISBN 978-5-9694-0621-6

© Московский университет
МВД России имени В.Я. Кикотя, 2018
© Дмитренко А. П., 2018
© Крапивин С. В., 2018
© Русскевич Е. А., 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. Уголовная ответственность за злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности: социально-правовой и сравнительно-правовой анализ	6
§ 1. Уголовная ответственность за злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности как средство обеспечения обязательств и договорной дисциплины	6
§ 2. Сравнительно-правовой анализ уголовной ответственности за злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности по законодательству зарубежных стран	16
Глава 2. Юридический анализ состава злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности	34
§ 1. Объект злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности	34
§ 2. Объективная сторона злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности.....	55
§ 3. Субъект злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности	75
§ 4. Субъективная сторона злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности.....	85
Глава 3. Проблемы применения уголовно-правовой нормы об ответственности за злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности	94
§ 1. Проблемы квалификации злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности.....	94
§ 2. Проблемы дифференциации уголовной ответственности за злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности.....	115
§ 3. Особенности применения норм об освобождении от уголовной ответственности по делам о злостном уклонении от погашения кредиторской задолженности	119
§ 4. Особенности применения института обстоятельств, исключающих преступность деяния, по делам о злостном уклонении от погашения кредиторской задолженности.....	128
Заключение	138
Библиографический список	141

ВВЕДЕНИЕ

Недобросовестное поведение хозяйствующих субъектов наблюдается даже в самых развитых странах. К сожалению, в России, где культурные установки соблюдения договорной дисциплины только формируются, нарушение лицами взятых на себя обязательств происходит еще чаще. Подтверждением этому является та колоссальная нагрузка на судебную систему, которая ежедневно рассматривает и разрешает по существу тысячи споров, вытекающих из неисполнения или ненадлежащего исполнения договоров¹.

При этом одной из наиболее распространенных форм нарушения договорной дисциплины является очевидное уклонение должника от обязанности погасить задолженность перед кредитором.

Следует признать, что даже вмешательство судебной власти не всегда позволяет обеспечить эффективную защиту прав кредитора по нарушенному договору. Неисправные должники почти повсеместно прибегают к всевозможным способам противодействия исполнению судебных решений. Подобное обстоятельство причиняет ущерб кредиторам, дестабилизирует оборот, увеличивает риски заключения договоров, подрывает авторитет судебной власти. Кроме того, как представляется, самым значительным последствием сложившейся ситуации является общая инвестиционная непривлекательность рынка России.

В этой связи весьма спорным моментом является представление о том, что предупреждение недобросовестного поведения хозяйствующих субъектов возможно лишь путем эффективного применения мер гражданско-правовой ответственности. Из этих же соображений подлeжит обоснованию весьма спорный вывод о чрезмерности и даже вредности использования средств публично-правового характера, в том числе средств уголовно-правового характера, в регулировании экономической деятельности хозяйствующих субъектов.

¹ Так, в 2015 году только арбитражными судами было рассмотрено 1 149 078 дел по спорам, возникающих из гражданско-правовых отношений. Это на 17,4 % больше, чем в 2014 году (978 633 дел). Среди дел по спорам, возникающим из гражданских правоотношений, как и в предыдущие годы, наибольшее число (985 883 дел или 85,8 % от общего количества гражданских дел) составляют дела о неисполнении либо ненадлежащем исполнении обязательств по договорам. См.: Отчет о работе Арбитражных судов субъектов Российской Федерации в 2015 году // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2885> (дата обращения: 26.05.2016).

Имеющиеся гражданско-правовые средства предупреждения недобросовестного поведения субъектов экономической деятельности – необходимы, но недостаточные меры, и в отдельных случаях они обязательно должны дополняться задействованием средств уголовно-правового характера.

В данной связи в центре внимания оказывается норма об уголовной ответственности за злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности (ст. 177 УК РФ).

Вместе с тем, до настоящего времени в силу различного рода причин данная норма так и не стала действенным инструментом защиты нарушенных прав кредитора. В науке уголовного права и среди правоприменителей довольно часто можно встретить справедливое мнение, что недостатки конструкции уголовно-правовой нормы об ответственности за злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности сделали ее почти «мертвой».

Исследование немногочисленной правоприменительной практики по делам о злостном уклонении от погашения кредиторской задолженности позволяет утверждать, что содержание ст. 177 УК РФ нуждается в серьезном переосмыслении и доработке.

Наряду с этим, нельзя не признать, что постепенно судебная практика находит верные ответы на проблемные вопросы квалификации данного состава преступления, но это происходит далеко не всегда. Кроме того, сам по себе процесс индуктивного поиска лучших решений достаточно долог.

В этих условиях глубокая научная разработка важнейших проблем применения уголовно-правовой нормы об ответственности за злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности, нацеленная на поиск оптимальных с точки зрения принципов справедливости и экономической целесообразности решений, представляет особую актуальность.

Глава 1. УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ЗЛОСТНОЕ УКЛОНЕНИЕ ОТ ПОГАШЕНИЯ КРЕДИТОРСКОЙ ЗАДОЛЖЕННОСТИ: СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ И СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

§ 1. Уголовная ответственность за злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности как средство обеспечения обязательств и договорной дисциплины

В условиях рыночной экономики договору отводится особая роль, поскольку он становится, по-сути, главным регулятором экономических отношений. Собственно, именно при заключении договора заинтересованные стороны определяют все основные условия, на которых они будут строить свои отношения по реализации товаров, выполнению работ, оказанию услуг и т. п. В зарубежной экономической и юридической литературе постоянно подчеркивается исключительное значение гражданско-правовых договоров в обеспечении экономического прогресса. В англо-американском общем праве, как отмечает К. Осакве, договор рассматривается как «тот локомотив, который тянет весь рынок», способствуя экономической рентабельности общества¹.

К сожалению, в современном гражданском обороте России нарушение договорных обязательств – достаточно распространенное явление. Суды перегружены исками, вытекающими из неисполнения или ненадлежащего исполнения договоров. При этом, как представляется, куда большее число случаев нарушения контрактов до суда просто не доходит². По справедливому мнению большинства специалистов, из-за нарушения контрагентами взятых на себя обязательств подрываются ожидания их партнеров, дестабилизируется оборот, а также резко увеличиваются риски заключения договоров.

Как показывают материалы ведомственной статистической отчетности Федеральной службы судебных приставов Российской Федерации, количество исполнительных производств только за последние

¹ Осакве К. Экономико-философская интерпретация договора в англо-американском общем праве: либеральная теория договора // Журнал российского права. – 2004. – № 9. – С. 97.

² В настоящее время системы учета нарушений договорных обязательств в России просто не существует. Данные о характере и размере ущерба от соответствующих нарушений не собираются и не анализируются.

пять лет увеличилось почти вдвое. Так, в 2008 г. было зарегистрировано 35 938 478; в 2010 г. – 50 816 324; в 2013 г. – 55 737 410; в 2015 г. – 71 220 272.

Динамика роста наблюдается и по исполнительным производствам, возбужденным по взысканиям в пользу кредитных организаций: в 2008 г. – 1 185 729; в 2010 г. – 2 289 157; в 2013 г. – 2 486 448; в 2015 г. – 4 083 209.

Особую тревогу при этом вызывает динамика исполнительных производств, оконченных по причинам невозможности установления местонахождения должника, его имущества либо получение сведений о наличии принадлежащих ему денежных средств и иных ценностей, а равно в связи с отсутствием у должника имущества, на которое может обратиться взыскание. Так, в 2008 г. по указанным основаниям было прекращено 3 124 835 исполнительных производств; в 2010 г. – 2 859 725; в 2013 г. – 7 650 229; за 2015 г. – 11 303 121¹.

Проблема обеспечения договорной дисциплины² с правовой точки зрения носит глобальный характер и должна решаться системно. Особое значение здесь приобретают нормы о защите прав кредитора по нарушенному договору, которые должны предоставлять действенный (но при этом достаточно справедливый) инструмент средств защиты.

К сожалению, в настоящее время в России механизмы судебной защиты нарушенных прав кредиторов исключительно гражданско-правовыми средствами ограничены либо малоэффективны. Недобросовестных участников гражданского оборота просто не страшат меры гражданско-правовой ответственности. Как справедливо отмечает по данному поводу Я. С. Васильева: «...если рассматривать каждый в отдельности способ обеспечения исполнения обязательства, то мы увидим несовершенство каждого из них. В конечном итоге применение почти любого из этих способов не может достоверно обеспечить возврат денежных средств кредитору. Данный факт указывает на недостаточную эффективность гражданско-правового механизма защиты прав кредиторов от действий недобросовестных заемщиков»³.

¹ Официальный сайт Федеральной службы судебных приставов Российской Федерации. URL: <http://www.fssprus.ru/statistics>.

² Под договорной дисциплиной в юридической науке понимается стимулируемый при помощи санкций особый правовой режим исполнения обязательств. См., напр.: Кондрашов С. В. Договорная дисциплина : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 11.

³ Васильева Я. С. Уголовная ответственность за деяния, совершенные в сфере кредитных отношений : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2000. С. 34.

В таком же ключе пишет И. В. Цветков: «...гражданско-правовые средства негативного стимулирования договорной дисциплины, а также материальное вознаграждение и ответственность работников за ненадлежащее исполнение трудовых обязанностей при выполнении мероприятий договорной работы, являются абсолютно необходимыми, но все же, как показывает изучение теории и практики, недостаточно стимулирующими инструментами реального обеспечения режима договорной дисциплины. В своем проявлении они обязательно должны дополняться умелым задействованием стимулирующих средств общего, а также публично-правового характера (административными и даже уголовными). Без подобного функционального взаимодействия стимулирующих средств любые попытки решить проблему договорной дисциплины в российской экономике к успеху не приведут»¹.

Одним из главных юридических инструментов такой защиты выступает ст. 177 УК РФ, предусматривающая уголовную ответственность за злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности. По мнению П. А. Скобликова, норма об ответственности за злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности занимает особое место в системе уголовно-правового обеспечения возвратности долгов, поскольку она, единственная в современном российском праве, дает основание для привлечения недобросовестного должника к уголовной ответственности лишь за то, что он после вступления в законную силу судебного акта о взыскании задолженности длительное время без уважительных причин не погашает ее².

В современной России множество гражданско-правовых споров, становящихся предметом судебного разбирательства и последующего исполнительного производства, предполагает совершение значительного количества преступлений, предусмотренных ст. 177 УК РФ. Однако официальная статистика демонстрирует обратное. Стабильно фиксируется незначительное число преступного уклонения от погашения кредиторской задолженности. Так, в 2001 г. в России было зарегистрировано 202 факта злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности. В 2002 г. – 187; в 2003 г. – 98; в 2004 г. –

¹ Цветков И. В. Договорная дисциплина в предпринимательской деятельности : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. С. 254.

² Скобликов П. А. Злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности: практика и теория противодействия. М., 2008. С. 31.

110; в 2005 г. – 164; в 2006 г. – 181; в 2007 г. – 150; в 2008 г. – 139; в 2009 г. – 805; в 2010 г. – 660; в 2011 г. – 522; в 2012 г. – 367; в 2013 г. – 446; в 2014 г. – 443; в 2015 г. – 391.

Анализ крайне немногочисленной правоприменительной практики по делам о злостном уклонении от погашения кредиторской задолженности позволяет утверждать, что ст. 177 УК РФ нуждается в серьезном переосмыслении и доработке. Так, из 391 уголовного дела, возбужденных органами ФССП России в 2015 г., направлено в суд с обвинительным актом всего 196, и только по 114 делам были вынесены обвинительные приговоры. При этом в 2015 г. по 4141 материалам проверки были вынесены постановления об отказе в возбуждении уголовного дела¹. Нельзя не согласиться, что одной из главных причин такой практики является рост «профессионализма» среди должников, зачастую имитирующие погашение задолженности путем многократного перечисления на счета кредиторов незначительных денежных сумм либо искусственно создающих представление о своей неплатежеспособности и т. д.

Вместе с тем, один из самых сложных вопросов уголовной ответственности за уклонение от погашения кредиторской задолженности заключается в допущении самой возможности применения положений уголовного законодательства в целях защиты имущественных интересов отдельного кредитора при нарушении обязательства должником. Разрешение этого вопроса, так или иначе, связано с определением общих оснований вмешательства уголовного права как публичной отрасли права, для которой характерны нормы запретительно-наказательного характера, в частноправовую сферу общественных отношений.

Социальные последствия необоснованной криминализации поведения человека всегда значительны. Чрезмерное количество уголовно-правовых запретов превращает свободу человека в противоположность, в несвободу, поскольку во имя защиты свободы ее же серьезно и ограничивает². Как справедливо отмечает А. Ю. Ломаев, «бесконтрольное вмешательство государства в деятельность частных лиц может привести к серьезным нарушениям в сфере рыночных отношений и, как следствие, к сбоям и стагнации экономики страны...»³.

¹ Официальный сайт Федеральной службы судебных приставов Российской Федерации. URL: <http://www.fssprus.ru/statistics>.

² Наумов А. В. Российское уголовное право : курс лекций. В 3 т. Общая часть. М., 2007. Т. 1. С. 20.

³ Ломаев А. Ю. Публичный интерес как правовая категория : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2012. С. 9.

Совершенно очевидно, что когда общество принимает уголовный закон, который с неизбежностью будет нарушаться очень многими его членами, это вызывает неуважение и неприятие не только самого уголовного закона, но и других законов. В последнее время данная проблема привлекает пристальное внимание ученых. Обсуждаются различные аспекты этого регулирования, в том числе его пределы, формы и содержание. Особо отмечается, что вмешательство властных структур в частноправовую сферу возможно только в случае, когда на это есть специальное дозволение закона или вступившее в силу решение суда.

В обыденном сознании прослеживается весьма скептическое отношение к необходимости вторжения уголовного права в сферу взаимоотношений хозяйствующих субъектов. Это выражается множеством аргументов, и какой-либо их полный анализ явно выходит за пределы рассматриваемой здесь проблемы. По мнению большинства граждан, высокий уровень репрессивности правового регулирования экономических и связанных с экономикой институтов только увеличит коррупционные издержки, приведет к утрате экономической свободы, ослабит гарантии собственности, породит социальные страхи и подавит инициативу в сфере предпринимательской деятельности.

Вместе с тем, общественное мнение относительно обоснованности уголовной ответственности за уклонение от погашения кредиторской задолженности не столь едино. Так, лишь 43 % опрошенных нами респондентов высказались, что при разрешении вопроса об ответственности должника, имеющего реальную возможность исполнить взятые на себя обязательства перед кредитором, и уклоняющегося от их исполнения, положения действующего уголовного законодательства применяться не должны. Пожалуй, это во многом объясняется тем, что такое поведение неисправного должника гражданами воспринимается как умышленное причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием, что обуславливает необходимость вмешательства правоохранительных органов.

Следует в целом согласиться с мнением И. В. Цветкова, который отмечает, что правовые запреты, объявляющие определенное поведение людей в сфере договорных отношений преступным, должны появляться только тогда, когда возникает реальная и адекватно воспринимаемая всеми членами общества угроза правопорядку и нормальному функционированию экономических отношений¹.

¹ Цветков И. В. Договорная дисциплина в предпринимательской деятельности : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. С. 262.

Представляется ошибочным полное отрицание необходимости публично-правового регулирования частноправовой сферы общественных отношений, поскольку оно оторвано от объективных реалий социально-экономического и правового развития современного российского общества.

Быстрое развитие рыночных отношений и неудовлетворительное состояние договорной дисциплины побуждают к поиску новых средств (способов), которые могли как стимулировать должника к надлежащему исполнению обязательств, так и гарантировали бы частный (имущественный) интерес кредитора. И это стремление усиливается по мере обнаружения недостаточной эффективности гражданско-правовых способов обеспечения обязательств: неустойка, залог и др. известные средства.

Причем в ряде конкретных случаев применение обеспечительных мер, предусмотренных уголовным законом, оказывается более действенным, нежели использование правовых средств, установленных гражданским законодательством. Как справедливо отмечает Б. М. Гонгало, угроза привлечения к уголовной ответственности руководителя организации в связи со злостным уклонением от погашения кредиторской задолженности, несомненно, обладает большим обеспечительным эффектом, нежели угроза взыскания неустойки с соответствующей организации¹. В науке уголовного права постоянно подчеркиваются и иные преимущества уголовно-правового способа обеспечения обязательств в сравнении с традиционным (гражданско-правовым) способом. В числе основных преимуществ можно назвать оперативность и экономичность уголовного процесса, более эффективная организация розыска должника и принадлежащего ему имущества и др.²

Более того, нельзя не признать, что, обеспечивая вполне конкретный (частный) интерес кредитора, норма об уголовной ответственности неисправного должника за уклонение от исполнения взятых на себя обязательств достаточно четко выражает коренные принципы устройства и взаимодействия государства и общества, и

¹ Гонгало Б. М. Учение об обеспечении обязательств. Вопросы теории и практики. М., 2004. С. 10.

² См., например: Скобликов П. А. Уголовно-правовой способ взыскания долгов и его преимущества перед традиционным способом // Закон. – 2007. – № 10; Золотова Н. М. Преступления в сфере кредитования : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008; Расторопова О. В. Преступления в сфере кредитования: уголовно-правовой и криминологический аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011 и др.

таким образом проявляет свою публично-правовую природу¹. Как известно, одна из основных задач государства состоит в организации хозяйственной жизни с учетом интересов всех участников этой сферы общественных отношений. И в данной связи уголовно-правовая норма об ответственности за злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности, наряду с иными юридическими инструментами, призвана исключить элементы случайности, неопределенности в сфере экономического оборота, обеспечить необходимую организованность соответствующих общественных отношений.

Само противопоставление или принципиальное деление имущественного интереса кредитора и экономических потребностей всего общества в контексте ст. 177 УК РФ представляется надуманным. Приведем высказывание С. А. Громова: «Частные отношения первичны по отношению к публичным, ибо последние возникают как результат осознания необходимости регулирования первых. Публичные отношения, будучи вторичными, имеют свое высшее оправдание именно в надлежащем обеспечении частных отношений»².

При этом в современной юридической науке все чаще частный и публичный интересы определяются как парные правовые категории, между которыми существуют разнообразные внутренние взаимосвязи, показывающие не столько их противоположность, сколько общую сущность, так как эти явления выступают элементами как частноправового, так и публично-правового регулирования.

В разработанной в соответствии с поручением Президента России коллективом видных юристов и экономистов Концепции модернизации уголовного законодательства в экономической сфере «в связи с избыточной или искусственной криминализацией либо нарушением конституционных норм и общепризнанных норм права» было предложено исключить из УК РФ норму об ответственности за злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности³. Одним из

¹ Как пишет В. В. Болгова, публичное право – относительная, базовая, сверхличностная духовная ценность, отражающая концептуальные основы взаимодействия государства и общества. См.: Болгова В. В. Публичное право: проблемы методологии, теории и практики : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Самара, 2009. С. 21.

² Громов С. А. Соотношение частного и публичного права в российской системе права: тенденции дифференциации и интеграции : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004. С. 157.

³ Концепция модернизации уголовного законодательства в экономической сфере. М. : Фонд «Либеральная миссия», 2010. С. 54.

главных аргументов такого решения было названо противоречие ст. 177 УК РФ ст. 1 Протокола № 4 к Конвенции «О защите прав человека и основных свобод» (Рим, 4 ноября 1950 г.), согласно которой «никто не может быть лишен свободы лишь на том основании, что он не в состоянии выполнить какое-либо договорное обязательство».

Вместе с тем, анализ положений уголовного закона России позволяет сделать однозначный вывод о несостоятельности данного аргумента, поскольку лицо подлежит уголовной ответственности в соответствии со ст. 177 УК РФ не за неисполнение договорного обязательства, когда оно не в состоянии его выполнить, а за уклонение от его исполнения при наличии реальной к тому возможности.

Более того, нормы Протокола № 1 Конвенции «О защите прав человека и основных свобод» устанавливают для государств-участников обязанность по защите права собственности частного лица от любого необоснованного и произвольного вмешательства со стороны третьих лиц. При этом особую роль при защите права собственности, в том числе «законных ожиданий» кредиторов, как представляется, играют процессуальные гарантии, содержащиеся в ст. 6 Конвенции «О защите прав человека и основных свобод». Предусмотренное ст. 6 Конвенции право на справедливое судебное разбирательство обеспечивает любому собственнику реальную возможность получить доступ к правосудию по имущественным делам, гарантирует рассмотрение подобной категории дел независимым и беспристрастным судом в течение разумного срока времени при соблюдении всех процессуальных гарантий, и, наконец, *обеспечивает точное и неукоснительное исполнение решений вынесенных судами по имущественным спорам.*

В этой связи установление уголовной ответственности за злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности не только не противоречит общепризнанным принципам и нормам международного права, но еще и направлено на исполнение обязательств по обеспечению таких фундаментальных прав и свобод человека как право собственности, право на судебную защиту и право на эффективное средство правовой защиты, которые взяла на себя Россия, ратифицировав ряд международных соглашений.

Следует обязательно учитывать, что уголовный закон вторгается в частноправовой конфликт должника и кредитора не произвольно, а только при наличии вступившего в законную силу судебного акта (решения) вынесенного по иску кредитора в его пользу, т. е. обязывающего заемщика погасить кредиторскую задолженность. Данное об-

стоятельство является чрезвычайно важным. Судебное решение, являющееся актом органа судебной власти, выносимое именем Российской Федерации, выступает одновременно основанием привлечения принудительной силы государства с целью устранения затруднений реализации прав. Как верно замечает Е. Н. Коваленко: «...властный характер и императивные требования судебного решения как правоприменительного акта вынуждают воспринимать и руководствоваться в своей деятельности лиц, которые не принимают непосредственного участия в исполнении состоявшегося судебного решения. Правосудие имеет свои цели, его итоги должны рассматриваться выражением воли государства, необходимым элементом публичного правопорядка»¹.

В таких условиях дальнейшее уклонение от исполнения частного обязательства перед кредитором одновременно выступает неповиновением требованиям соответствующего судебного решения, направленного на придание устойчивости экономическому обороту государства в целом.

Сам факт обязательности обращения кредитора за судебной защитой своего права, позволяет утверждать о скрытом элементе частно-публичного обвинения данной категории дел. В случае если кредитор по каким-либо обстоятельствам не посчитает нужным прибегнуть к претензионно-исковой (судебной) форме защиты своего права, то вне зависимости от характера действий неисправного должника и размера образовавшейся задолженности уголовное преследование по ст. 177 УК РФ будет принципиально невозможным.

И, наконец, нельзя не отметить определенную традицию уголовного права России в части обеспечения интересов кредитора ввиду уклонения должника от исполнения взятых на себя обязательств. Так, уже по Судебнику 1497 г. должник за неисполнение имущественных обязательств перед кредитором по-разному отвечал, в зависимости от отсутствия или наличия вины. Неуплата долга в результате объективных причин («утеряет товар бесхитростно, истонет, или згорить, или рать возьмет») влекла лишь обязанность возратить долг, т. е. гражданско-правовую ответственность. Вместе с тем, если долг не был уплачен по вине самого должника («проплет или иным каким безумием погубит товар»), тот подлежал лишению свободы и отдаванию истцу в холопы до отработки долга².

¹ Коваленко Е. Н. Судебное решение: теоретико-методологические и технико-юридические аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2009. С. 82.

² Российское законодательство X–XX вв. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М., 1985. Т. 2. С. 61.

Позднее Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, предусматривал ст. 176-1, в соответствии с которой лица, заведомо имевшие какие-либо способы к удовлетворению своих кредиторов, но умышленно не объявившие об этом суду или полиции в случаях и порядке, определенных правилами гражданского судопроизводства, а также сделавшие при сем объявлении ложные показания, хотя от этого и не последовало ущерба, подвергаются заключению в тюрьму от одного до восьми месяцев¹.

В ст. 131 УК РСФСР 1926 г. лишением свободы на срок от шести месяцев с конфискацией имущества наказывалось неисполнение обязательств по договору, заключенному с государственным или общественным учреждением или предприятием, если такое поведение лица имело злонамеренный характер. Как отмечалось в юридической литературе того времени, установление признаков злонамеренного характера неисполнения, основывается главным образом на доказывании преследования виновным «корыстных или личных видов»².

В УК РСФСР 1960 г. не было специальной статьи, устанавливающей ответственность за злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности. Однако такие деяния квалифицировались по ст. 94 как причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием. Как писал Г. А. Кригер, конкретно преступные действия виновных, квалифицируемые по ст. 94, могут выражаться «...в уклонении от уплаты различных платежей, которые отдельные граждане должны были производить социалистическим организациям по договорам с ними...»³. При этом в случае нарушения финансовой дисциплины в форме уклонения от погашения кредиторской задолженности со стороны должностных лиц, к которым в то время относились руководящие работники организаций, предприятий и учреждений (например, заведующие магазинами, киосками, палатками и другими торговыми точками, заведующие мастерскими, директора ресторанов, столовых и т. п.), ответственность наступала по ст. 170 УК РСФСР 1960 г. «Злоупотребление властью или служебным положением».

¹ См.: Свод законов Российской империи. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Издание 1914 года. Волгоград, 1995. С. 63–65.

² Вроблевский А. Б., Утевский Б. С. Уголовный кодекс 1926 г. : комментарий / под общ. ред. Е. Г. Ширвиндта. М., 1988. С. 255.

³ Ахметшин Х. М., Бородин С. В., Карпец И. И., Кригер Г. А. и др. Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. : комментарий / под ред. Ю. Д. Северина. М., 1980. С. 211.

В данном контексте уголовно-правовая норма об ответственности за злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности, предусмотренная ст. 177 УК РФ, выступает воплощением исторически сложившегося в нашей стране уголовно-правового механизма обеспечения возвратности долгов. И в современных условиях, когда одной из главных проблем российского общества является предупреждение и эффективное урегулирование имущественных споров хозяйствующих субъектов, отказ от указанного механизма представляется абсолютно безосновательным. Такое решение, проникнутое идеей гуманизации ответственности за экономические преступления, на деле окажется ее профанацией и нарушением принципа справедливости.

§ 2. Сравнительно-правовой анализ уголовной ответственности за злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности по законодательству зарубежных стран

Уголовно-правовое обеспечение законных интересов кредиторов свойственно не только для правовой системы России, но и для правовых систем большинства зарубежных стран. Во всех без исключения странах в качестве общего принципа определения уголовной ответственности неисправного должника выступает признание невозможности применения уголовного наказания к лицу только на том основании, что он не в состоянии выполнить какое-либо договорное обязательство¹.

Уже поверхностный анализ зарубежного законодательства позволяет сделать вывод, что определение содержания общественных отношений, которым причиняется вред при совершении данного преступления, является неодинаковым. Так, в одних странах уклонение от погашения кредиторской задолженности рассматривается как преступление против собственности; в других – как преступление против интересов кредиторов; в третьих – как преступление против установленного порядка осуществления хозяйственной деятельности, в четвертых – как преступление, посягающее на установленный порядок реализации судебных решений.

Кроме того, следует отметить, что во многих зарубежных странах норма об ответственности за злостное уклонение от погашения кре-

¹ В большинстве европейских стран тюрьмы для должников были упразднены в середине XIX в.: в Англии – в 1869 г., в США – в 1833 г.

диторской задолженности находится в системе преступлений, посягающих на общественные отношения, обеспечивающие процедуру банкротства.

В большинстве зарубежных стран основным критерием дифференциации уголовной ответственности за злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности выступает размер неисполненных должником обязательств. Вместе с тем, проведенный анализ позволил выявить и иные подходы. Квалифицирующими признаками совершения анализируемого преступления в отдельных странах выступают содержание неисполненного обязательства, а также наступление общественно опасных последствий. Следует особо отметить, что в некоторых странах наличие вступившего в законную силу судебного решения по гражданскому делу выступает не конструктивным, а отягчающим признаком основного состава преступления.

Изучение уголовного законодательства зарубежных государств показало, что простое уклонение от оплаты кредиторской задолженности без совершения активных действий, направленных на обеспечение невозможности взыскания долга, не во всех странах признается преступлением.

Пожалуй, причиной для размышлений, касающихся проблемы ответственности лица за уклонение от погашения кредиторской задолженности, послужило изучение уголовного законодательства Соединенных Штатов Америки.

Как известно, уголовное законодательство США кодифицировано в пятидесяти двух кодексах: федеральном уголовном кодексе, пятидесяти кодексах штатов и кодексе Округа Колумбия.

На уровне федерального уголовного законодательства, кодифицированного в разделе 18 Свода Законов США, ответственность за уклонение от погашения кредиторской задолженности не установлена. Во многом это объясняется тем обстоятельством, что основным назначением раздела 18 Свода Законов США является определение круга преступных деяний, посягающих на «федеральные интересы» (преступления против федеральных государственных служащих, организованная преступность и т.д.). Вместе с тем, нельзя не отметить, что в ст.1509 раздела 18 Свода законов США предусматривается уголовная ответственность за воспрепятствование отправлению правосудия¹. В соответствии с санкцией данной статьи лицо, признанное

¹ Свод законов США // URL: <http://law.justia.com/codes/us/2010/title18/parti/chap73/sec1509/> (дата обращения: 21.06.2012).

виновным в совершении подобного преступления, должно быть подвергнуто наказанию в виде лишения свободы сроком до одного года со штрафом или без такового.

Таким образом, основная масса составов преступлений определена на уровне уголовных кодексов штатов. Данные кодексы имеют весьма существенные отличия не только в определении перечня преступных деяний, но и в выражении признаков отдельных из них, а равно наказаний, назначаемых за их совершение. Имеющиеся же сходства главным образом обусловлены влиянием Модельного уголовного кодекса США, опубликованного в 1962 г. Работа над этим кодексом заняла более 10 лет и осуществлялась членами Американского института права (American Law Institute (ALI), судьями, адвокатами и учеными.

В § 224.10 «Обман обеспеченных кредиторов» Модельного уголовного кодекса США предлагается проект нормы об ответственности лица, которое с целью уклонения от исполнения обязательств перед кредитором разрушает, скрывает, обременяет или отчуждает имущество, являющееся предметом залога.

В § 224.11 «Мошенничество при банкротстве» предлагается проект нормы об ответственности лица, если оно в предвидении несостоятельности или в процессе процедуры банкротства совершает любые действия, цель которых – воспрепятствование законным требованиям кредитора, а равно блокирование применения любого законодательства, касающегося управления имуществом в пользу кредитора.

Нельзя не отметить то обстоятельство, что указанные проекты составов преступлений, сконструированы по типу формальных и не требуют наступления каких-либо последствий. Таким образом, правоприменителю не нужно определять причиненный кредитору вред, а достаточно доказать лишь совершение лицом деяния с целью уклонения от исполнения обязательства перед кредитором.

Законодательство отдельных штатов содержит нормы, объективные и субъективные признаки которых практически полностью повторяют содержание ст. 177 УК РФ. Так, Свод законов штата Алабама в ст. 13А-9-47 предусматривает уголовную ответственность лица, если оно препятствует исполнению судебного решения в части истребования долга путем сокрытия или отчуждения имущества, на которое должно быть обращено взыскание¹.

¹ Свод законов штата Алабама // URL: <http://law.justia.com/codes/alabama/2009/Title13A/Chapter9/13A-9-47.html> (дата обращения: 21.06.2012).

Аналогичная норма предусмотрена в ст. 9.45.080 Свода законов Вашингтона (Округ Колумбия)¹. Как и в Своде законов штата Алабама, данная уголовно-правовая норма не требует наступления общественно опасных последствий. Правоприменителю достаточно установить совершение должником умышленных действий в целях уклонения от исполнения обязательств перед кредитором.

В соответствии со ст. 817.08 Свода законов штата Флорида лицо подлежит уголовной ответственности, если оно, являясь хозяином или владельцем судна, заключило письменное соглашение об оказании транспортных услуг и в дальнейшем без уважительных причин отказывается от их выполнения. Данное преступление признается мисдиминором первой степени и наказывается штрафом в размере не более 1 тыс. долларов США или лишением свободы не более одного года².

Данная норма представляется чрезвычайно детализированной, описывающей частный случай невыполнения должником принятого на себя обязательства. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что при установлении уголовной ответственности законодатель придает решающее значение не размеру причиненного кредитором ущерба, а содержанию самого обязательства – оказание транспортных услуг с использованием морского судна.

Примерно такой же подход реализован в Своде законов штата Луизиана, § 14.202.1 которого предусматривает уголовную ответственность в случае, если лицо заключило договор по производству ремонтных работ жилого помещения и умышленно уклоняется от выполнения таких работ в течение 45 дней после получения оплаты³.

Вместе с тем, дифференциация ответственности виновного по УК штата Луизиана напрямую связана с суммой заключенного договора. Так, если стоимость заключенного контракта не превышала 500 долларов США, то лицо наказывается лишением свободы на срок не более шести месяцев и штрафом не более 1 тыс. долларов США. Если стоимость заключенного контракта составляла от 500 до 1500 долларов США, то лицо наказывается лишением свободы на срок не более

¹ Свод законов Вашингтона (Округ Колумбия) // URL: <http://law.justia.com/codes/washington/2011/title9/9-45/9-45-080.html> (дата обращения: 21.06.2012).

² Свод законов штата Флорида // URL: <http://law.justia.com/codes/florida/2012/titlexlvi/chapter817/parti/section817.08/> (дата обращения: 22.06.2012).

³ Свод законов штата Луизиана // URL: <http://law.justia.com/codes/louisiana/2011/rs/title14/rs14-202-1/> (дата обращения: 22.06.2012).

двух лет и штрафом не более 5 тыс. долларов США. И наконец, если сумма заключенного договора превышала 1500 долларов США, то лицо наказывается лишением свободы на срок до десяти лет и штрафом не более 20 тыс. долларов США.

Примечательно, что в рамках этой же статьи оговариваются своего рода «извинительные» обстоятельства, исключаящие преступный характер невыполнения соответствующих работ исполнителем: неблагоприятные климатические условия; невозможность получения исполнителем необходимых для проведения работ материалов; заболевание исполнителя, подтвержденное документами из органов здравоохранения; невозможность доступа исполнителя к месту проведения работ и др.

Однако наиболее казуистичный подход в определении ответственности неисправного должника, как представляется, реализован в ст. 16-9-58 «Умышленное уклонение от оплаты товаров» Свода законов штата Джорджия¹. В соответствии с данной статьей лицо подлежит уголовной ответственности за уклонение от оплаты хлопка, кукурузы, риса, сыра, скипидара, канифоли, смолы, древесины, садовых культур, мяса птицы и продуктов из птицы, крупного рогатого скота, свиней, овец, коз, лошадей, мулов, персиков, яблок, арбузов, дынь, а равно других продуктов. При этом обязательным условием наступления уголовной ответственности выступает период уклонения от оплаты – более 20 дней после получения должником указанных товаров или после наступления даты платежа, четко обозначенной в договоре между покупателем и продавцом, а также стоимость указанных товаров – свыше 500 долларов. За совершение данного преступления лицо наказывается лишением свободы на срок не менее одного года и не более пяти лет.

Свод законов штата Нью-Йорк в ст. 185 «Мошенничество, посягающее на интересы кредиторов» предусматривает сразу несколько составов преступлений (185.00, 185.05, 185.10, 185.15), содержанием которых является умышленное нарушение должником взятых на себя обязательств².

Свод законов штата Техас в ст. 32.33 также предусматривает уголовную ответственность неисправного должника, который в целях уклонения от исполнения обязательств перед кредитором совершает

¹ Свод законов штата Джорджия // URL: <http://law.justia.com/codes/georgia/2010/title-16/chapter-9/article-4/16-9-58/> (дата обращения: 21.06.2012).

² Свод законов штата Нью-Йорк // URL: <http://law.justia.com/codes/new-york/2010/pen/part-3/title-k/article-185/> (дата обращения: 22.06.2012).

различного рода активные действия по отчуждению принадлежащего ему имущества. Дифференциация уголовной ответственности за совершение данного преступления напрямую зависит от размера образовавшейся задолженности перед кредитором. Так, если задолженность составляет от 500 до 1500 долларов данное деяние признается мисдминомором класса «А» и влечет наказание в виде лишения свободы до одного года со штрафом в размере до 400 долларов или без такового¹; при задолженности от 1500 до 20 тыс. – фелонией и влечет наказание в виде лишения свободы на срок от ста восьмидесяти суток до двух лет со штрафом в размере до 10 тыс. долларов²; при задолженности от 20 тыс. до 100 тыс. долларов – фелонией третьей степени и влечет наказание в виде лишения свободы на срок от двух до десяти лет со штрафом в размере до 10 тыс. долларов или без такового³; при задолженности от 100 тыс. до 200 тыс. долларов – фелонией второй степени и наказывается лишением свободы на срок от двух до двадцати лет со штрафом в размере до 10 тыс. долларов или без такового⁴; при задолженности свыше 200 тыс. долларов – фелонией первой степени и наказывается лишением свободы на срок от пяти до девяти лет со штрафом в размере до 10 тыс. долларов или без такового⁵.

Уголовный кодекс Канады в ст. 422 «Преступное нарушение контракта» устанавливает уголовную ответственность за умышленное неисполнение договорных обязательств, повлекшее хотя бы одно из следующих последствий: 1) создание угрозы для жизни человека; 2) причинение серьезных телесных повреждений; 3) причинение значительного имущественного ущерба; 4) нарушение работы объектов

¹ Sec. 12.21. Class «A» misdemeanor. Свод законов штата Техас // URL: <http://law.justia.com/codes/texas/2009/penal-code/title-3-punishments/chapter-12-punishments/> (дата обращения: 23.06.2012).

² Sec. 12.35. State jail felony punishment. Свод законов штата Техас // URL: <http://law.justia.com/codes/texas/2009/penal-code/title-3-punishments/chapter-12-punishments/> (дата обращения: 23.06.2012).

³ Sec. 12.34. Third degree felony punishment. Свод законов штата Техас // URL: <http://law.justia.com/codes/texas/2009/penal-code/title-3-punishments/chapter-12-punishments/> (дата обращения: 23.06.2012).

⁴ Sec. 12.33. Second degree felony punishment. Свод законов штата Техас // URL: <http://law.justia.com/codes/texas/2009/penal-code/title-3-punishments/chapter-12-punishments/> (дата обращения: 23.06.2012).

⁵ Sec. 12.32. First degree felony punishment. Свод законов штата Техас // URL: <http://law.justia.com/codes/texas/2009/penal-code/title-3-punishments/chapter-12-punishments/> (дата обращения: 23.06.2012).

жизнеобеспечения; 5) прерывание нормальной работы транспорта¹. В соответствии с санкцией, лицо, признанное виновным в совершении данного преступления, подлежит наказанию в виде лишения свободы сроком не более пяти лет.

В Канаде уголовную ответственность должника определяет не только уголовный кодекс, но и Закон «О банкротстве и несостоятельности» от 1985 г.² В соответствии со ст. 198 данного закона должник будет признан виновным в совершении преступления и подлежит наказанию в виде лишения свободы на срок не более трех лет с штрафом, не превышающим 10 тыс. долларов, или без такового, если будет доказано, что он: а) предоставил в декларации заведомо ложные сведения о своем имуществе при проведении процедуры банкротства; б) после или в течение одного года, непосредственно предшествующих признанию банкротом, совершил действия, связанные с уничтожением или фальсификацией документов, затрагивающих его имущество.

Так, по одному из дел было установлено, что за три месяца до подачи заявления о банкротстве физическое лицо продало недвижимое имущество в Торонто. В заявлении лицо указало, что личные проблемы с азартными играми, а также падение доходности его бизнеса, способствовали его несостоятельности. При подаче заявления о банкротстве, лицо сообщило, что стоимость реализации недвижимого имущества составила 200 тыс. долларов. Дальнейшее расследование показало, что имущество фактически было продано за 378 тыс. долларов, что на 178 тыс. больше, чем было объявлено в заявлении. Кроме того, лицо не раскрыло факт продажи транспортного средства за 5 тыс. долларов.

Решением суда лицо было признано виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 198 Закона «О банкротстве и несостоятельности» от 1985 г. – предоставление в декларации заведомо ложных сведений о своем имуществе при проведении процедуры банкротства; фальсификация документов, затрагивающих имущество должника³.

В Англии Закон «Об отмене тюремного заключения за долги и об установлении ответственности за мошеннические действия

¹ Уголовный кодекс Канады 1985 г. // URL: <http://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts> (дата обращения: 25.06.2012).

² Bankruptcy and Insolvency Act 1985 г. // URL: <http://www.ic.gc.ca> (дата обращения: 25.06.2012).

³ Дело № 31-442408. 2010 г. // URL: <http://www.ic.gc.ca> (дата обращения: 25.06.2012).

должников»¹ от 9 августа 1869 г., более известный как Закон «О должниках»², действующий с изменениями до настоящего времени, в пункте 13 предусматривает уголовную ответственность должника, если он с целью уклонения от погашения кредиторской задолженности совершает действия по сокрытию или отчуждению принадлежащего ему имущества. Особенностью диспозиции данной нормы является определение периода времени, в течение которого такие действия должны быть совершены, – после или в период двух месяцев до принятия решения судом о взыскании долга в пользу кредитора³.

Следует отметить, что простое уклонение от погашения кредиторской задолженности в Англии может создать основание уголовной ответственности только в связи с имевшим место фактом «неуважения к суду» со стороны должника. Так, разрешив гражданское дело о взыскании задолженности по существу, суд в письменном виде разъясняет должнику, что в случае умышленного уклонения от исполнения судебного решения, признаваемого одним из видов «неуважения к суду», он может быть подвергнут аресту на срок до 14 суток⁴. Таким образом, формально в Англии лицо несет уголовную ответственность не за уклонение от погашения кредиторской задолженности, а за проявление неуважения к суду в связи с умышленным неисполнением судебного решения.

Как могущественная колониальная держава Англия оказала существенное влияние на развитие правовых систем своих бывших колоний. Так, п. 23 Закона «О должниках»⁵ Брунея и ст. 316 Уголовного кодекса Республики Кения⁶ практически полностью повторяют содержание п. 13 Закона «О должниках» 1869 г. Англии.

¹ «Act for the Abolition of Imprisonment for Debt, for the punishment of fraudulent debtors, and for other purposes» // URL: <http://www.legislation.gov.uk> (дата обращения: 25.06.2012).

² Debtors Act // URL: <http://www.legislation.gov.uk> (дата обращения: 25.06.2012).

³ «Act for the Abolition of Imprisonment for Debt, for the punishment of fraudulent debtors, and for other purposes» // URL: <http://www.legislation.gov.uk> (дата обращения: 25.06.2012).

⁴ 2.1-2.4 Enforcement of undertaking for the payment of money / Practice Direction Part 33A // URL: <http://www.justice.gov.uk/courts/procedure-rules> (дата обращения: 25.06.2012).

⁵ URL: <http://www.agc.gov.bn> (дата обращения: 25.06.2012).

⁶ Уголовный кодекс Республики Кения // URL: <http://www.kenyalaw.org> (дата обращения: 25.06.2012).

Подобный подход реализован и в уголовном законодательстве Федеративной Республики Нигерия. Статья 490 УК Нигерии, предусматривающая наказание в виде лишения свободы сроком до одного года, расположена в гл. 47 «Мошеннические действия должников» ч. 6 «Преступления, связанные с собственностью и контрактами»¹.

Обращаясь к уголовному законодательству Англии, нельзя не отметить правовой механизм защиты интересов должника в отношениях с кредитором. Так, Закон «Об отправлении правосудия»² 1970 г. предусматривает уголовную ответственность за незаконное преследование должников³. Лицу, признанному виновным в совершении данного преступления, может быть назначено наказание в виде штрафа в размере до 400 фунтов стерлингов.

В соответствии с данным законом под незаконным преследованием должников понимается: 1) преследование лица с требованием оплаты долга с применением угроз; 2) преследование лица с требованием оплаты долга с применением способа, заведомо причиняющего должнику или членам его семьи необоснованное беспокойство; 3) преследование лица с требованием оплаты долга с применением способа, заведомо причиняющего вред чести и достоинству должника или членов его семьи; 4) преследование лица с требованием оплаты долга, связанное с сообщением заведомо ложных сведений о возбуждении уголовного преследования в связи с неоплатой долга; 5) преследование лица с требованием оплаты долга, связанное с использованием заведомо подложных документов.

В целях разъяснения положений Закона «Об отправлении правосудия» Управление по добросовестной торговле (Office of Fair Trading and Trade Associations)⁴ Англии выработало своего рода руководящие принципы, которыми должны руководствоваться кредиторы при взыскании долгов, чтобы их действия не были расценены как «незаконное преследование должника». Так, среди данных принципов можно выделить следующие запреты: 1) запрещается необоснованное беспокойство должника посредством телефонных звонков, писем и т. п.; 2) запрещается использование более одной коллектор-

¹ Уголовный кодекс Нигерии // URL: <http://www.nigeria-law.org/CriminalCode.htm> (дата обращения: 25.06.2012).

² «Administration of Justice Act 1970» // URL: <http://www.legislation.gov.uk> (дата обращения: 25.06.2012).

³ «Unlawful harassment of debtors» Section 40 of the Administration of Justice Act 1970 // URL: <http://www.legislation.gov.uk> (дата обращения: 25.06.2012).

⁴ URL: <http://www.offt.gov.uk> (дата обращения: 25.06.2012).

ской компании в процессе урегулирования образовавшегося долга; 3) запрещается осуществлять уступку требования другому лицу без уведомления должника; 4) запрещается делать угрожающие заявления или жесты; 5) запрещается посещать должника на работе или в медицинском учреждении; 6) запрещается посещать жилище должника вопреки его желанию, а равно без предварительного уведомления; 7) запрещается посещать должника в период его болезни.

В современной России данная проблема является актуальной и, как представляется, должна быть решена на законодательном уровне. Согласно социологическому исследованию, проведенному в 2010 г. Национальным агентством финансовых исследований (НАФИ), большинство людей в России ассоциируют деятельность коллекторов со словами: «бандиты», «выбивалы», «насилие», «угрозы» и т. п.¹ Такие результаты стали предсказуемым следствием правовой неурегулированности деятельности компаний, занимающихся взысканием «проблемных» долгов. По справедливому мнению большинства специалистов, ключевым фактором, способным изменить сложившееся положение, является скорейшее принятие специального закона, который бы детально определял права, обязанности и ответственность профессиональных сборщиков долгов².

В ст. 314-7 Уголовного кодекса Франции предусмотрена ответственность должника за действия, выразившиеся в организации или отягощении своей неплатежеспособности путем увеличения пассивов или занижении активов своего имущества, либо выразившиеся в занижении или сокрытии всех или части своих доходов, либо в сокрытии какого-либо имущества и имеющие целью уклонение от исполнения приговора имущественного характера, вынесенного судом по уголовным делам, или решения, вынесенного судом по гражданским делам³.

Следует отметить, что как и в английской правовой модели по уголовному законодательству Франции неисправный должник может подлежать уголовной ответственности и в том случае, если указанные действия были им совершены до вынесения судебного решения, констатирующего кредиторскую задолженность.

¹ Заславская О. Жалеют должников. Большинство людей считают коллекторов бандитами // Российская Бизнес-газета. – 2010. – 21 дек.

² В данной связи нельзя не отметить, что обсуждение проекта федерального закона «О деятельности по взысканию просроченной задолженности физических лиц» идет уже на протяжении нескольких лет.

³ Уголовный кодекс Франции. СПб., 2002. С. 303.

В соответствии с § 288 «Срыв принудительного исполнения», расположенном в разд. 25 «Наказуемая корысть», Уголовного кодекса Федеративной Республики Германия лицо подлежит наказанию в виде штрафа или лишения свободы сроком до двух лет, если оно в связи с угрозой применения к нему принудительного исполнения судебного решения отчуждает или утаивает составные части своего имущества с намерением неосуществления расчета с кредитором¹.

При этом в п. 2 § 288 УК Германии определено, что возбуждение уголовного преследования по данной статье возможно только на основании заявления потерпевшего.

Аналогичный подход реализован и в Уголовном кодексе Польши. В гл. XXXVI «Преступления против хозяйственного оборота» УК Польши в § 1 ст. 300 установлена уголовная ответственность в отношении лица, которое «в случае грозящей ему неплатежеспособности или банкротства срывает или уменьшает выполнение своих обязательств перед кредитором путем отчуждения, сокрытия, сбыта, дарения, уничтожения, повреждения или создания видимости повреждения составных частей своего имущества»².

В § 2 данной статьи предусмотрен квалифицированный вид преступления – совершение указанных действий вопреки решению суда или иного государственного органа.

В § 4 предусмотрено, если потерпевшим не является Государственная Казна, преследование преступления, предусмотренного в § 1, возбуждается по жалобе потерпевшего.

В соответствии со ст. 162 Уголовного кодекса Австрии подлежит уголовной ответственности должник, который утаивает составную часть своего имущества, скрывает ее, отчуждает или повреждает, отговаривается несуществующим обязательством или признает его или иным образом фактически или формально уменьшает свое имущество и тем самым препятствует удовлетворению требований своего кредитора либо преуменьшает их, если такое удовлетворение требований осуществляется путем принудительного исполнения решения или в зависимом от него процессе по принудительному взысканию³.

Особенностью Уголовного кодекса Австрии является определение в ст. 163 уголовной ответственности лица, которое без согласия кредитора утаивает составную часть его имущества, скрывает ее, отчуждает или повреждает, предъявляет несуществующее право в отноше-

¹ Уголовный кодекс Федеративной Республики Германия. СПб., 2002. С. 441.

² Уголовный кодекс Республики Польша. СПб., 2001. С. 199.

³ Уголовный кодекс Австрии. СПб., 2004. С. 209.

нии имущества должника и тем самым препятствует удовлетворению требований кредитора, если такое удовлетворение требований осуществляется путем принудительного исполнения решения или в зависимости от него процессе по принудительному взысканию.

Совершение указанных действий практически означает пособничество в совершении должником такого преступления как уклонение от погашения кредиторской задолженности. Для уголовного законодательства России определение ответственности такого лица представляет особую актуальность. Как известно, исчерпывающий перечень форм пособничества, закрепленный в ч. 5 ст. 33 УК РФ, влечет многочисленные проблемы в судебно-следственной практике. Думается, что такие трудности неизбежно возникнут и при оценке действий лица, заявляющего, например, заведомо неправомерные притязания на имущество должника с целью воспрепятствования удовлетворению требований кредитора. Очевидно, что, действуя в сговоре с должником, такое лицо может создать непреодолимые преграды в части исполнения судебного решения о взыскании кредиторской задолженности. По нашему мнению, необходимо использовать опыт Австрии и определить в Особенной части УК РФ как самостоятельный состав преступления специальный вид пособничества в совершении лицом уклонения от погашения кредиторской задолженности.

Уголовный кодекс Нидерландов в разд. XXVI «Причинение ущерба кредиторам или уполномоченным лицам» предусматривает сразу несколько статей, направленных на обеспечение интересов кредиторов. Практически все нормы, входящие в указанный раздел связаны с привлечением лица к ответственности за совершение неправомерных действий в состоянии банкротства или в преддверии банкротства. Некоторое сходство со ст. 177 УК РФ имеет лишь ст. 348 УК Нидерландов, в соответствии с которой, если лицо умышленно изымает свою собственность или какое-либо имущество, находящееся у другого лица по праву залога, праву удержания, праву узуфрукта или праву пользования, оно подлежит наказанию в виде лишения свободы на срок не более одного года и шести месяцев¹.

Уголовный кодекс Швеции в гл. 11 «О преступлениях против кредиторов» предусматривает ответственность должника, который в связи с отсрочкой уплаты долгов скрывает имущество, сообщает о несуществующем долге или предоставляет другую ложную информа-

¹ Уголовный кодекс Нидерландов // URL: <http://wetten.overheid.nl> (дата обращения: 25.06.2012).

цию подобного характера. Равным образом подлежит уголовной ответственности должник, который в связи с каким-либо исполнительным производством использует ложный документ или фиктивное соглашение и таким образом препятствует, в соответствии с производством, наложению ареста на имущество, необходимого для обеспечения уплаты долга кредитора или защиты его интересов¹.

Уголовный кодекс Эстонии в ст. 148.3 предусматривает уголовную ответственность не только за сокрытие должником своего имущества в производстве по делам о банкротстве или по делам об обращении взыскания на имущество, но и за представление ошибочных или заведомо ложных сведений об имуществе или о прочих обстоятельствах, имеющих важное значение для кредитора².

В данной связи, нельзя не отметить, что правовая система не только Эстонии, но и ряда других стран (например, Казахстан, Латвия, Словения, Болгария, Румыния, Чехия, Германия, Дания, Финляндия, Израиль, США) предусматривают такой институт, как обязательное декларирование должником своего имущества. При этом непредставление должником такой декларации судебным приставам-исполнителям либо включение в декларацию заведомо ложных сведений влечет уголовную ответственность.

В России уже предпринималась попытка введения аналогичного правового механизма обеспечения интересов кредиторов. Так, проект закона от 3 декабря 2011 г. № 389-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» при рассмотрении его Государственной Думой в первом чтении предусматривал внесение в УК РФ ст. 315¹, предусматривающей ответственность должника за непредставление судебному приставу-исполнителю в течение десяти дней со дня получения соответствующего постановления декларации об имуществе и доходах или за предоставление заведомо ложных сведений об имуществе. В пояснительной записке к законопроекту отмечалось, что эффективность применения указанного правового института отражена в ряде актов Евросоюза, в частности, в Зеленой книге «О повышении эффективности приведения в исполнение судебных решений внутри ЕС: прозрачность имущества должника», принятой Комиссией Европейского Сообщества (Союза) 6 марта 2008 года³.

¹ Уголовный кодекс Швеции. СПб., 2002. С. 89.

² Уголовный кодекс Эстонии. СПб., 2001. С. 126.

³ Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации // URL: <http://www.duma.gov.ru/systems/law> (дата обращения: 02.07.2012).

Однако, инициатива, указанная в то время, не нашла поддержки у Верховного Суда России. По мнению высшей судебной инстанции, непредставление декларации в 10-дневный срок не обладает требуемым для криминализации характером общественной опасности. При этом Верховный Суд Российской Федерации обратил внимание законодателя на то, что в соответствии со ст. 17.14 КоАП РФ установлена административная ответственность граждан за нарушение должником законодательства об исполнительном производстве, выразившееся в невыполнении законных требований судебного пристава-исполнителя, предоставлении недостоверных сведений о своих правах на имущество.

Вместе с тем, Верховный Суд Российской Федерации не отрицал возможности поддержки законопроекта, в части внесения изменений в УК РФ, в случае его доработки.

По мнению директора ФССП РФ А. О. Парфенчикова введение обязанности декларирования имущества должника по опыту других стран, а равно установление уголовной ответственности за включение в декларацию заведомо ложных сведений существенно повысит эффективность приведения в исполнение судебных решений в России¹.

Как известно, многие страны ближнего зарубежья при разработке уголовного законодательства использовали положения Модельного Уголовного кодекса стран СНГ от 17 февраля 1996 года, принятого Межпарламентской ассамблеей государств-участников Содружества Независимых Государств и носящего рекомендательный характер.

В ст. 260 Модельного УК стран СНГ, которая озаглавлена «Уклонение от погашения кредиторской задолженности», предусматривается уголовная ответственность за уклонение руководителя организации или гражданина от погашения по вступившему в законную силу судебному решению кредиторской задолженности в крупном размере².

Уголовный кодекс Республики Беларусь в ст. 242 предусматривает уголовную ответственность за «уклонение индивидуального предпринимателя или должностного лица юридического лица от погаше-

¹ Интернет-конференция директора ФССП РФ А. О. Парфенчикова 23 сентября 2011 г. // Официальный сайт Федеральной службы судебных приставов Российской Федерации. URL: <http://www.fssprus.ru>.

² См.: Модельный Уголовный кодекс для государств-участников СНГ // Правоведение. – 1996. – № 1. – С. 92–150.

ния по вступившему в законную силу судебному решению кредиторской задолженности в крупном размере при наличии возможности выполнить обязанность...»¹.

Следует отметить, что в ст. 241 «Препятствование возмещению убытков кредитору (кредиторам)» регламентирована ответственность за сокрытие, отчуждение, повреждение или уничтожение имущества индивидуального предпринимателя или юридического лица, неплатежеспособность которых имеет или приобретает устойчивый характер, с целью сорвать или уменьшить возмещение убытков кредитору (кредиторам), совершенные этим индивидуальным предпринимателем или должностным лицом, учредителем (участником) либо собственником имущества этого юридического лица, повлекшие причинение ущерба кредитору (кредиторам) в крупном размере².

В соответствии с примечанием к гл. 25 Уголовного кодекса Республики Беларусь «Преступления против порядка осуществления экономической деятельности» крупным размером признается сумма, в двести пятьдесят и более раз превышающая размер базовой величины, установленный на день совершения преступления³.

Следует согласиться с мнением Е. Ю. Коруненко, что неоспоримым достоинством УК Республики Беларусь является прямое указание о возможности ответственности должника за уклонение от погашения кредиторской задолженности только при наличии реальной возможности исполнить эту обязанность⁴.

Вместе с тем, вызывает обоснованные сомнения определение в качестве субъекта анализируемого преступления исключительно индивидуальных предпринимателей или руководителей юридических лиц. С нашей точки зрения, такой подход является полумерой, не позволяющей эффективно бороться с подобного рода преступлением. Как представляется, признаки субъекта должны учитываться при дифференциации уголовной ответственности за уклонение от погашения кредиторской задолженности.

В Уголовном кодексе Республики Казахстан ст. 195 «Злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности» практически

¹ Уголовный кодекс Республики Беларусь (с изм. и доп. по сост. на 1 марта 2011 г.). Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2011. С. 205.

² Там же.

³ Там же. С. 198.

⁴ Коруненко Е. Ю. Злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2009. С. 45.

полностью повторяет содержание ст. 177 УК РФ. В примечании к данной статье дается понятие крупного размера кредиторской задолженности – задолженность гражданина в сумме, превышающей пятьсот месячных расчетных показателей, а организации – в сумме, превышающей две тысячи пятьсот месячных расчетных показателей¹.

Уголовный кодекс Кыргызской Республики в ст. 186 также предусматривает уголовную ответственность за уклонение руководителя организации или гражданина от погашения кредиторской задолженности в крупном размере или от оплаты ценных бумаг после вступления в законную силу соответствующего судебного акта².

В соответствии с примечанием к данной статье кредиторской задолженностью в крупном размере признается задолженность гражданина в сумме, в пятьсот раз превышающей минимальную месячную заработную плату, а организации – в сумме, превышающей в две тысячи пятьсот раз минимальную месячную заработную плату, установленную законодательством Кыргызской Республики на момент совершения преступления.

Уголовный кодекс Республики Таджикистан в ст. 266 предусматривает уголовную ответственность за злостное уклонение руководителя организации, индивидуального предпринимателя или гражданина от погашения кредиторской задолженности в крупном размере или от оплаты ценных бумаг после вступления в законную силу судебного решения³.

Под кредиторской задолженностью в крупном размере по Уголовному кодексу Республики Таджикистан признается задолженность гражданина в сумме, превышающей 2 тыс. минимальных размеров заработной платы, а организации – в сумме, превышающей 5 тыс. минимальных размеров заработной платы. Следует отметить, что по отношению к уклонению от оплаты ценных бумаг размер не имеет обязательного значения.

Аналогичная норма предусмотрена в ст. 244 УК Республики Туркменистан⁴.

¹ Уголовный кодекс Республики Казахстан. СПб., 2002. С. 223.

² Уголовный кодекс Кыргызской Республики. СПб., 2002. С. 51.

³ Уголовный кодекс Республики Таджикистан. СПб., 2001. С. 271.

⁴ Уголовный кодекс Туркменистана. СПб., 2002. С. 127. По иному лишь дается определение крупного размера кредиторской задолженности: задолженность индивидуального предпринимателя или гражданина в сумме, превышающей 100 среднемесячных размеров оплаты труда, а организации – в сумме, превышающей 200 среднемесячных размеров оплаты труда.

Уголовный кодекс Азербайджанской Республики в ч. 1. ст. 196 предусматривает ответственность за умышленное уклонение руководителя организации или гражданина от погашения кредиторской задолженности или от оплаты ценных бумаг после вступления в законную силу соответствующего судебного решения, причинившее значительный ущерб¹.

В ч. 2 ст. 196 Уголовного кодекса Азербайджанской Республики к числу квалифицирующих признаков отнесено причинение крупного ущерба.

В соответствии с примечанием к ст. 190 под значительным ущербом признается сумма в размере от 1 до 7 тыс., а под крупным ущербом – свыше 7 тыс. минимальных размеров оплаты труда.

В Уголовном кодексе Грузии² не установлена уголовная ответственность за злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности. Вместе с тем, в главе XLIV «Преступления против исполнения судебных актов» в ст. 377¹ предусмотрена уголовная ответственность за непредставление или неправильное либо неполное представление должником судебному исполнителю предусмотренного законом перечня имущества. Кроме того, ст. 377² устанавливает ответственность за невыполнение должником возложенных на него судебным решением действий, которые могут быть выполнены только им.

И, наконец, в ст. 381 Уголовного кодекса Грузии установлена ответственность за неисполнение представителем власти, чиновником государственного органа, органа местного самоуправления или управления либо лицом, осуществляющим руководящие полномочия в предпринимательской или иной организации, вступившего в законную силу приговора или иного судебного решения либо воспрепятствование его исполнению. Очевидным преимуществом данной нормы в сравнении со ст. 315 УК РФ является отсутствие такого оценочного признака как «злостность».

Завершая компаративный анализ особенностей уголовной ответственности за уклонение от погашения кредиторской задолженности, необходимо в целом признать, что уголовно-правовой механизм обеспечения законных интересов кредиторов в той или иной форме характерен для абсолютного большинства стран современного мира.

¹ Уголовный кодекс Азербайджанской Республики. СПб., 2002. С. 214.

² Уголовный кодекс Грузии. СПб., 2002. С. 230.

Развиваясь под влиянием политических, экономических и социально-культурных особенностей конкретного государства, мысль о необходимости криминализации умышленного уклонения должника от исполнения обязательств перед кредитором, при наличии на то реальной возможности, все же получила всеобщее признание.

Имея свою отличительную сущность и логику, выражая свое понимание и объяснение некоторых условий и признаков, уголовно-правовая норма об ответственности за уклонение от погашения кредиторской задолженности отдельного государства, по нашему мнению, преследует одну и ту же общую цель – обеспечить под угрозой применения санкции добросовестное поведение лиц в сфере договорных отношений.

Глава 2. ЮРИДИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОСТАВА ЗЛОСТНОГО УКЛОНЕНИЯ ОТ ПОГАШЕНИЯ КРЕДИТОРСКОЙ ЗАДОЛЖЕННОСТИ

§ 1. Объект злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности

Объект преступления в большей степени, чем другие элементы преступления, определяет содержание преступления и имеет весьма существенное значение для характеристики других элементов преступления. И если определение объекта как общественных отношений можно считать установленным, то изучение объектов конкретных преступлений продолжает оставаться не вполне решенной задачей.

Нельзя не признать, что довольно часто исследование объекта конкретного преступления носит преимущественно теоретический характер. Как справедливо отмечает Г. П. Новоселов, в работах последних лет понятие объекта преступления нередко увязывается не только с правовыми благами, охраняемыми законом интересами, субъективными правами и т.п., но и с такими общественными отношениями, которые либо что-то регулируют..., что-то обеспечивают..., либо где-то складываются... Подобного рода трактовка «непосредственного» объекта преступления породила конструкции, которые, хотя формально и не вступают в очевидное противоречие с исходным тезисом, явно имеют «налет» искусственности и схоластичности и, самое главное, ничего не дают для практики применения уголовно-правовых норм¹.

До настоящего времени в науке уголовного права вопрос о непосредственном объекте злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности остается дискуссионным. Широкое распространение получило определение непосредственно объекта данного преступления как общественных отношений, обеспечивающих интересы правосудия. Так, по мнению А. Э. Жалинского, непосредственный объект преступления, предусмотренного ст. 177 УК РФ, – исполнение судебных решений в области кредитно-денежных отношений между коммерческими и некоммерческими организациями, государственными органами и гражданами, когда применение гражданско-правовой ответственности является недостаточным².

¹ Новоселов Г. П. Учение об объекте преступления. М., 2001. С. 24–25.

² Уголовное право России. Особенная часть. М., 1998. Т. 2. С. 258.

Данную точку зрения разделяет В. А. Козлов, определяя объект злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности как исполнение судебных решений в области кредитно-денежных отношений между коммерческими и некоммерческими организациями, государственными органами и гражданами¹.

Некоторые авторы, рассматривая особенности содержания объекта анализируемого преступления, высказали предложение о необходимости исключения ст. 177 УК РФ из гл. 22 УК РФ «Преступления в сфере экономической деятельности», поскольку характер объекта посягательства, описанного в ее диспозиции, в большей степени соответствует родовому объекту преступлений, расположенных в гл. 31 УК РФ «Преступления против правосудия»².

По справедливому мнению А. А. Сапожкова, такая позиция вызывает обоснованные возражения, так как упускаются из виду те лица, ради которых первоначально и появилась ст. 177 УК РФ, чьи интересы, если угодно, она должна защищать в первую очередь, объект преступления, предусмотренного ст. 315 УК РФ, может быть здесь только дополнительным непосредственным объектом³.

Прежде всего, нельзя не отметить, что подобное сомнение относительно действительного содержания непосредственного объекта можно распространить не только на ст. 177 УК РФ, но и на ст. 157 УК РФ или ч. 2 ст. 169 УК РФ. Как известно, в юридической литературе соотношение между указанными составами и ст. 315 УК РФ принято рассматривать в контексте конкуренции общей и специальной нормы.

В теории уголовного права считается общепринятым, что вопрос о том, какой именно непосредственный объект является основным, а какой дополнительным, решается в зависимости не от важности правоохраняемого блага, а от его связи с родовым объектом⁴.

¹ См., например: Козлов В. А. Уголовно-правовые, криминологические и криминалистические проблемы борьбы с преступлениями, связанными с незаконным получением кредита и злостным уклонением от погашения кредиторской задолженности // Уголовное право. – 2004. – № 12. – С. 11; Козлов В. А. Противоправное поведение в сфере экономики. Уголовно-правовые, криминологические и криминалистические аспекты. М., 2005. С. 413.

² Аминов Д. И., Ревин В. П. Преступность в банковской сфере в вопросах и ответах. М., 1997. С. 114; Клепицкий И. А. Система хозяйственных преступлений. М., 2005. С. 372.

³ Сапожков А. А. Незаконное получение кредита и злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности. СПб., 2002. С. 55.

⁴ См., например: Наумов А. В. Российское уголовное право : курс лекций. В 3 т. Общая часть. М., 2007. Т. 1. С. 308.

Однако сделать вывод о содержании основного непосредственного объекта злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности, сославшись лишь на тот аргумент, что данное преступление находится в разд. VIII УК РФ «Преступления в сфере экономики», значило бы уклониться от разрешения поставленного вопроса.

В действительности вопрос заключается в том, почему законодатель решил выделить специальный состав преступления из более общей нормы, поместив его в другом разделе Особенной части УК РФ, определив его как преступление в сфере экономической деятельности, изменив тем самым содержание его основного непосредственного объекта.

В теории советского уголовного права была обоснована позиция, что специальный состав может быть введен в закон в трех случаях: 1) специальный состав значительно смягчает ответственность по сравнению с общим; 2) специальный состав значительно усиливает наказание по сравнению с санкцией общего состава преступления; 3) специальный состав предусматривает значительные обстоятельства, которые совершенно видоизменяют общий состав преступления¹.

В. Н. Кудрявцев объяснил конструирование специальных составов волеизъявлением законодателя, целью которого является выражение дифференцированного отношения к различным формам по существу одной и той же преступной деятельности. Так, он писал: «Выделяя из общей нормы специальную, законодатель прямо и недвусмысленно определил свое отношение к данной разновидности преступных деяний. Поскольку при решении конкретного дела задачей применения закона является воплощение воли законодателя, мы достигаем этой цели, применяя специальную, а не общую норму, – разумеется, к тем случаям, которые прямо предусмотрены этой специальной нормой»².

Вместе с тем, анализ санкций ст. 177 УК РФ и ст. 315 УК РФ свидетельствует об их абсолютной идентичности, что не дает повода говорить о стремлении законодателя к дифференциации ответственности по данным преступлениям.

Однако наряду с этим В. Н. Кудрявцев утверждал, что процесс образования специальных норм связан не только с тем, что из какой-либо общей нормы выделяются конкретные случаи. Он может быть и более

¹ Ковалев М. И. О технике уголовного законодательства // Правоведение. – 1962. – № 3. – С. 144–146.

² Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 1972. С. 251.

сложен. Зачастую вновь образуемая специальная норма приобретает дополнительные признаки, характеризующие данный вид преступления гораздо полнее, чем общая норма, так что этот новый состав весьма существенно выходит за ее пределы. При этом специальная норма выступает как комплексное образование и уже может быть отграничена от прежней общей нормы по ряду признаков, как смежная с ней¹.

Как известно, в основу разработки понятия объекта преступления должно быть положено решение вопроса о сущности и направленности вреда, который причиняется или может быть причинен в результате совершения конкретного уголовно наказуемого деяния. Общественно опасные последствия как бы высвечивают, материализуют (в философском понимании этого слова) сущность и специфику конкретного объекта посягательства². «Смысл теоретического анализа объекта преступления, – по справедливому утверждению В. К. Глистина, – состоит в том, чтобы уяснить сущность вреда, причиняемого конкретным деянием...»³.

Общественная опасность злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности, прежде всего, заключается в подрыве фундаментальных основ ведения экономической деятельности. Данное преступление, основывающееся на конфликте между кредитором и должником по поводу неисполненного или ненадлежащим образом исполненного обязательства, причиняет вред всей системе экономических отношений государства. Ни одна экономика, ни одно общество не могут существовать без безусловного признания необходимости добросовестного выполнения принятых на себя обязательств хозяйствующими субъектами. В данной связи уголовно-правовая норма, предусмотренная ст. 177 УК РФ, прежде всего направлена на защиту и сохранение указанного правового порядка, являющегося неотъемлемым условием обеспечения организованности экономических отношений. Обязательность же судебного акта обеспечивается данной статьей попутно.

А. С. Горелик, выявляя причину появления ст. 177 УК РФ, отмечает, что ст. 315 УК РФ как общая норма оказалась недостаточно эффективной. Так, данный автор подчеркивает: «Законы пишутся не только для юристов, население должно знать, что запрещено под страхом уголовной ответственности, поэтому закон должен содержать точное, полное

¹ Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 1972. С. 251.

² Курс уголовного права. В 5 т. Общая часть. М., Т.1 С. 129.

³ Глистин В. К. Проблема уголовно-правовой охраны общественных отношений. Л., 1979. С. 58.

и понятное описание запрета. Добиться такого эффекта при помощи общих норм вряд ли возможно из-за слишком широких формулировок. Значительно проще усваиваются нормы, описывающие конкретные способы действия, последствия и т. д. Поэтому, когда нужно актуализировать борьбу с какой-то разновидностью деяний, уже предусмотренных в уголовном законе, законодатель прибегает к конструированию специальных норм с более конкретным, чем в общей норме, изложением признаков наказуемого поведения»¹.

С этой позицией следует согласиться. По нашему мнению, конкретизация в УК РФ состава злостного неисполнения решения суда о взыскании кредиторской задолженности, должна служить минимизации ошибок и злоупотреблений во время возбуждения уголовных дел, способствовать повышению качества работы по выявлению и расследованию таких преступлений, правильной квалификации содеянного органами предварительного расследования и судом, более четкому отграничению уголовно наказуемых деяний от гражданско-правовых отношений.

В теории уголовного права нет общепринятого подхода и в вопросе определения содержания основного непосредственного объекта злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности как преступления в сфере экономической деятельности.

Одной из преобладающих точек зрения является определение основного непосредственного объекта ст. 177 УК РФ как общественных отношений, возникающих в связи и по поводу взыскания кредиторской задолженности и обеспечения имущественных интересов пострадавшего кредитора. Так, по мнению А. А. Иванова, непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 177 УК РФ, выступают «общественные отношения по обеспечению взыскания всех видов кредиторской задолженности»².

Б. М. Леонтьев определяет непосредственный объект злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности как интересы кредиторов, которые включают в себя кредитные обязательства и

¹ Горелик А. С. Конкуренция уголовно-правовых норм : учебное пособие. Красноярск, 1998. С. 21.

² Иванов А. А. Злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности (ст. 177 УК РФ): совершенствование законодательного описания диспозиции статьи и отдельные аспекты его предупреждения: по материалам субъектов ЮФО РФ : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2007. С. 40.

просрочку их погашения¹. Примерно также определяет объект данного преступления А. Н. Караханов².

Л. И. Никольская в качестве основного непосредственного объекта преступления, предусмотренного ст. 177 УК РФ, называет общественные отношения, складывающиеся между кредитором и заемщиком по поводу взыскания и погашения кредиторской задолженности (возврата кредитных средств)³.

А. Н. Гуев в качестве объекта преступления, предусмотренного ст. 177 УК РФ, называет имущественные интересы коммерческих банков и иных кредитных учреждений⁴.

Как представляется, общественные отношения собственности, независимо от ее форм, выраженные во вполне конкретном имущественном интересе кредитора, нельзя рассматривать как основной непосредственный объект анализируемого состава преступления.

Основным непосредственным объектом злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности выступают общественные отношения, связанные с реализацией принципа надлежащего исполнения обязательств⁵.

Социальная реальность злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности состоит именно в посягательстве на общественные отношения, обеспечивающие устойчивость экономического оборота государства в целом. Защита же имущественных интересов кредитора выступает в данном составе преступления второстепенной задачей.

Нерешенным остается вопрос относительно содержания дополнительного объекта злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности. Так, О. В. Финогенова в своем исследовании присо-

¹ Уголовное право России : учебник для вузов. Особенная часть / под ред. Г. Н. Борзенкова и В. С. Комиссарова. М., 2005. С. 363.

² Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А. В. Бриллиантова. М., 2010. С. 676.

³ Никольская Л. И. Незаконное получение кредита и злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности: уголовно-правовой аспект : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2005. С. 33.

⁴ Гуев А. Н. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации для предпринимателей (постатейный). М., 2003. С. 186.

⁵ В данном вопросе мы практически полностью разделяем позицию Н. А. Лопашенко. См., например: Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономики. Авторский комментарий к уголовному закону (раздел VIII УК РФ). М., 2006. С. 392.

единяется к позиции И. В. Шишко, согласно которой основным непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 177 УК РФ, являются интересы, возникающие по поводу обеспечения взыскания кредиторской задолженности, а дополнительный объект – общественные интересы в сфере деятельности судебных приставов (судебных исполнителей) по исполнению судебных актов¹.

Как представляется, указанный подход в определении дополнительного объекта – весьма дискуссионный. По справедливому мнению П. А. Скобликова, само по себе обращение или необращение кредитора в службу судебных приставов-исполнителей является нейтральным обстоятельством при решении вопроса о наличии состава преступления, предусмотренного ст. 177 УК РФ, поскольку такой признак объективной стороны рассматриваемого преступления в законе просто не предусмотрен².

В обоснование своей позиции П. А. Скобликов предлагает для обсуждения и правовой оценки воображаемую ситуацию, согласно которой кредитор воздерживается от обращения исполнительного листа к принудительному исполнению в силу того, что на него оказано психическое, физическое или иное противоправное давление со стороны должника либо лиц, ему содействующих. По его мнению, несмотря на отсутствие принятия решения судебным приставом-исполнителем о возбуждении исполнительного производства, действия должника необходимо расценивать как злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности³.

Эта ситуация хотя и имеет искусственный характер, позволяет сделать вывод, что определение дополнительного объекта преступления, предусмотренного ст. 177 УК РФ, как общественных интересов в сфере деятельности судебных приставов (судебных исполнителей) по исполнению судебных актов, является не совсем обоснованным.

На наш взгляд, преступление, предусмотренное ст. 177 УК РФ, имеет два дополнительных объекта – охраняемые законом имущественные права и интересы кредиторов, а равно интересы правосудия в сфере исполнения судебных решений.

¹ Финогенова О. В. Уголовная ответственность за незаконное получение кредита и злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 66.

² Скобликов П. А. Злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности: практика и теория противодействия. М., 2008. С. 106.

³ Там же. С. 107.

Немаловажное значение для уяснения и понимания сущности объекта рассматриваемого преступления, его конкретизации, имеет его предмет.

Н. А. Беляев рассматривает в качестве предмета посягательства любой из элементов общественного отношения, охраняемого уголовным законом, вне зависимости от того, материальный он или идеальный. Вещи, физические и юридические лица, а также их деятельность и даже сам преступник могут выступать в качестве предмета преступления. На этом основании Н. А. Беляев утверждал, что беспредметных преступлений не существует, так как невозможно совершить посягательство на общественное отношение без воздействия на его элементы: различие состоит лишь в том, что в некоторых составах предмет введен в качестве обязательного признака, а в других только подразумевается¹.

Вместе с тем, большинство специалистов во избежание смешения понятий предмета и объекта преступления отграничивают предмет как вещь, существующую в материальном мире, от иных нематериальных элементов охраняемого общественного отношения². При этом традиционно считается, что предмет преступления – это вещь материального мира, воздействуя на которую виновное лицо причиняет вред охраняемым уголовным законом общественным отношениям.

Большинство специалистов сходятся во мнении, что предметом преступления, предусмотренного ст. 177 УК РФ, является кредиторская задолженность в крупном размере³.

Чтобы согласиться с данным выводом либо опровергнуть его, необходимо более четко представить содержание правоотношения между кредитором и должником.

¹ Курс советского уголовного права. Часть общая / под ред. Н. А. Беляева, М. Д. Шаргородского. Л., 1968. С. 303–305.

² См., например: Кравцов С. Ф. Предмет преступления : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1976. С. 8; Загородников Н. И. Советское уголовное право. М., 1975. С. 56–58.

³ См., например: Сапожков А. А. Незаконное получение кредита и злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности. СПб., 2002. С. 55; Финогенова О. В. Уголовная ответственность за незаконное получение кредита и злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 66; Уголовное право России. Общая и Особенная части / под общ. ред. Н. Г. Кадникова. М., 2006. С. 493; Уголовное право. Практический курс / под общ. ред. А. И. Бастрыкина; под науч. ред. А. В. Наумова М., 2007. С. 492; Уголовный закон в практике районного суда : науч.-практ. пособие / под ред. А. В. Галаховой. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2010. С. 307 и др.

В целом обязательственное правоотношение между кредитором и должником можно разделить на две части. Первая часть – это собственно обязанность должника надлежащим образом предоставить кредитору обещанное, т. е. долг. В случае, если должник не предоставляет (или неправильно предоставляет) обещанное, к первой части (долгу) добавляется вторая часть – ответственность. Наступление ответственности должника влечет появление у кредитора нового права: он может по своему усмотрению требовать возмещения убытков.

Вместе с тем, материальный объект данного обязательства представляет собой некую имущественную массу (или ее часть), принадлежащую должнику. Однако это имущество должника представляет собой весьма отвлеченное (абстрактное) понятие, в том смысле, что оно не обозначает какую-либо конкретную, индивидуально-определенную вещь.

По нашему мнению, кредиторская задолженность не может рассматриваться как предмет преступления, предусмотренного ст. 177 УК РФ. Кредиторская задолженность является обязательством по уплате определенной денежной суммы кредитору, своего рода законной формой изъятия части имущества должника, т. е. не является объектом материального мира. Предметом же преступления считается элемент, существующий объективно во внешнем мире, воздействуя на который, субъект преступления нарушает или посягает на общественные отношения. Поэтому под предметом рассматриваемого преступления правильнее понимать денежные средства (а равно иное имущество), составляющие имущественную массу должника и подлежащие передаче кредитору.

В данной связи нельзя не отметить, что в судебном разбирательстве кредитор может требовать не денежной компенсации, а исполнения обязательства в натуре, например, выполнение определенных работ, поставки товара и т. п. В таком случае суд, удовлетворяя требования кредитора, предписывает должнику совершить конкретные действия. Как справедливо отмечается в теории уголовного права, в случае злостного уклонения лица от исполнения подобного судебного решения должна применяться не ст. 177 УК РФ, а норма о злостном неисполнении судебного решения, т. е. ст. 315 УК РФ¹.

Определение кредиторской задолженности как некой суммы денежных обязательств должника перед кредитором оставляет ряд во-

¹ Аксенов И., Шулая М. Проблемы применения ст. 177 УК (злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности) и пути их решения // Уголовное право. – 2007. – № 2. – С. 7.

просов, связанных с характером правоотношения, в рамках которого она может возникнуть. Например, на доктринальном уровне ведется острая дискуссия относительно возможности привлечения к уголовной ответственности по данной норме физических лиц, уклоняющихся от оплаты простого долга, в том числе возникшего вследствие причинения вреда.

Следует отметить, что неопределенность понятия кредиторской задолженности как признака ст. 177 УК РФ становилась поводом обращения граждан в Конституционный Суд Российской Федерации. Так, 26 мая 2011 г. Конституционный Суд Российской Федерации вынес определение об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Белова Александра Федоровича, который оспаривал конституционность ст. 177 УК РФ, по тому основанию, что данная статья, не определяя понятие «кредиторская задолженность», нарушает его права, гарантированные ст.ст. 21 (ч. 1) и 54 (ч. 2) Конституции Российской Федерации¹.

Конституционный Суд Российской Федерации в своем определении указал, что ст. 177 УК РФ не содержит неопределенности, в результате которой лицо было бы лишено возможности осознать противоправность своих действий и предвидеть наступление ответственности за их совершение.

Как известно, в уголовном законодательстве России данный термин действительно не раскрывается. Согласно общепринятому подходу, его толкование должно основываться на анализе нормативных актов иной отраслевой принадлежности. Как справедливо заметил Б. В. Волженкин, «при толковании иноотраслевого термина (т. е. бланкетного признака) в диспозиции уголовно-правовой нормы следует исходить из его значения не во всем правовом массиве и, как правило, даже не одной отрасли законодательства, а только в том нормативном правовом акте, который непосредственно регулирует общественные отношения, охраняемые бланкетной нормой Уголовного кодекса»².

В Концепции бухгалтерского учета в рыночной экономике России под кредиторской задолженностью предлагается понимать существующую на отчетную дату задолженность организации, которая яв-

¹ Определение от 26 мая 2011 г. № 675-О-О/2011 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Белова Александра Федоровича на нарушение его конституционных прав статьей 177 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

² Волженкин Б. В. Преступления в сфере экономической деятельности. СПб., 2007. С. 101.

ляется следствием свершившихся проектов ее хозяйственной деятельности и расчеты по которой должны привести к оттоку активов. Кредиторская задолженность может возникнуть в силу действия договора или правовой нормы, а также делового оборота¹.

Анализ экономической литературы позволяет утверждать, что кредиторскую задолженность различают в широком и узком смысле.

В широком смысле кредиторская задолженность рассматривается как стоимостная оценка обязательств организации перед третьими лицами, возникшая в процессе хозяйственной деятельности и подлежащая уплате или взысканию в определенные сроки². При этом, как отмечает М. Г. Лапуста, эти обязательства представляют собой «оформленные договором или возникающие из действующего законодательства гражданско-правовые отношения между сторонами (лицами), в силу которых одна сторона обязана совершить в пользу другой стороны определенные действия или воздержаться от совершения определенных действий»³.

Кредиторская задолженность в узком смысле понимается не иначе, как заемные средства, полученный кредит⁴.

Наука гражданского права России определяет кредиторскую задолженность как часть имущества организации, являющейся предметом возникших из различных правовых оснований долговых обязательств организации-дебитора (должника) перед управомоченными лицами-кредиторами, подлежащая бухгалтерскому учету и отражению в балансе в качестве долгов организации балансодержателя⁵.

¹ Пункт 7.3 Концепции бухгалтерского учета в рыночной экономике России, одобренной 29 декабря 1997 г. методологическим советом по бухгалтерскому учету при Минфине России и Президентским советом Института профессиональных бухгалтеров // Экономика и жизнь (Бухгалтерское приложение). – 1998. – № 2.

² См., например: Абалкин Л. И., Шамханов Ф. И. Экономическая энциклопедия. М., 1999; Лапуста М. Г. Шаршукова Л. Г. Риски в предпринимательской деятельности. М., 2002; Пятов Л. М. Учет обязательств. М., 2003 и др.

³ Лапуста М. Г. и др. Современный финансово-кредитный словарь. М., 1999. С. 74.

⁴ См. например: Бланк И. А. Финансовый менеджмент. Киев, 2004; Бригхем Ю., Гапенски Л. Финансовый менеджмент: Полный курс. в 2 т. / пер. с англ. В. В. Ковалева. СПб., 1997 и др.

⁵ См., например: Лебедев К. Понятие, состав и правовой режим кредиторской задолженности // Хозяйство и право. – 1998. – № 11. – С. 30.

По мнению О. М. Купрюшиной, кредиторская задолженность – это обязанность организации передать финансовые и нефинансовые активы юридическим или физическим лицам, возникающая из обязательств организации по договору в ходе хозяйственной деятельности, с целью приемлемого для себя уровня финансовой устойчивости¹.

По справедливому замечанию П. А. Скобликова, такое определение кредиторской задолженности основано на его понимании как термина бухгалтерского учета, значение которого давно устоялось, закреплено не только во внутренних нормативных правовых актах России, но и в международных правовых актах, одобренных Россией, и означает выраженную в деньгах задолженность субъекта бухгалтерского учета перед любыми кредиторами за временно привлеченные средства².

Данное определение, очевидно, сужает сферу применения данной статьи только деятельностью организаций и лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью, что в силу толкования самого закона представляется неправильным. Кроме того, это противоречит сложившейся судебной-следственной практике, признающей потерпевшими по данной категории дел не только организации, но и отдельных физических лиц. Так, согласно решению Приморского федерального районного суда Санкт-Петербурга от 23 марта 2007 г., Пригожая была обязана к возврату долга по договору займа от 31 марта 2006 г. в размере 5 850 505 руб. 24 копейки и возврату суммы государственной пошлины в размере 20 тыс. руб., а всего – в размере 5 870 505 руб. 24 копейки в пользу гражданина Кисса.

Вместе с тем, Пригожая, достоверно зная о решении Приморского районного суда Санкт-Петербурга от 23 марта 2007 г., имея постоянное место работы и средний ежемесячный доход не менее 65 939 руб., а также ежемесячный доход в сумме 3 500 руб. от сдачи в аренду принадлежащего ей на праве частной собственности автомобиля, получив в коммерческом банке беспроцентные займы: 13 июня 2007 г. – на сумму 260 тыс. руб., 22 июня 2007 г. – на сумму 1 млн руб., 07 мая 2008 г. – на сумму 780 тыс. руб., мер к исполнению решения суда не предпринимала, полностью игнорируя обязательность неукоснитель-

¹ Купрюшина О. М. Организация анализа и контроля дебиторской и кредиторской задолженности хозяйствующего субъекта : дис. ... канд. эконом. наук. Воронеж, 2003. С. 20.

² Скобликов П. А. Злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности: практика и теория противодействия. М., 2008. С. 54–55.

ного исполнения вступившего в законную силу решения Приморского районного суда Санкт-Петербурга от 23 марта 2007 г.

Смольнинский районный суд Санкт-Петербурга пришел к выводу, что Пригожая, имея возможность погашения долга перед Кисса, в период с 5 июня 2007 г. по 22 мая 2009 г. умышленно злостно уклонялась от погашения кредиторской задолженности в крупном размере после вступления в законную силу решения суда. Суд признал ее виновной в совершении преступления, предусмотренного ст. 177 УК РФ, и назначил ей наказание в виде лишения свободы сроком на шесть месяцев¹.

По мнению отдельных специалистов, кредиторская задолженность представляет собой денежные средства, невозвращенные кредитору (банку или иной кредитной организации) по договору².

Так, согласно определению Т. П. Саралдаевой, кредиторская задолженность хозяйствующих субъектов представляет собой систему экономических отношений между кредитором и должником, оформленных договором или вытекающих из действующего законодательства, по поводу возврата временно привлеченных средств кредитора³.

Н. А. Лопашенко также предлагает понимать под кредиторской задолженностью денежные средства, временно привлеченные предприятием, организацией, индивидуальным предпринимателем или полученные гражданином, подлежащие возврату соответствующим юридическим или физическим лицом⁴.

Очевидно, что указанная позиция исключает из сферы применения ст. 177 УК РФ, факты злостного непредоставления (или неправильного предоставления) должником обещанного в рамках иных обязательственных правоотношений, вытекающих из множества других договоров.

По справедливому мнению Б. В. Волженкина, понятие кредиторской задолженности применимо не только к договорам займа или кредита. «По нормам обязательственного права, – писал он, – одно

¹ Приговор Смольнинского районного суда Санкт-Петербурга от 4 июня 2010 г. по делу № 1-24/10.

² См., например: Уголовное право. Практический курс / под общ. ред. А. И. Бастрыкина; под науч. ред. А. В. Наумова. М., 2007. С. 490.

³ Саралдаева Т. П. Управление кредиторской задолженностью на примере сельскохозяйственных предприятий Республики Калмыкия : дис. ... канд. эконом. наук. М., 2006. С. 18.

⁴ Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономики: авторский комментарий к уголовному закону. М., 2006. С. 393.

лицо (должник) обязано совершить в пользу другого лица (кредитора) определенные действия, а именно: передать имущество, выполнить работу, уплатить деньги и т. п. либо воздержаться от определенного действия, а кредитор имеет право требовать от должника исполнения его обязанности (ст. 307 ГК РФ). Поэтому в широком смысле кредиторская задолженность образуется по любому договору при неисполнении обязанностей должником. Отсюда следует вывод, что ст. 177 УК РФ защищает весьма широкий круг договорных отношений, когда должник игнорирует законные требования кредитора»¹.

Подобным же образом содержание кредиторской задолженности толкуется и в правоприменительной практике. Так, Голубович был признан виновным в том, что в период времени с 15 мая 2008 г. по 9 февраля 2010 г. совершил злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности в крупном размере после вступления в законную силу соответствующего судебного акта.

В кассационной жалобе адвокат Федосов в защиту осужденного Голубовича указал, что последний никаких кредитных договоров не заключал, а из договора займа кредиторская задолженность возникнуть не может, так как частные лица не вправе быть кредиторами, а поэтому потерпевший по данному уголовному делу не является кредитором, а является, согласно ст. 807 ГК РФ, займодавцем. В связи с этим защитник просил приговор отменить и уголовное дело прекратить.

Проверив материалы дела, обсудив доводы кассационной жалобы и возражений на нее, судебная коллегия по уголовным делам Московского областного суда указала следующее: «...доводы в кассационной жалобе адвоката Федосова об отсутствии в действиях осужденного Голубовича состава преступления, предусмотренного ст. 177 УК РФ, являются необоснованными, поскольку предметом данного преступления является кредиторская задолженность, т. е. денежные средства, временно полученные гражданином, подлежащие возврату соответствующим юридическим или физическим лицам, при этом кредиторская задолженность может возникнуть как в результате кредитного, так и иного гражданско-правового договора, и подобное широкое толкование кредиторской задолженности основано на гражданском законодательстве, в соответствии с которым стороны договора определяются как должник и кредитор (ст. 312 ГК РФ)»².

¹ Волженкин Б. В. Экономические преступления. СПб., 1999. С. 124.

² Определение Московского областного суда от 20 июля 2010 г. по делу № 22-4481.

Данный подход получил свою поддержку в теории уголовного права. Так, отмечается, что под кредиторской задолженностью следует понимать денежные средства, временно привлеченные предприятием, организацией, индивидуальным предпринимателем или полученные гражданином, подлежащие возврату соответствующим юридическим или физическим лицам. Она может возникнуть в результате кредитного или иного гражданско-правового договора (например, договора подряда, перевозки, реализации товаров и т. д.)¹.

В письме Федеральной службы судебных приставов Российской Федерации «О Методических рекомендациях по выявлению и расследованию преступлений, предусмотренных ст. 177 Уголовного кодекса Российской Федерации» было дано следующее разъяснение: «Понятие кредиторской задолженности вытекает из норм гражданского права об обязательствах. Согласно ст. 307 ГК РФ, в силу обязательства одно лицо (должник) обязано совершить в пользу другого лица (кредитора) определенное действие, как то: передать имущество, выполнить работу, уплатить деньги и т. п., либо воздержаться от определенного действия, а кредитор имеет право требовать от должника исполнения его обязанности. ...Кредиторская задолженность по тексту данной статьи представляет собой любой вид неисполненного обязательства должника кредитору (ст. 309 ГК РФ), включая денежные обязательства (ст. 317 ГК РФ). ...В рамках ст. 177 УК РФ к кредиторской задолженности относится: банковский кредит, задолженность по расчетам с поставщиками и подрядчиками, задолженность по договорам займа, а также иная задолженность, образовавшаяся из договорных отношений»².

Таким образом, данное разъяснение вполне конкретно раскрывает понятие кредиторской задолженности как любой вид неисполненного обязательства должника кредитору в рамках любых договорных отношений.

В свою очередь, П. А. Скобликов прибегает к еще более расширительному толкованию, указывая, что по смыслу ст. 177 УК РФ кредиторская задолженность может возникнуть не только из договора, но и из причинения вреда. В обоснование собственной точки зрения П. А. Скобликов ссылается на материалы правоприменительной

¹ Российское уголовное право. В 2 т. Особенная часть : учебник / под ред. Э. Ф. Побегайло. М., 2008. Т. 2. С. 342.

² Бюллетень Федеральной службы судебных приставов Министерства юстиции Российской Федерации. – 2010. – № 4.

практики¹. Следует отметить, что данный подход получил поддержку и развитие в теории уголовного права².

Вместе с тем, по одному из дел суд указал: «согласно Приговору Симоновского районного суда ЮАО г. Москвы от 22 июня 2009 г. К. осужден за мошенничество, т. е. хищение путем обмана и злоупотребления доверием в особо крупном размере денежных средств в сумме 3 млн руб., принадлежащих М.

К. и М. фактически не вступили в гражданско-правовые отношения, поскольку подписанный ими договор являлся ничтожным в связи с отсутствием у К. намерений исполнять его условия. Следовательно, отношения, возникшие между К. и М., носят не гражданско-правовой, а уголовно-правовой характер, поэтому похищенные денежные средства являются не кредиторской задолженностью, а материальным ущербом, возникшим в результате совершенного преступления»³.

На наш взгляд, с позицией П. А. Скобликова по данному вопросу следует согласиться. Кредиторская задолженность по смыслу ст. 177 УК РФ может быть следствием деликтного обязательства, которое хотя и возникает из неправомерных действий, направлено на достижение общего правомерного результата – восстановление нарушенного имущественного положения участников экономического оборота.

В теории уголовного права обоснована классификация кредиторской задолженности на законную и незаконную. Так, Н. А. Лопашенко пишет: «Кредиторская задолженность может быть законной и незаконной. Первая имеет место в пределах действующих сроков исполнения кредитного договора. Она не подпадает под предмет ст. 177 УК РФ. Незаконная кредиторская задолженность, являющаяся предметом преступления, возникает по истечении сроков исполнения кре-

¹ Автор ссылается на приговор суда, где установлена вина должника, кредиторская задолженность у которого возникла из внедоговорных отношений – из факта причинения вреда путем совершения преступления (присвоение или растрата вверенного имущества, ч. 3 ст. 160 УК РФ). См.: Скобликов П. А. Злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности: практика и теория противодействия. М., 2008. С. 55, 136–137.

² Клепицкий И. А. Система хозяйственных преступлений. М., 2005. С. 369; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А. В. Бриллиантова. М., 2010. С. 676.

³ Определение Нижегородского областного суда от 24 сентября 2010 г. на приговор Советского районного суда г. Н.Новгорода от 2 августа 2010 г. в отношении Краснова.

дитного договора»¹. Такой же классификации придерживается Е. Ю. Коруненко².

На наш взгляд, данная классификация является не совсем удачной. Употребление термина «незаконная кредиторская задолженность» порождает представление об отсутствии самого правового (законного) основания для ее возникновения. Вместе с тем, долговое обязательство, неисполненное должником в надлежащий срок, не приобретает незаконный характер. В сущности следует говорить о кредиторской задолженности, возникающей из правомерного действия (например, заключение сделки), и кредиторской задолженности, возникающей из неправомерного действия (например, просрочки исполнения обязательства). Нельзя не признать, что каждое из имущественных обязательств, возникающих в связи с указанными событиями, является законным.

С практической точки зрения, весьма важно разобраться, составляет ли содержание кредиторской задолженности исключительно сумма основного денежного долга, или она также включает реальные убытки кредитора, суммы неустоек, процентов, судебных издержек.

Ю. В. Романец отмечает, что необходимо учитывать различия между такими правовыми категориями, как основной долг и убытки. Убытки являются мерой гражданско-правовой ответственности. Основной квалифицирующий признак любой меры гражданско-правовой ответственности, в том числе и возмещения убытков, заключается в том, что ее применение предполагает дополнительное обременение неисправной стороны, т. е. такое обременение, которое влечет для нее имущественные потери, которых она избежала бы при надлежащем исполнении обязательства. Поэтому для того, чтобы определить, является конкретная сумма, взысканная с должника, основным долгом или убытками, необходимо ответить на вопрос: влечет ли уплата данной суммы дополнительное обременение должника?³

По мнению О. В. Савенковой, существенно различаются правила принудительного взыскания суммы основного долга и убытков. Так, первая сумма будет взыскиваться в судебном порядке по правилам об

¹ Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономики: авторский комментарий к уголовному закону. М., 2006. С. 394.

² Коруненко Е. Ю. Злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2009. С. 78.

³ Романец Ю. В. Система договоров в гражданском праве России. М., 2001. С. 112.

основном денежном долге, тогда как убытки взыскиваются по правилам об ответственности¹.

Е. В. Тирская справедливо отмечает, что размер основного долга является определенным или определимым уже на момент возникновения обязательства, в то время как размер убытков – это всегда расчетная величина, которая не является определенной или определимой на момент причинения убытков, а устанавливается дополнительно – либо на основе соглашения сторон, либо в судебном порядке. В данном случае размер возмещаемых убытков во многом зависит от цен, положенных в основу расчета как реального ущерба, так и упущенной выгоды. Необходимым условием определения точного размера убытков является выявление всех последствий нарушения обязательства должником².

По мнению Е. Ю. Коруненко, применительно к ст. 177 УК РФ «под кредиторской задолженностью надлежит понимать: денежные обязательства; обязательства по поставке товаров, выполнению работ, оказанию услуг, трансформированные в денежные обязательства; обязательства по ценным бумагам; полученные авансы, проценты, дивиденды; дисконты; штрафы, пени, неустойки, признанные должником, которые подлежат возврату соответствующим предприятием, организацией, индивидуальным предпринимателем или физическим лицом»³.

А. А. Сапожков отмечает по данному вопросу, что, исходя из диспозиции ст. 177 УК РФ, уголовно-правовое значение имеет только общий размер задолженности, который установлен соответствующим судебным актом⁴.

Правоприменительная практика по ст. 177 УК РФ также исходит из того, что кредиторская задолженность представляет собой сумму установленных судебным актом денежных обязательств должника перед определенным кредитором.

В соответствии со ст. 142 ГК РФ ценной бумагой является документ, удостоверяющий с соблюдением установленной формы и обя-

¹ Савенкова О. В. Возмещение убытков в современном гражданском праве // Убытки и практика их возмещения : сборник статей. М., 2006. С. 24.

² Тирская Е. В. Категория денежного долга в гражданском праве России : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 43.

³ Коруненко Е. Ю. Злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2009. С. 77.

⁴ Сапожков А. А. Незаконное получение кредита и злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности. СПб., 2002. С. 56.

зательных реквизитов имущественные права, осуществление или передача которых возможны только при его предъявлении.

Согласно ст. 143 ГК РФ к ценным бумагам относятся: государственная облигация, облигация, вексель, чек, депозитный и сберегательный сертификаты, банковская сберегательная книжка на предъявителя, коносамент, акция, приватизационные ценные бумаги и другие документы, которые законами о ценных бумагах или в установленном ими порядке отнесены к числу ценных бумаг.

Ценные бумаги являются важным финансовым элементом экономики любого государства, поскольку, обладая определенной стоимостью, они наряду с деньгами служат удобным средством платежа, выполняя при этом роль кредитного инструмента.

Буквальное толкование ст. 177 УК РФ позволяет сделать обоснованный вывод, что установление крупного размера применительно к уклонению от оплаты ценных бумаг не является обязательным.

По мнению В. Ю. Абрамова, дифференцированный подход законодателя в данном вопросе объясняется тем, что каждая ценная бумага должна быть реализована в соответствии с действующим законодательством независимо от ее денежного эквивалента; любое отступление от этого правила подрывает рынок ценных бумаг¹.

В свою очередь, А. А. Сапожков такой подход считает необоснованным².

Е. Ю. Коруненко предлагает вообще отказаться от такой самостоятельной формы преступления, предусмотренного ст. 177 УК РФ, как уклонение от оплаты ценных бумаг, поскольку, по ее мнению, обязанность по оплате ценных бумаг является частью кредиторской задолженности³.

Отождествление неисполненного обязательства по ценной бумаге и кредиторской задолженности допускается и в письме Федеральной службы судебных приставов Российской Федерации «О Методических рекомендациях по выявлению и расследованию преступлений, предусмотренных ст. 177 Уголовного кодекса Российской Федера-

¹ Абрамов В. Ю. Преступления в сфере кредитования: законодательство и практика // Законодательство. – 1998. – № 10. – С. 50.

² Сапожков А. А. Кредитные преступления: незаконное получение кредита и злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности. СПб., 2002. С. 149.

³ Коруненко Е. Ю. Злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2009. С. 83.

ции». Так, отмечается, что закон не содержит специальных указаний о стоимости ценных бумаг, подлежащих оплате. Однако, исходя из того факта, что в ценной бумаге закреплено имущественное право, лицо или организация, выдавшие ценную бумагу, становятся должником по отношению к держателю ценной бумаги (кредитору). Невыполнение обязательств по предъявленной к оплате ценной бумаге приводит к образованию такой же кредиторской задолженности, что и по другим договорам¹.

В этой связи делается следующий вывод: «...следует исходить из того, что величина стоимости ценных бумаг должна соответствовать размеру кредиторской задолженности, т. е. превышать 250 тыс. руб. (т. е. один миллион пятьсот тысяч рублей в действующей редакции ст. 177 УК РФ)»².

Указанное разъяснение, как представляется, не только не соответствует букве и смыслу уголовного закона, но и демонстрирует весьма упрощенное понимание особенностей отношений, вытекающих из ценных бумаг. Такой подход пренебрегает действительной ролью и назначением ценных бумаг в экономике государства.

Как справедливо отмечает И. А. Клепицкий, в обоснование такой позиции приводится то обстоятельство, что задолженность по оплате ценных бумаг является частью кредиторской задолженности. Действительно, это обстоятельство не вызывает каких-либо сомнений. Однако оно ни в коей мере не является доводом в пользу ограничительного толкования закона. Напротив, оно свидетельствует в пользу того, что ответственность за уклонение от оплаты ценных бумаг наступает независимо от размера задолженности. В противном случае невозможно объяснить, с какой целью законодатель выделил из общего объема кредиторской задолженности ее особый вид – задолженность по оплате ценных бумаг. Поэтому закон в этой его части следует толковать буквально³.

Прежде всего, на наш взгляд, указание на уклонение от оплаты ценных бумаг в диспозиции ст. 177 УК РФ не является излишним. Кроме того, мы не можем согласиться и с тем положением, что безосновательным является умолчание законодателя о крупном размере задолженности по ценным бумагам.

¹ Бюллетень Федеральной службы судебных приставов Министерства юстиции Российской Федерации. – 2010. – № 4.

² Там же.

³ Клепицкий И. А. Система хозяйственных преступлений. М., 2005. С. 370.

Отношения, связанные с ценными бумагами, нельзя отождествлять с отношениями, складывающимися в сфере обычных договорных связей. Как отмечается в теории гражданского права, к эмитенту всяких ценных бумаг должна иметься степень доверия, на порядок более высокая, чем к должнику по договорным обязательствам. По справедливому мнению В. А. Белова, отношения из ценных бумаг более близки к отношениям фидуциарным, чем отношения из договоров. Ценная бумага – это облеченное в особую форму «честное слово» эмитента, имеющее своим предметом его, эмитента, личность. Договор – это тоже «честное слово», но его предметом является, как правило, имущество или имущественный результат¹.

Исходя из этого, лицо, обязавшееся по ценной бумаге, обладает гораздо более высокой степенью ответственности перед кредитором, держателем ценной бумаги. Это проявляется и в законе. Так, ГК РФ предельно ограничивает круг тех оснований, опираясь на которые, должник вправе отказаться от исполнения лежащего на нем обязательства, удостоверенного ценной бумагой. Как справедливо отмечает А. П. Сергеев, «допускаются лишь возражения по формальным основаниям, в частности, ссылка на пропуск срока представления ценной бумаги к исполнению либо оспаривание ценной бумаги со ссылкой на ее подделку или подлог»².

Понимание обязательственного отношения, возникающего из ценных бумаг как отношения фидуциарного, т. е. предусматривающего, что сторона, облеченная доверием, делает максимум возможного по отношению к другой стороне, выявляет смысл и значение дифференцированного подхода в определении основания уголовной ответственности за уклонение от оплаты ценных бумаг вне зависимости от его размера.

Завершая данную часть работы, представляется необходимым остановиться на ее основных положениях и выводах. Основным непосредственным объектом злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности выступают общественные отношения, связанные с реализацией принципа надлежащего исполнения обязательств.

Преступление, предусмотренное ст. 177 УК РФ, имеет два дополнительных объекта – охраняемые законом имущественные права и

¹ Белов В. А. Ценные бумаги как объекты гражданских прав: вопросы теории : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996. С. 26.

² Гражданское право : учебник / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. Изд. 3-е, перераб. и доп. М., 1998. Ч. I. С. 217.

интересы кредиторов, а равно интересы правосудия в сфере исполнения судебных решений. Под предметом рассматриваемого преступления следует понимать денежные средства, составляющие имущественную массу должника и подлежащие передаче кредитору.

Кредиторская задолженность по смыслу ст. 177 УК РФ может быть следствием как правомерных действий, так и деликтного обязательства, которое хотя и возникает из неправомерных действий, направлено на достижение общего правомерного результата – восстановление нарушенного имущественного положения участников экономического оборота. Содержание кредиторской задолженности по смыслу ст. 177 УК РФ может составлять как сумма основного денежного долга, так и реальные убытки кредитора, суммы неустоек, процентов, судебных издержек.

§ 2. Объективная сторона злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности

В основе объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 177 УК РФ, лежит гражданско-правовой деликт. В связи с этим предметы доказывания по уголовному делу о злостном уклонении от погашения кредиторской задолженности и гражданскому делу совпадают в части необходимости установления отдельных фактов и событий. Например, как по уголовному делу, так и по гражданскому делу могут иметь значение следующие обстоятельства: был ли в действительности заключен конкретный договор; содержал ли он те или иные условия; были ли сторонами договора конкретные лица; надлежащим ли образом были исполнены сторонами принятые на себя обязательства; имели ли место привходящие обстоятельства, делающие невозможным исполнение обязательств, и др.

Однако уголовный закон в диспозиции ст. 177 УК РФ указывает, что факт неисполнения или ненадлежащего исполнения должником принятых на себя обязательств должен быть заранее установлен актом суда, вступившим в законную силу. Такое судебное решение не только констатирует наличие соответствующего правоотношения между кредитором и должником, но и определяет размер основного долга и причиненных убытков, подлежащих возмещению кредитору по праву.

С точки зрения современной уголовно-правовой доктрины о признаках объективной стороны преступления, судебное решение по смыслу ст. 177 УК РФ является признаком обстановки совершения

преступления, т. е. той «совокупностью взаимодействующих обстоятельств, при наличии которых совершается преступление»¹.

Указание на судебное решение как обязательный конструктивный признак объективной стороны злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности позволяет говорить о составе преступления, предусмотренного ст. 177 УК РФ, как о составе с преюдициальными фактами.

В уголовном судопроизводстве существо преюдиции состоит в том, что органы расследования и суд (судья) не должны устанавливать и доказывать те имеющие юридическое значение факты, которые уже были установлены и доказаны в ранее принятых судебных или иных решениях юрисдикционных органов. Вступившее в законную силу судебное решение или решение соответствующего компетентного органа имеет преюдициальное значение, а установленные в них обстоятельства являются преюдициально установленными фактами².

С 1 января 2010 г. вступили в силу поправки в УПК РФ, установившие неопровержимую преюдицию обстоятельств, установленных вступившими в законную силу решениями суда, принятыми в рамках уголовного, гражданского, арбитражного или административного судопроизводства.

В соответствии со ст. 90 УПК РФ обстоятельства, установленные вступившим в законную силу приговором либо иным вступившим в законную силу решением суда, принятым в рамках гражданского, арбитражного или административного судопроизводства, признаются судом, прокурором, следователем, дознавателем без дополнительной проверки. При этом такие приговор или решение не могут предрешать виновность лиц, не участвовавших ранее в рассматриваемом уголовном деле.

Таким образом, лицо, в производстве которого находится уголовное дело, обязано считать для себя безоговорочно установленными, т. е. соответствующими действительности, обстоятельства (факты, события), о которых указано в таких решениях. Это лицо обязано без проверки принять такие факты, несмотря на сформировавшееся внутреннее убеждение.

¹ Курс уголовного права. В 5 т. Общая часть / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М., 2002. Т. 1. С. 262.

² Левченко О. В. Общеизвестные, преюдициально установленные и законом презюмируемые факты и особенности их использования в уголовно-процессуальном доказывании : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 1994. С. 5.

Вместе с тем, в доктрине уголовного процесса обоснованно отмечается разница в сути и назначении уголовного и гражданского процессов, а также в характере и юридической природе истины, к достижению которой стремятся субъекты доказывания в этих видах судопроизводства.

Так, Г. К. Смирнов пишет: «Если задачей уголовного судопроизводства ... является установление объективной истины (познание события преступления максимально приближено к тому, каким оно было в действительности), то в гражданском судопроизводстве основная задача заключается в разрешении спора между гражданами и (или) организациями, а приоритетным является скорее формально-юридическая, чем объективная истина. Исходя из этого, в гражданском судопроизводстве применяется правило, согласно которому обстоятельство, признанное обеими сторонами гражданского процесса, считается истинным и принимается судом без дополнительной проверки его достоверности»¹.

В связи с этим делается вывод, что решение суда по гражданскому делу не всегда может служить безусловным средством познания истины по уголовному делу, а следовательно, и использоваться в качестве имеющих неопровержимое преюдициальное значение.

Действительно, в практике гражданского, а равно арбитражного судопроизводства, довольно распространены случаи, например, представления истцом заведомо сфальсифицированных доказательств, которые суд при отсутствии возражений противоположной стороны считает установленными и истинными и кладет в основу итогового решения. Кроме того, встречаются случаи, когда не только истец, но и ответчик, будучи заинтересованным в неправосудном судебном решении, принимает активное участие в искажении фактических данных по делу. Помимо этого, в судебной практике встречаются случаи ложного представительства интересов ответчика по заведомо подложной доверенности. При таких обстоятельствах в гражданском процессе от имени ответчика участвует фактически неуполномоченное им лицо. Как правило, такое лицо признает заведомо необоснованные исковые требования к ответчику, а также соответствующие им недостоверные факты, отраженные в исковом заявлении.

Очевидно, что обвинение лица в совершении злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности не может основываться на судебном решении, принятом в подобных обстоятельствах.

¹ Смирнов Г. К. О мерах по совершенствованию правового регулирования института преюдиции в уголовном судопроизводстве // URL: <http://www.iuaj.net/node/886> (дата обращения: 06.12.2012).

Новый подход к правовому регулированию института преюдиции, определяющий баланс между устойчивостью судебной системы и справедливостью правосудия, предполагающего возможность быстрой отмены упречного судебного решения, был сформулирован Конституционным Судом Российской Федерации в постановлении от 21 декабря 2011 г. № 30-П «По делу о проверке конституционности положений ст. 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан В. Д. Власенко и Е. А. Власенко».

Как указал Конституционный Суд Российской Федерации, «...принятые в порядке гражданского судопроизводства и вступившие в законную силу решения судов по гражданским делам не могут рассматриваться как предрешающие выводы суда при осуществлении уголовного судопроизводства о том, содержит ли деяние признаки преступления, а также о виновности обвиняемого, которые должны основываться на всей совокупности доказательств по уголовному делу, в том числе на не исследованных ранее при разбирательстве гражданского дела данных, указывающих на подлог или фальсификацию доказательств, – такого рода доказательства исследуются в процедурах, установленных уголовно-процессуальным законом, и могут в дальнейшем повлечь пересмотр гражданского дела»¹.

Кроме того, в данном постановлении Конституционный Суд Российской Федерации отдельно отметил, что признание за вступившим в законную силу судебным актом, принятым в порядке гражданского судопроизводства, преюдициального значения при рассмотрении уголовного дела не может препятствовать правильному и своевременному осуществлению правосудия по уголовным делам исходя из требований Конституции Российской Федерации, в том числе принципа презумпции невиновности лица, обвиняемого в совершении преступления, которая может быть опровергнута только посредством процедур, предусмотренных уголовно-процессуальным законом, и только в рамках уголовного судопроизводства (ст. 49 и ч. 2 ст. 118 Конституции Российской Федерации)².

Исходя из указанного разъяснения, можно сформулировать частное правило квалификации злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности: «Принятое в порядке гражданского судопроизводства и вступившее в законную силу решение суда об имеющейся у должника кредиторской задолженности в крупном размере имеет

¹ Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2012. – № 2, ст. 398.

² Там же.

преюдициальное значение только в случае отсутствия оснований для его пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам».

Процессуальное законодательство Российской Федерации относит к числу таких оснований заведомо ложные показания свидетеля, заведомо ложное заключение эксперта, заведомо неправильный перевод, фальсификацию доказательств, повлекшие за собой принятие незаконного или необоснованного судебного акта, преступления сторон, других лиц, участвующих в деле, их представителей, преступления судей, совершенные при рассмотрении и разрешении гражданского дела, которые установлены вступившим в законную силу приговором суда».

Таким образом, простой отказ лица, осуществляющего уголовное преследование по ст. 177 УК РФ, от признания преюдициальности судебного решения, принятого в порядке гражданского судопроизводства, невозможен.

При этом до тех пор, пока в ходе уголовного процесса факт фальсификации доказательств и виновность лица в этом преступлении не будут установлены на основе не вызывающих сомнения обстоятельств, решение по гражданскому делу должно толковаться в пользу пострадавшего кредитора, поскольку одним только предположением о фальсификации доказательств нельзя опровергнуть законность основного долга и причиненных убытков, подлежащих возмещению кредитору.

Оставляя проблемные вопросы признания преюдициального значения судебного решения по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 177 УК РФ, необходимо отметить следующее. Вступившее в законную силу решение суда о взыскании кредиторской задолженности либо обязывающее должника оплатить ценные бумаги трансформирует социальный смысл и правовое значение дальнейшего уклонения лица от исполнения соответствующих обязательств. При таких условиях умышленное игнорирование императивных требований судебного решения в части удовлетворения ожиданий пострадавшего кредитора выступает посягательством на публичный правопорядок, целью которого является придание и обеспечение устойчивости экономического оборота государства в целом. Именно такое уклонение составляет смысл и содержание объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 177 УК РФ.

Буквальное толкование диспозиции ст. 177 УК РФ позволяет сделать вывод, что объективная сторона рассматриваемого преступления выражена в двух альтернативных формах: 1) в злостном уклонении руководителя организации или гражданина от погашения кредитор-

ской задолженности в крупном размере после вступления в законную силу соответствующего судебного акта; 2) в злостном уклонении этих лиц от оплаты ценных бумаг после вступления в законную силу соответствующего судебного акта.

В теории уголовного права считается практически общепринятым, что само по себе злостное уклонение по смыслу ст. 177 УК РФ может выражаться как в форме действия, так и бездействия¹.

И. А. Клепицкий пишет, что объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 177 УК РФ, выражается в бездействии, усложненном, как правило, активными действиями².

По мнению А. А. Сапожкова, преступление, предусмотренное ст. 177 УК РФ, можно отнести к группе преступлений, совершенных путем смешанного бездействия (*deliktum commisionis per commisionem*), для состава преступлений которых необходимо наступление определенных вредных последствий в результате бездействия лица, когда на данном лице в силу тех или иных обстоятельств лежала обязанность воспрепятствовать наступлению преступного последствия³.

Как правило, те специалисты, которые обосновывают совершение преступления, предусмотренного ст. 177 УК РФ, в форме бездействия исходят из толкования глагола «уклониться» как «избегать чего-либо, устранившись, отказаться от чего-нибудь»⁴.

Однако в диспозиции ст. 177 УК РФ законодатель употребляет такую юридическую конструкцию, как «злостное уклонение». По справедливому мнению А. В. Бриллиантова, использование этой дефиниции в качестве составообразующего признака вызывает некоторые затруднения в практике правоприменения, да и в теории в связи с неопределенностью содержания понятия и различным его толкованием⁵.

В таком же контексте об этом еще десятью годами ранее писал П. А. Скобликов, отмечая, что понятие *злостности уклонения от погашения кредиторской задолженности* законодателем не определено и, следовательно, относится к категории оценочных, т. е. зависящих в зна-

¹ См., например: Уголовный закон в практике районного суда: науч.-практ. пособие / под ред. А. В. Галаховой. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2010. С. 307 и др.

² Клепицкий И. А. Система хозяйственных преступлений. М., 2005. С. 369.

³ Сапожков А. А. Незаконное получение кредита и злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности. СПб., 2002. С. 133.

⁴ Именно такое толкование дается в словаре С. И. Ожегова. См.: Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. И. Ю. Шведовой. М., 1987. С. 200, 201, 720.

⁵ Бриллиантов А. В. Понятие «злостное уклонение» в уголовном законе // Вестник Академии Генеральной Прокуратуры. – 2012. – № 5. – С. 18.

чительной степени от мнений потерпевшего и правоприменителя. У работников правоприменительных органов (равно как и потерпевших) нет пока четких ориентиров в этом вопросе, что делает уголовно-правовую норму, предусматривающую ответственность за злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности, малоэффективной¹.

Следует отметить, что наличие в тексте уголовного закона оценочных понятий само по себе не может свидетельствовать о его несовершенстве. В данной связи можно сослаться на известную точку зрения В. Н. Кудрявцева по этому вопросу: «Существование в законодательстве оценочных понятий объясняется тем, что они дают возможность хорошо учитывать социальную обстановку, специфические обстоятельства дела... Существование в законе оценочных понятий неизбежно. Они полезны, если устанавливаются для тех случаев, когда это необходимо и когда правильно применяются на практике. Вот почему важно подчеркнуть, что употребление этих понятий ни в коем случае не должно порождать произвола. Оценочные суждения должны основываться на реальных фактах, отражать требования закона, истолковываться во взаимосвязи с другими институтами и понятиями права»².

В теории уголовного права достаточно распространена позиция, что обязательным условием признания уклонения злостным является установление того обстоятельства, что должник имеет реальную возможность исполнить обязательства перед кредитором³. О. В. Финогенова пишет по этому поводу: «...если должник не имеет средств, чтобы погасить долг, он не имеет альтернативы и не может выбирать между «платить» и «не платить». А поскольку у должника нет выбора, нет и оснований вменять ему злонамеренность в качестве обязательного признака злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности»⁴.

Как представляется, в данном вопросе необходимо внести определенную ясность. На наш взгляд, следует совершенно четко разделять понятия «уклонение» и «злостность». Признание того, что имуще-

¹ Скобликов П. А. О понятии и критериях злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности по уголовному законодательству // *Хозяйство и право*. – 2001. – № 1. – С. 114.

² Кудрявцев В. Н. *Общая теория квалификации преступлений*. М., 1999. С. 117–118.

³ См., например: *Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный)* / под ред. А. В. Бриллиантова. М., 2010. С. 676.

⁴ Финогенова О. В. *Уголовная ответственность за незаконное получение кредита и злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности* : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 155.

ственная масса должника позволяла ему добровольно удовлетворить требования кредитора и тем самым исполнить судебное решение, является обязательным условием, чтобы говорить в данном случае об «уклонении». К разрешению вопроса о «злостности» уклонения этот факт не имеет никакого отношения. Нельзя сделать вывод о злостности уклонения только лишь на том основании, что должник настолько располагал средствами, что мог без каких-либо затруднений погасить кредиторскую задолженность или оплатить ценные бумаги. Такое уклонение, как правило, влечет только одну санкцию – взыскание исполнительского сбора в соответствии со ст. 112 Федерального закона от 2 октября 2007 г. «Об исполнительном производстве».

Нельзя не отметить, что в судебной практике существуют примеры неправильного толкования признака «уклонение» от погашения кредиторской задолженности. Так, П. А. Скобликов в своей работе ссылается на приговор Октябрьского районного суда г. Архангельска от 30 мая 2000 г. в отношении Шамиса. Согласно материалам дела по двум судебным решениям, Шамис был обязан к выплате денежной суммы в размере 75181 руб. 35 копеек в пользу Исаковой в счет погашения кредиторской задолженности. В ходе производства по делу Шамис признал, что действительно занимал деньги у Исаковой, знает о решениях суда. Его один раз предупредили об уголовной ответственности за неисполнение решения суда, однако он от уплаты не уклоняется, у него просто нет денег, чтобы рассчитаться с Исаковой. Когда он брал у нее деньги в долг, он рассчитывал заработать на перепродаже автомашины, однако автомашину угнали и повредили.

Суд признал Шамиса виновным и в мотивировочной части пояснил, что доводы Шамиса о том, что у него нет денег на погашение долга, являются несостоятельными. По мнению суда, если исходить из позиции подсудимого, то все решения судов Российской Федерации могут быть не исполнены в случае отказа должников от уплаты задолженности по причине отсутствия у них денег, и должники в этом случае не могут привлекаться к уголовной и иной ответственности¹.

Примечательно, что кроме этой аргументации суд так и не указал, на основании чего он пришел к выводу, что у Шамиса была возможность исполнить денежное обязательство перед Исаковой. Совершенно не удивляет, что должники в качестве способа защиты могут ссылаться на свою непреходящую неплатежеспособность. Однако суд,

¹ Скобликов П. А. Злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности: практика и теория противодействия. М., 2008. С. 129–131.

признавая Шамиса виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 177 УК РФ, должен был придти к выводу о ложности таких заявлений и указать в приговоре, какими именно доказательствами это подтверждается.

Указанное решение суда, безусловно, демонстрирует неправильное толкование самого понятия «уклонение» от погашения кредиторской задолженности и противоречит ст. 1 Протокола № 4 к Конвенции «О защите прав человека и основных свобод» (Рим, 4 ноября 1950 г.), в соответствии с которым «никто не может быть лишен свободы лишь на том основании, что он не в состоянии выполнить какое-либо договорное обязательство».

Кроме того, в практической деятельности реальная возможность погашения кредиторской задолженности зачастую ошибочно толкуется как наличие у должника имущества именно в крупном размере. Иными словами, правоприменитель исходит из необходимости установления не только крупного размера долга, но и равного ему размера имущественной массы должника.

Так, Сибайским городским судом Республики Башкортостан 12 апреля 2011 г. был вынесен оправдательный приговор в отношении Янбердиной, обвиняемой в злостном уклонении от погашения кредиторской задолженности в размере 4172239 руб. 40 копеек. В мотивировочной части решения суд указал, что в силу диспозиции ст. 177 УК РФ неисполнение лицом обязательств по договору кредитования влечет уголовную ответственность только в тех случаях, когда у лица имелась возможность исполнить такие обязательства в размере, соответствующем крупному. Примечанием к ст. 169 УК РФ в редакции Федерального закона от 7 марта 2011 г. №63-ФЗ крупным размером, крупным ущербом, доходом либо задолженностью в крупном размере признаются: стоимость, ущерб, доход либо задолженность в сумме, превышающей один миллион пятьсот тысяч рублей. Однако таких обстоятельств по делу не установлено. Янбердиной ставится в вину расходование денежных средств от предпринимательской деятельности: доход от деятельности магазина – 700 тыс. руб., доход от деятельности мебельного цеха – 100 тыс. – 150 тыс. руб. – на расчеты с поставщиками, закупку материалов, зарплату рабочим, за аренду нежилого помещения в сумме 117405 руб. 94 копейки, коммунальные расходы, погашение кредитов в других банках и на другие нужды. Указанная сумма не образует крупного размера¹.

¹ Приговор Сибайского городского суда Республики Башкортостан от 12 апреля 2011 г. по делу № 1-13/2011.

Вместе с тем, по смыслу ст. 177 УК РФ, признак крупного размера устанавливается именно к задолженности. Для констатации реальной возможности погасить кредиторскую задолженность, как обязательного условия установления признаков уклонения в действиях должника, необходимо выявить, что после вступления в законную силу судебного решения в распоряжении должника находились денежные средства или иное имущество, позволяющее ему полностью или хотя бы частично исполнить обязательство перед кредитором.

Б. Д. Завидов и И. А. Попов, говоря о содержании понятия злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности, отмечают, что оно носит оценочный характер, а при определении фактора «злостности» должны приниматься во внимание причины и продолжительность неисполнения должником возложенной на него обязанности, создание им препятствий при взыскании задолженности, факты незаконного воздействия на кредитора и т. п. Далее указанные авторы отмечают: «Это могут быть неоднократное игнорирование требований судебного исполнителя, описавшего имущество, попытки скрыть местонахождение имущества либо передать его другому лицу, непринятие мер к взысканию дебиторской задолженности для возвращения своего долга и т. п.»¹.

Подобным же образом злостность уклонения от погашения кредиторской задолженности определяет О. Н. Городнова².

По мнению некоторых авторов, категория злостности является категорией в большей степени субъективного характера. Так, Р. В. Калегов со ссылкой на Толковый словарь русского языка Д. Н. Ушакова пишет, что слово «злостный» означает: 1) исполненный зла, злых умыслов; 2) сознательно недобросовестный; 3) закоренелый во зле, в чем-нибудь дурном», и далее делает вывод о том, что рассматриваемое понятие относится к субъективной сфере, т. е. характеризует психическое отношение субъекта к своим действиям³.

Похожий подход предлагал ранее С. В. Максимов, утверждая, что о злостности уклонения должника от погашения кредиторской за-

¹ Завидов Б. Д., Попов И. А. Злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности (статья 177 УК РФ): уголовно-правовой анализ // Право и экономика. – 2000. – № 12. – С. 31.

² Городнова О. Н. Злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности // Юрист. – 2012. – № 2. – С. 27.

³ Калегов Р. В. Проблемы применения в исполнительном производстве статьи 157 «Злостное уклонение от уплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей» УК РФ // Практика исполнительного производства. – 2009. – № 1. – С. 53.

долженности свидетельствует высказанный судебному исполнителю или кредитору открытый и дерзкий отказ от исполнения вступившего в законную силу соответствующего судебного решения¹.

Признавая несомненную оригинальность данного подхода в понимании сущности злостного уклонения, нельзя не признать его очевидные недостатки с практической точки зрения.

В письме Федеральной службы судебных приставов Российской Федерации «О Методических рекомендациях по выявлению и расследованию преступлений, предусмотренных ст. 177 Уголовного кодекса Российской Федерации» содержание злостного уклонения раскрывается казуально. Так, под злостностью уклонения предлагается понимать следующие действия (бездействие) должника: 1) имея в наличии или на банковском счете денежные средства, позволяющие погасить кредиторскую задолженность полностью либо частично, умышленно не выплачивал (не перечислял) их кредитору; 2) умышленно скрывал от судебного пристава-исполнителя факт открытия нового расчетного счета в кредитной организации; 3) имея в личной (долевой) собственности имущество и предметы (за исключением перечня, определенного ст. 446 ГПК РФ), совершал сделки по отчуждению этого имущества, а полученные за него денежные средства не передал кредитору в погашение задолженности, скрыл или использовал в иных целях по собственному усмотрению; 4) имея дополнительные источники дохода, скрывал их либо представлял судебному приставу-исполнителю заведомо ложные сведения о своих доходах, имуществе; 5) занимаясь предпринимательской деятельностью, производил кредитные операции (оформлял кредитные договоры и получал по ним денежные средства, рассчитывался с иными кредиторами, выступал в качестве кредитора, уступал права требования по долгам, т. е. заключал договоры цессии и т. д.); 6) передавал движимое имущество на хранение родственникам или знакомым; 7) вводил в заблуждение судебного пристава-исполнителя по поводу порчи, хищения или уничтожения имущества в силу стихийного бедствия, пожара, несчастного случая; 8) по неуважительным причинам не являлся по вызовам судебного пристава-исполнителя, осуществляющего принудительное исполнение судебного акта о взыскании кредиторской задолженности, препятствовал совершению исполнительных действий; 9) оказывал незаконное воздействие на кредитора; 10) с целью

¹ Максимов С. В. Уголовная ответственность за невыполнение должником заемных обязательств // Законность. – 1998. – № 10. – С. 11.

создания препятствий к обеспечению возможности взыскания кредиторской задолженности, не ставя в известность судебного пристава-исполнителя, изменял место жительства или место работы¹.

Генеральная прокуратура Российской Федерации в своем информационном письме указала, что понятие и содержание злостности уклонения являются оценочными и предполагают наличие ряда объективных и субъективных обстоятельств, сопровождающих совершение рассматриваемого преступления. ...Вопрос о количестве предупреждений, продолжительности уклонения, как свидетельств злостности, должен решаться в каждом конкретном случае в зависимости от обстоятельств дела в совокупности с другими доказательствами².

А. Н. Гуев также считает, что о злостности уклонения свидетельствует, прежде всего, длительный срок уклонения должника от погашения кредиторской задолженности³.

Однако очевидная неопределенность в длительности этого срока, а равно в количестве тех предупреждений, которые необходимо объявить неисправному должнику, заставляет усомниться в самой целесообразности такого подхода. Кроме того, представляется весьма сомнительным вывод о наличии злостного уклонения в случае исключительно пассивного поведения должника. Если судебный акт вступил в законную силу, и взыскатель обратился в службу судебных приставов-исполнителей за его принудительным исполнением, то отсутствие добровольного исполнения является лишь основанием для наложения взыскания на имеющееся имущество должника в размере, необходимом для исполнения требований, содержащихся в исполнительном документе, с учетом взыскания расходов по совершению исполнительных действий и исполнительского сбора, наложенного судебным приставом-исполнителем в процессе исполнения исполнительного документа (ч. 2 ст. 69 Федерального закона «Об исполнительном производстве»). Как отмечалось ранее, при таких обстоятельствах единственной формой ответственности должника является взыскание исполнительского сбора.

¹ Бюллетень Федеральной службы судебных приставов Министерства юстиции Российской Федерации. – 2010. – № 4.

² См.: информационное письмо Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 1 ноября 2008 г. № 69-21-2008 «О практике применения статьи 177 УК РФ».

³ Гуев А. Н. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации для предпринимателей (постатейный). М., 2003. С. 104–105.

Как известно, одним из принципов исполнительного производства является принцип своевременности совершения исполнительных действий и применения мер принудительного исполнения (ст. 4 Федерального закона «Об исполнительном производстве»). В том, что должник длительное время не выполняет решение суда и игнорирует неоднократные предупреждения судебного пристава-исполнителя, злостности еще нет, поскольку Федеральный закон «Об исполнительном производстве» в таких условиях предписывает должностному лицу совершить соответствующие исполнительные действия с наложением на должника имущественного взыскания – исполнительского сбора.

Как справедливо пишет И. А. Клепицкий, «...простое бездействие нельзя рассматривать в качестве злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности. В такой ситуации взыскание производится судебным приставом-исполнителем принудительно (ст. 44 Федерального закона «Об исполнительном производстве»)»¹. Такого же подхода придерживаются и другие специалисты².

Кроме того, при подобных обстоятельствах судебный пристав-исполнитель может инициировать привлечение должника к административной ответственности за нарушение законодательства об исполнительном производстве по ст. 17.14 КоАП РФ.

В теории уголовного права высказываются различные предложения по устранению сложившейся неопределенности в понимании «злостности» уклонения. Реализация таких решений предлагается на уровне доктринального толкования, судебного толкования и изменения действующей редакции ст. 177 УК РФ.

Так, по мнению А. В. Бриллиантова, под злостным уклонением следует понимать умышленные действия (бездействие) лица, прямо предусмотренные законом, а также иные действия (бездействие), направленные на неисполнение обязанностей, исполнение которых является обязательным в силу требований закона или решения суда, *совершенные повторно* после предупреждения соответствующими

¹ Клепицкий И. А. Система хозяйственных преступлений. М., 2005. С. 371.

² В частности, И. Аксенов и М. Шулая пишут: «В действительности для злостного уклонения необходимо не отсутствие желания исполнить обязательство, а, как минимум, умышленное противодействие работе судебного пристава-исполнителя». См.: Аксенов И., Шулая М. Проблемы применения ст. 177 УК (злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности) и пути их решения // Уголовное право. – 2007. – № 2. – С. 7.

управомоченными органами, при отсутствии уважительных причин неисполнения таких обязанностей¹.

Как небезосновательно отмечает автор, такой подход к определению содержания злостного уклонения дает необходимые критерии рассматриваемой дефиниции и может способствовать установлению единообразной практики применения указанного понятия².

В свою очередь, В. Ю. Абрамов предлагает в рамках нового постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации разъяснить, что под злостным уклонением понимается любое полное или частичное непогашение кредиторской задолженности при наличии вступившего в законную силу решения по гражданскому делу. При этом, как отмечает автор, наступление уголовной ответственности не должно зависеть от попыток должника частично погасить задолженность³.

О. В. Шадрина предлагает вообще отказаться от термина «злостное уклонение» в диспозиции ст. 177 УК РФ и заменить его на более конкретный – «непогашение» кредиторской задолженности⁴.

Сразу отметим, что идея об исключении признака злостности из объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 177 УК РФ, является непродуктивной и приведет к неосновательному расширению уголовной репрессии. Кроме того, реализация такого решения породит полное смешение оснований административной и уголовной ответственности. Как справедливо пишет А. А. Иванов, отказ от употребления термина «злостное» или замена его будут не обоснованы, так как это определение подчеркивает направленность преступного умысла, помогает передать сущность преступления и в полной мере соответствует традициям российского уголовного права, предусматривающего это понятие в целом ряде статей Уголовного кодекса Российской Федерации⁵.

¹ Бриллиантов А. В. Понятие «злостное уклонение» в уголовном законе // Вестник Академии Генеральной Прокуратуры. – 2012. – № 5. – С. 18.

² Там же. С. 19.

³ Абрамов В. Ю. Преступления в сфере кредитования: законодательство и практика. М., 2001. С. 4.

⁴ Шадрина О. В. Уголовная ответственность за преступления в банковско-кредитной сфере по уголовному праву Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 8.

⁵ Иванов А. А. Злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности (ст. 177 УК РФ): совершенствование законодательного описания диспозиции статьи и отдельные аспекты его предупреждения (по материалам субъектов ЮФО РФ) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2007. С. 18.

На наш взгляд, решением проблемы разграничения простого и злого уклонения от погашения кредиторской задолженности либо от оплаты ценных бумаг могло бы стать толкование «злого уклонения» только как активного поведения должника, препятствующего принудительному исполнению судебного акта, вступившего в законную силу.

В связи с этим как «злое уклонение» следует, например, оценивать следующие действия должника: сокрытие имущества либо его отчуждение третьим лицам; сокрытие источников дохода; представление судебному приставу-исполнителю заведомо ложных сведений о своих доходах, имуществе либо имущественных обязательствах перед третьими лицами; активное воспрепятствование совершению исполнительных действий; совершение незаконного воздействия на кредитора; изменение места жительства или работы с целью создания препятствий к обеспечению возможности взыскания кредиторской задолженности и др.

По конструкции объективной стороны состав преступления, предусмотренный ст. 177 УК РФ, является формальным, т. е. для признания его оконченным не требуется фактического наступления общественно опасных последствий.

Вместе с тем, по мнению П. С. Яни, используемый в формулировке статьи термин «уклонение» означает не только деяние, но и его результат. В связи с этим П. С. Яни обосновывает, что злое уклонение от погашения кредиторской задолженности является материальным составом преступления¹. Такой позиции придерживаются и другие ученые².

Следует, пожалуй, согласиться с А. А. Сапожковым, который пишет по этому поводу: «...нельзя смешивать законодательную конструкцию уголовно-правовой нормы, предусматривающей преступление с формальным составом ст. 177 УК РФ, с объективно существующими общественно опасными последствиями этого деяния, так как они не входят в обязательные признаки объективной стороны рассматриваемого состава»³.

¹ Яни П. С. Делющиеся преступления с материальным составом // Государство и право. – 1999. – № 1. – С. 10–11.

² См., например: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А. В. Бриллиантова. М., 2010. С. 677.

³ Сапожков А. А. Незаконное получение кредита и злое уклонение от погашения кредиторской задолженности. СПб., 2002. С. 143.

В теории уголовного права нет единообразного подхода и в определении момента окончания анализируемого преступления.

По мнению И. Э. Звечаровского, преступление, предусмотренное ст. 177 УК РФ, считается оконченным со дня, следующего за днем вступления в законную силу соответствующего судебного акта¹.

Н. А. Лопашенко придерживается несколько иной позиции, считая, что преступление начинается после вступления в законную силу соответствующего судебного акта и истечения промежутка времени, достаточного для того, чтобы уплатить кредиторскую задолженность или оплатить ценные бумаги, и длится до прекращения преступного деяния самим виновным (явки с повинной) или правоохранительными органами².

И. А. Клепицкий полагает, что преступление будет оконченным в момент, когда уклонение от погашения задолженности (после вступления в силу судебного акта) приобретает злостный характер³.

По мнению О. В. Шадринной, в целях единообразного применения закона моментом окончания преступления, предусмотренного ст. 177 УК РФ, следует считать момент его фактического завершения в связи с прекращением преступной деятельности по воле лица либо вопреки ей⁴.

В письме Федеральной службы судебных приставов Российской Федерации «О Методических рекомендациях по выявлению и расследованию преступлений, предусмотренных ст. 177 Уголовного кодекса Российской Федерации» по поводу момента окончания дано следующее разъяснение: «... Оно начинается после вступления в законную силу судебного акта, подтверждающего законность требований кредитора, и явного (очевидного) после этого уклонения от погашения кредиторской задолженности или от оплаты ценных бумаг. Преступление длится до тех пор, пока должник не исполнит свои обязательства или не будет привлечен к уголовной ответственности по ст. 177 УК РФ»⁵.

¹ Звечаровский И. Э. Момент окончания преступлений, связанных с уклонением от уплаты обязательных платежей // Российская юстиция 1999. – № 9. – С. 41–42.

² Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономики: авторский комментарий к уголовному закону. М., 2006. С. 394.

³ Клепицкий И. А. Система хозяйственных преступлений. М., 2005. С. 371.

⁴ Шадринная О. В. Уголовная ответственность за преступления в банковско-кредитной сфере по уголовному праву Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 8.

⁵ Бюллетень Федеральной службы судебных приставов Министерства юстиции Российской Федерации. – 2010. – № 4.

Прежде всего, следует оговориться, что злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности либо от оплаты ценных бумаг относится к категории преступлений, в которых юридический и фактический моменты окончания не совпадают.

Юридически преступление, предусмотренное ст. 177 УК РФ, может быть окончено уже спустя несколько часов (или даже минут) после вступления в законную силу судебного акта, в том случае, если должник, например, совершит умышленные действия по отчуждению принадлежащего ему имущества третьим лицам в целях воспрепятствования исполнению решения суда. И здесь мы практически полностью разделяем вышеупомянутое мнение И. А. Клепицкого, поскольку также утверждаем, что любые действия должника, совершенные после вступления судебного акта в законную силу и свидетельствующие о стремлении создать препятствия по его исполнению, образуют окончанный состав преступления, предусмотренный ст. 177 УК РФ.

Однако фактический момент окончания анализируемого преступления полностью определяется моментом прекращения обязательства перед кредитором. Обязательство может прекратиться в связи с его исполнением (не имеет значения, какое оно: добровольное или принудительное) либо в связи со смертью должника. В конце концов, кредитор может простить долг и тем самым освободить должника от лежащих на нем обязанностей (ст. 415 ГК РФ).

Все эти факты так или иначе свидетельствуют, что уклонение должника от погашения кредиторской задолженности или от оплаты ценных бумаг фактически завершилось.

Следует обратить внимание, что, в отличие от большинства длящихся преступлений, при злостном уклонении от погашения кредиторской задолженности вмешательство органов власти не свидетельствует о его фактическом окончании (конечно, если под этим вмешательством не рассматривать совершение судебным приставом-исполнителем исполнительных действий по обращению взыскания на имущество должника, достаточного для покрытия долга или оплаты ценных бумаг).

Объясняется это особенностями объективной стороны анализируемого преступления. Возбуждением уголовного преследования или даже применением мер процессуального принуждения просто невозможно пресечь обязательственную связь между кредитором и должником, которая составляет содержание преступления, предусмотренного ст. 177 УК РФ.

П. А. Скобликов в своей работе справедливо отмечает, что даже после осуждения за злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности судебный акт о взыскании долга сохраняет свою силу¹. На этом основании автор приходит к выводу, что, если при подобных обстоятельствах должник продолжит злостно уклоняться от исполнения все того же судебного акта, он может быть еще раз привлечен к уголовной ответственности.

При всей сомнительности этого вывода, на наш взгляд, его необходимо признать правильным. Возможность такой квалификации обусловлена абсолютностью обязательственного отношения между кредитором и должником, установленного вступившим в законную силу решением суда. Привлечение лица к уголовной ответственности за совершение действий, подпадающих под признаки злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности, и назначение ему наказания не исключает возможности последующего привлечения к уголовной ответственности за совершение других действий, имеющих признаки злостного уклонения от оплаты того же долга. Такая квалификация не свидетельствует о повторности привлечения лица к уголовной ответственности за одно и то же деяние и не противоречит принципу справедливости (ч. 2 ст. 6 УК РФ).

В теории уголовного права считается практически общепринятым, что признаком объективной стороны злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности является признак времени совершения преступления – после вступления в законную силу соответствующего судебного акта, подтверждающего наличие и крупный размер кредиторской задолженности.

В связи с этим отмечается невозможность привлечения должника к уголовной ответственности, если он в предвидении судебного разбирательства по взысканию долга или даже в процессе такого разбирательства совершает умышленные действия с целью воспрепятствования исполнению будущего решения суда.

О. В. Финогорова пишет по этому поводу: «...если должник при этом преследовал цель воспрепятствовать возможному обращению взыскания на свое имущество, эти действия необходимо расценивать как приготовление к совершению злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности. Однако в связи с тем, что в Уголовном кодексе РФ наказуемым является приготовление только к тяжкому и

¹ Скобликов П. А. Злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности: практика и теория противодействия. М., 2008. С. 17.

особо тяжкому преступлению (а злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности относится к категории преступлений небольшой тяжести), лицо может нести ответственность только в том случае, если в его действиях содержались признаки другого преступления (например, подделка документов)¹.

А. А. Иванов умышленное уменьшение должником своей платежеспособности в предвидении вынесения соответствующего судебного акта оценивает исключительно как прием ухода от уголовной ответственности².

Анализ правоприменительной практики показывает, что неисправные должники активно пользуются данным приемом, совершая сокрытие имущества либо его передачу иным лицам заведомо до принятия решения судом. Такое положение практически полностью нивелирует значение состава преступления, предусмотренного ст. 177 УК РФ. В данной связи уместно процитировать мнение Л. В. Иногамовой-Хегай: «Злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности (ст. 177 УК) с ее судебной преюдицией практически изначально было «мертворожденной» нормой. Представляется желательным исключить из нормы указанную преюдицию»³.

Однако отказ от судебной процедуры установления наличия и размера кредиторской задолженности как обязательного признака преступления, предусмотренного ст. 177 УК РФ, является не совсем обоснованным. Нельзя не учитывать и процессуальные аспекты проблемы – в настоящее время данный состав преступления относится к подсудности органов дознания Федеральной службы судебных приставов-исполнителей Российской Федерации.

¹ Финогенова О. В. Уголовная ответственность за незаконное получение кредита и злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 165–166.

² Иванов А. А. Злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности (ст. 177 УК РФ): совершенствование законодательного описания диспозиции статьи и отдельные аспекты его предупреждения (по материалам субъектов ЮФО РФ) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2007. С. 20.

³ Иногамова-Хегай Л. В. О совершенствовании уголовно-правовых норм об ответственности за преступления в сфере экономической деятельности // Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с преступностью в сфере экономики : материалы расширенного заседания Ученого совета НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генпрокуратуре Российской Федерации. С. 76.

Кроме того, на чем должно основываться уголовное преследование недобросовестного должника в том случае, если само содержание обязательственного правоотношения между кредитором и должником еще конкретно не определено? Сложившийся правопорядок предписывает кредитору обратиться за защитой своего права, прежде всего, в суд, и там в состязательном процессе доказать как наличие самого правоотношения, так и размер понесенных убытков.

В действительности проблема заключается в том, что в настоящее время органы дознания просто лишены возможности дать правовую оценку действиям должника, совершенным до вступления решения суда в законную силу. При этом такие действия, ведущие к заведомой неплатежеспособности, как правило, имеют весьма очевидный и циничный характер.

Следует отметить, что в теории уголовного права была предпринята попытка расширительного толкования диспозиции ст. 177 УК РФ. Так, по мнению И. Аксенова и М. Шулая, при оценке злостности содеянного могут учитываться любые обстоятельства, независимо от того, когда они имели место. Закон определяет деяние как уклонение, т. е. бездействие, неисполнение обязательства. Поскольку это бездействие продолжается после вступления в силу судебного акта – деяние в целом должно рассматриваться как совершенное после вступления его в силу¹.

Несмотря на оригинальность данного толкования, возникают вполне очевидные вопросы по поводу соблюдения требований принципа законности УК РФ. Все-таки в диспозиции ст. 177 УК РФ указывается на некое поведение должника, имеющее место после вступления в законную силу судебного акта.

В качестве возможного решения этой проблемы, на наш взгляд, в ч. 1 ст. 177 УК РФ необходимо криминализировать по сути приготовительные действия должника к злостному уклонению от погашения кредиторской задолженности в крупном размере и изложить ее в следующей редакции: «Соккрытие имущества, имущественных прав, сведений об имуществе, о его размере, местонахождении или иной информации об имуществе, передача имущества во владение иным лицам, отчуждение или уничтожение имущества, если эти действия совершены руководителем организации или гражданином в целях обес-

¹ Аксенов И., Шулая М. Проблемы применения ст. 177 УК (злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности) и пути их решения // Уголовное право. – 2007. – № 2. – С. 8.

печения в будущем невозможности исполнения судебного акта о взыскании кредиторской задолженности в крупном размере либо об оплате ценных бумаг».

В связи с этим ответственность за злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности в крупном размере или от оплаты ценных бумаг после вступления в законную силу соответствующего судебного акта предусмотреть в ч. 2 ст. 177 УК РФ.

§ 3. Субъект злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности

В теории уголовного права России вопрос о субъекте преступления, предусмотренного ст. 177 УК РФ, не исследован достаточно полно. Во многом это объясняется той достаточно распространенной точкой зрения, что субъект злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности назван в самой диспозиции, что само по себе исключает повод для каких-либо разногласий и дискуссий¹.

Уголовный закон России в диспозиции ст. 177 УК РФ в качестве субъекта данного преступления называет руководителя организации или гражданина. Нельзя согласиться с точкой зрения, что субъектом преступления, предусмотренного ст. 177 УК РФ, является общий субъект².

Очевидно, что в качестве субъекта злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности подразумевается не любой гражданин, а гражданин, обязанный перед соответствующим кредитором, т. е. должник.

В отличие от ст. 176 УК РФ, законодатель указывает именно на гражданина, а не на индивидуального предпринимателя. В связи с этим занятие лицом предпринимательской деятельностью не является обязательным признаком субъекта злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности. Как справедливо отмечается в литературе, в качестве такого лица может выступать потребитель, купивший в кредит автомобиль и злостно уклоняющийся от возвра-

¹ См., например: Сапожков А. А. Незаконное получение кредита и злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности. СПб., 2002. С. 150; Финогенова О. В. Уголовная ответственность за незаконное получение кредита и злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 167.

² См., например: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А. В. Бриллиантова. М., 2010. С. 677.

та долга, либо водитель, совершивший дорожно-транспортное происшествие и злостно уклоняющийся от возмещения причиненного вреда¹.

В письме Федеральной службы судебных приставов Российской Федерации «О Методических рекомендациях по выявлению и расследованию преступлений, предусмотренных ст. 177 Уголовного кодекса Российской Федерации» дано следующее разъяснение: «Субъектом преступления, предусмотренного ст. 177 УК РФ, являются руководители (директор, начальник, управляющий, и т. п.), а равно лицо, исполняющее обязанности руководителя коммерческой или некоммерческой организации любой формы собственности, а также достигший 16-летнего возраста гражданин, являющийся должником, при этом не обязательно занимающийся предпринимательской деятельностью»².

Использование законодателем понятия «гражданин» в определении субъекта исследуемого преступления не исключает возможности привлечения к уголовной ответственности за злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности лиц без гражданства или иностранных граждан. Как известно, понятие «гражданин» присуще гражданскому праву, как синоним понятия «физическое лицо».

Руководитель организации, выступая субъектом преступления, предусмотренного ст. 177 УК РФ, не является должником в собственном смысле слова. В такой ситуации обязанность погасить кредиторскую задолженность суд устанавливает у организации, которая и является непосредственным должником.

Получается весьма специфическая ситуация, когда обязанность возникает у одного субъекта правоотношений, а ответственность за ее умышленное невыполнение – у другого.

Как известно, отвергая идею уголовной ответственности юридического лица, российское уголовное право столкнулось с проблемой разрешения вопроса о том, какое именно физическое лицо должно нести уголовную ответственность за нарушения, допущенные организацией. В связи с этим вопрос о субъекте преступления, предусмотренном ст. 177 УК РФ, остается сложным и дискуссионным.

¹ Аксенов И., Шулая М. Проблемы применения ст. 177 УК (злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности) и пути их решения // Уголовное право. – 2007. – № 2. – С. 5.

² Бюллетень Федеральной службы судебных приставов Министерства юстиции Российской Федерации. – 2010. – № 4.

Чтобы понять природу уголовной ответственности физического лица за деяния, направленные на невыполнение организацией возложенных на нее обязанностей, необходимо рассмотреть различные теории уголовной ответственности физических лиц за подобные деяния, совершаемые в интересах организации.

В данной связи нельзя не отметить, что наиболее полно указанная проблематика раскрывается в исследованиях, посвященных уголовной ответственности за налоговые преступления¹.

Весьма распространенным является представление, что если диспозиция статьи Особенной части УК РФ указывает на какое-либо действие организации, то уголовную ответственность за это действие несет только ее руководитель (так называемая «теория руководителя»)².

Действительно, руководитель представляет организацию, является ее исполнительным органом, а «юридическое лицо приобретает гражданские права и принимает на себя гражданские обязанности через свои органы» (ст. 53 ГК РФ).

Вместе с тем, как справедливо отмечается в научной литературе, ст. 1068 ГК РФ, позволяет признавать в качестве субъекта преступления, совершенного с нарушением норм, адресованных организации, любого работника этой организации («теория работника»)³. Согласно указанному подходу, действия любого работника, совершенные при осуществлении им своих функций в организации, можно рассматривать в качестве действий организации. При этом в качестве работника следует понимать: 1) работника в узком смысле слова, т. е. лицо, действующее в пользу организации на основании трудового договора (например, руководитель организации, ее подразделения); 2) лицо, действующее в пользу организации на основании гражданско-правового договора (например, аудитор, который ведет по договору с организацией бухгалтерский учет); 3) лицо, действующее в пользу организации на основании нормативного правового и распорядительного акта (например, арбитражный управляющий); 4) лицо, действу-

¹ См., например: Никифоров А. В. Уголовная ответственность за уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с организации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 123–131.

² См., например: Уголовное право Российской Федерации: Особенная часть / под ред. А. И. Рарога. М., 2001. С. 196–197.

³ Никифоров А. В. Уголовная ответственность за уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с организации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 127.

ющее в пользу организации на основании акта организации (например, член правления акционерного общества)¹.

Однако совершенно очевидно, что обе эти теории имеют один общий недостаток. Дело в том, что деяние, связанное с умышленным обеспечением невозможности взыскания кредиторской задолженности организации, может быть совершено в пользу этой организации любым лицом, а не только ее формальным руководителем или работником. При этом важно, чтобы лицо действовало в интересах организации, в ее пользу, фактически выполняло определенные функции в отношении организации (независимо от наличия правовой обязанности выполнять эти функции).

Решение этой проблемы было предложено в рамках «теории функциональной связи»². Согласно данной теории, совершить деяние, заключающееся в невыполнении обязанности, возложенной на организацию, может любое лицо, действующее в интересах соответствующей организации.

Именно теория функциональной связи нашла свое выражение в п. 7 постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации № 64³, где указано, что к субъектам налогового преступления могут быть отнесены: руководитель организации-налогоплательщика, главный бухгалтер (бухгалтер при отсутствии в штате должности главного бухгалтера), в обязанности которых входит подписание отчетной документации, представляемой в налоговые органы, обеспечение полной и своевременной уплаты налогов и сборов, а равно иные лица, если они были специально уполномочены органом управления организации на совершение таких действий. К числу субъектов данного преступления могут относиться также лица, фактически выполнявшие обязанности руководителя или главного бухгалтера (бухгалтера).

¹ Соловьев И. Н. Уголовная ответственность за уклонение от уплаты налогов и страховых взносов // Главбух. – 1999. – № 20. – С. 63; Уголовное право : учебник для вузов. М., 1998. С. 274; Уголовное право : учебник для вузов. М., 1997. С. 343; Гаухман Л. Д., Максимов С. В. Преступления в сфере экономической деятельности. М., 1998. С. 43.

² Кашубин Д. Ю. Налоговые преступления в уголовном праве России : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2002. С. 26.

³ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 декабря 2006 г. № 64 «О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления» // Российская газета. – 2006. – 31 дек.

Лицо, фактически исполняющее обязанности руководителя и (или) главного (старшего) бухгалтера, – это такое физическое лицо, которое, во-первых, не занимает в организации какой-либо должности, а, во-вторых, действительно осуществляет руководство организацией или выполняет работу по ведению бухгалтерского учета и представлению налоговой отчетности¹.

Так, к лицам, фактически исполняющим обязанности руководителя и главного бухгалтера, следует отнести и тех, кто подписывает бухгалтерские документы, хотя не имеет по уставу или доверенности соответствующих полномочий, либо лиц, чьи указания выполнялись формальными заместителями этих должностей.

Возвращаясь к проблематике уголовной ответственности за злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности, на наш взгляд, следует признать наиболее правильной последнюю теорию. При определении субъекта исследуемого преступления первостепенное значение играет не столько то обстоятельство, кто согласно учредительным документам обязан организовывать бухгалтерский учет или обладал формальными полномочиями по подписанию документов о распоряжении имуществом организации, сколько кто фактически располагал соответствующими полномочиями и реализовывал их.

Как справедливо отмечается в литературе, участника современных хозяйственных отношений нельзя рассматривать в качестве «некоего должностного лица». В уголовном праве такая «идентификация» имеет смысл только применительно к вопросу об уголовной ответственности юридических лиц, однако бессмысленна при определении круга физических лиц, подлежащих ответственности в связи с нарушением правил, регулирующих хозяйственные отношения с участием организаций².

Вместе с тем, на наш взгляд, теории функциональной связи нельзя придавать чрезмерно распространительное значение. Лица, не являющиеся формальными и (или) фактическими руководителями организации, однако принимавшие какое-либо участие в обеспечении невозможности взыскания кредиторской задолженности организации

¹ Яни П. С. Налоговое преступление. Статья вторая. Размер неуплаты. Субъекты ответственности. Вина. Гражданский иск // Законодательство. – 1999. – № 12. – С. 40.

² Многие иностранные законодательства предлагают компромиссное решение, определяя фигуру «теневого» или «фактического» директора (*shadow director, dirigeant de fait, faktische Geschäftsführer*) / Система хозяйственных преступлений / И. А. Клепицкий. М. : Статут, 2005. С. 45.

(скрывающие имущество, участвующие в совершении мнимых сделок, уничтожающие документы и т. д.), могут нести ответственность только в качестве организаторов, подстрекателей либо пособников.

Руководитель организации как специальный субъект преступления упоминается не только в ст. 177 УК РФ, но и в ст.ст. 145¹, 176, 193, 199² УК РФ. Содержание данного понятия в уголовном законе не раскрывается. В связи с этим в литературе небезосновательно указывалось на неопределенность в соотношении понятия «руководитель организации» с другими понятиями, обозначающими управляющих субъектов¹.

Следует отметить, что действующее законодательство России содержит отдельные формулировки понятия такого субъекта. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 273 Трудового кодекса Российской Федерации руководителем организации является «физическое лицо, которое в соответствии с настоящим кодексом, другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, нормативными правовыми актами органов местного самоуправления, учредительными документами юридического лица (организации) и локальными нормативными актами осуществляет руководство этой организацией, в том числе выполняет функции ее единоличного исполнительного органа»².

Согласно ст. 2 ФЗ РФ «О несостоятельности (банкротстве)», руководитель должника – единоличный исполнительный орган юридического лица или руководитель коллегиального исполнительного органа, а также иное лицо, осуществляющее в соответствии с федеральным законом деятельность от имени юридического лица без доверенности³.

Н. Егорова, рассматривая проблемы квалификации преступлений с таким специальным субъектом, как руководитель организации, приходит к выводу о необходимости определения понятия руководителя организации в Общей части УК РФ в следующей редакции: «Руководителем организации в статьях настоящего Кодекса признается физическое лицо (вариант – служащий), являющееся: а) единоличным исполнительным органом организации или его заместителем; б) руководителем

¹ См., например: Шнитенков А. Спорные вопросы регламентации в УК РФ понятия лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации // Уголовное право. – 2004. – № 2. – С. 83; Егорова Н. Понятие «руководитель организации» в уголовном праве // Уголовное право. – 2005. – № 1. – С. 18.

² Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2002. – № 1 (ч. 1), ст. 3.

³ Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2002. – № 43, ст. 4190.

коллегиального исполнительного органа организации или его заместителем; в) членом коллегиального исполнительного органа организации; г) иным лицом, которое на основании нормативного акта, учредительных актов, договора или специального поручения выполняет управленческие функции по всем, нескольким или отдельным направлениям или вопросам деятельности организации в целом»¹.

При рассмотрении данной проблемы возникает вопрос о том, зачем вообще законодателю потребовалось употреблять термин «руководитель организации», отходя от привычных – «лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации» или «должностное лицо».

По справедливому мнению А. Шнитенкова, его использование обусловлено желанием законодателя подчеркнуть, что за некоторые преступления ответственность наступает для «высшего», «первого» руководителя, поскольку, например, к числу должностных лиц относятся заместители руководителя, начальники отделов и т. д.²

В настоящее время действия руководителей организаций в зависимости от размера кредиторской задолженности судебно-следственные органы квалифицируют либо по ст. 177 УК РФ (при наличии крупного размера задолженности), либо по ст. 315 УК РФ (при отсутствии такового). Так, И. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 177 и трех преступлений, предусмотренных ст. 315 УК РФ. Как было установлено в ходе судебного разбирательства, И., являясь служащим коммерческой организации, а именно генеральным директором и бухгалтером, единолично, достоверно зная о вступившем в законную силу решении Арбитражного суда Вологодской области от 26 ноября 2008 г. о взыскании задолженности в сумме 1 592 009 руб. 37 копеек, будучи неоднократно предупрежденным об уголовной ответственности по ст. 177 УК РФ, умышленно, с целью возможности продолжать производственную и финансово-хозяйственную деятельность, распорядился денежными средствами предприятия, минуя расчетные счета Общества, используя их в коммерческих целях по своему усмотрению.

Кроме того, И. в период с 1 января 2010 г. по 2 июня 2011 г., являясь служащим коммерческой организации, а именно генеральным директором и бухгалтером, единолично, достоверно зная о вступившем в закон-

¹ Егорова Н. Понятие «руководитель организации» в уголовном праве // Уголовное право. – 2005. – № 1. – С. 20.

² Шнитенков А. Спорные вопросы регламентации в УК РФ понятия лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации // Уголовное право. – 2004. – № 2. – С. 83.

ную силу решения Арбитражного суда Вологодской области от 5 февраля 2009 г. о взыскании задолженности в сумме 652 410 руб. 00 копеек, будучи неоднократно предупрежденным об уголовной ответственности по ст. 315 УК РФ, умышленно, с целью возможности продолжать производственную и финансово-хозяйственную деятельность, распоряжался денежными средствами предприятия, минуя расчетные счета Общества, используя их в коммерческих целях по своему усмотрению.

Еще два аналогичных преступления, предусмотренные ст. 315 УК РФ, были вменены И. за злостное неисполнение решений Арбитражного суда Вологодской области от 9 ноября 2009 г. о взыскании задолженности в сумме 31 165 руб. и от 15 марта 2010 г. о взыскании задолженности в сумме 299 668 руб. 49 копеек¹.

Суды совершенно обоснованно под служащим коммерческой или иной организации по смыслу ст. 315 УК РФ понимают в том числе и ее руководителя. Подобное, однако, не позволяет сделать вывод, что более предпочтительным было бы определение субъекта злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности аналогичным образом.

Одним из определяющих признаков субъекта преступления, предусмотренного ст. 177 УК РФ, является наличие возможности (формальной и (или) фактической) принимать решения о распоряжении денежными средствами и имуществом организации. Совершенно очевидно, что такими полномочиями обладает не каждый служащий организации, а только соответствующие руководители (директор, начальник, управляющий и т. п.).

На практике возникают ситуации, когда при получении кредита организацию возглавлял один руководитель, кредитные средства израсходовал другой, а к моменту погашения кредиторской задолженности организацией руководило уже третье лицо.

В. Д. Ларичев и В. Ю. Абрамов, анализируя приведенную ситуацию и определяя субъект в конкретном случае, приходят к выводу о сложности принятия правильного законного решения, так как сам закон не дает для этого оснований. В связи с этим указанные авторы предлагают принять уточняющие изменения в закон².

О. В. Финогенова, по нашему мнению, приходит при анализе приведенной ситуации к совершенно правильному выводу, а именно: к

¹ Приговор Череповецкого городского суда Вологодской области от 17 февраля 2012 г. по делу №2-45/12.

² Ларичев В. Д., Абрамов В. Ю. Проблемы совершенствования уголовного законодательства в области защиты прав кредиторов // Адвокат. – 1998. – № 3. – С. 102.

ответственности может быть привлечен только третий руководитель, и лишь в том случае, если кредиторская задолженность будет установлена судом и руководитель будет уклоняться от ее погашения, имея реальную возможность ее погасить¹.

П. А. Скобликов отмечает другую проблему. Так, он пишет, что лица, контролирующие организацию-должника (учредители, участники, акционеры, теневые владельцы), в период уклонения от погашения задолженности нередко меняют руководителей организации, рассчитывая на то, что этот прием затруднит определение виновного, и в итоге никто не будет привлечен к ответственности².

В действительности такая ротация руководителей организации не должна создавать каких-либо серьезных препятствий для уголовного преследования за злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности. В сущности, все временные руководители будут подлежать уголовной ответственности по ст. 177 УК РФ, если будет доказано, что каждый из них в период нахождения в должности совершил действия, подпадающие под признаки злостного уклонения руководителя организации от погашения кредиторской задолженности в крупном размере.

Как справедливо пишет П. А. Скобликов, увольнение с должности одного руководителя означает, что с этого момента совершенное им преступление (ст. 177 УК РФ) прекращается, но освобождение от должности не влечет освобождение от уголовной ответственности. Виновный должен понести ее в пределах срока давности привлечения к ответственности... Кроме того, факт злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности предыдущего руководителя организации не снимает с нового руководителя обязанности принимать исчерпывающие меры к исполнению соответствующего судебного акта³.

По нашему мнению, неправильным является привлечение лица к уголовной ответственности за злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности, крупный размер которой определяется путем складывания сумм задолженностей самого гражданина и организации, в которой последний являлся руководителем⁴.

¹ Финогенова О. В. Уголовная ответственность за незаконное получение кредита и злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 169.

² Скобликов П. А. Злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности: практика и теория противодействия. М., 2008. С. 18–19.

³ Там же. С. 19.

⁴ Приговор Центрального районного суда г. Кемерово Кемеровской области от 1 ноября 2010 г. по делу № 1-37/10.

При наличии признаков единого продолжаемого преступления, такое складывание может (и должно) иметь место. Вместе с тем, оно принципиально невозможно в отношении долгов организации и личных долгов руководителя этой организации.

В данном аспекте необходимо сделать только одно важное замечание. Как известно, действующее гражданское законодательство предусматривает ряд правил, в соответствии с которыми на физическое лицо в случае недостаточности имущества юридического лица может быть возложена субсидиарная ответственность по его обязательствам.

Согласно ст. 56 ГК РФ, юридические лица, кроме учреждений, отвечают по своим обязательствам всем принадлежащим им имуществом. Учредитель (участник) юридического лица или собственник его имущества не отвечают по обязательствам юридического лица, а юридическое лицо не отвечает по обязательствам учредителя (участника) или собственника, за исключением случаев, предусмотренных Гражданским кодексом Российской Федерации либо учредительными документами юридического лица.

В соответствии с п. 3 ст. 56 ГК РФ, если несостоятельность (банкротство) юридического лица вызвана учредителями (участниками), собственником имущества юридического лица или другими лицами, которые имеют право давать обязательные для этого юридического лица указания либо иным образом имеют возможность определять его действия, на таких лиц в случае недостаточности имущества юридического лица может быть возложена субсидиарная ответственность по его обязательствам.

Согласно ст. 2 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», контролирующим должника лицом признается лицо, имеющее (либо имевшее) в течение менее чем двух лет до принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом право давать обязательные для исполнения должником указания или возможность иным образом определять действия должника, в том числе путем принуждения руководителя или членов органов управления должника либо оказания определяющего влияния на руководителя или членов органов управления должника иным образом (в частности, лицом, контролирующим должника, могут быть признаны члены ликвидационной комиссии, лицо, которое в силу полномочия, основанного на доверенности, нормативном правовом акте, специального полномочия могло совершать сделки от имени должника, лицо, которое имело право распоряжаться пятьюдесятью и более процентами голосующих акций акционерного общества или более чем половиной долей уставного капитала общества с ограниченной (дополнительной) ответственностью).

На основании п. 4 ст. 10 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» лица, контролирурующие должника, солидарно несут субсидиарную ответственность по денежным обязательствам должника и (или) обязанностям по уплате обязательных платежей с момента приостановления расчетов с кредиторами по требованиям о возмещении вреда, причиненного имущественным правам кредиторов в результате исполнения указаний контролирующих должника лиц, или исполнения текущих обязательств при недостаточности его имущества, составляющего конкурсную массу.

Лицо, контролирующее должника, не отвечает за вред, причиненный имущественным правам кредиторов, если докажет, что действовало добросовестно и разумно в интересах должника.

Таким образом, если судом по гражданскому делу была установлена субсидиарная ответственность руководителя организации по обязательствам этой организации, то складывание этой суммы задолженности с иными личными долгами такого руководителя является возможным.

§ 4. Субъективная сторона злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности

При расследовании злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности установление психического отношения субъекта к содеянному играет важную роль. Субъективная сторона рассматриваемого деяния занимает основную долю доказательственной деятельности на стадии предварительного расследования и вызывает основные споры государственного обвинителя и защиты.

По мнению подавляющего большинства специалистов, субъективная сторона злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности характеризуется умышленной формой вины в виде прямого умысла¹.

¹ См., например: Комментарий к Уголовному Кодексу Российской Федерации (научно-практический, постатейный) / под ред. д-ра юрид. наук, профессора С. В. Дьякова, д-ра юрид. наук, профессора Н. Г. Кадникова. М., 2013. С. 505; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А. В. Бриллиантова. М., 2010. С. 677; Сапожков А. А. Незаконное получение кредита и злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности. СПб., 2002. С. 149; Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономики : авторский комментарий к уголовному закону. М., 2006. С. 395; Скобликов П. А. Злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности: практика и теория противодействия. М., 2008. С. 28; Финогенова О. В. Уголовная ответственность за незаконное получение кредита и злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 167.

Данная характеристика вины в формальных составах преступлений, к которым относится и злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности, обосновывается тем, что «действие всегда желанно, если только оно не совершено под влиянием непреодолимой силы или физического принуждения»¹.

Кроме того, как было обосновано в науке уголовного права, косвенный умысел в преступлениях с формальным составом невозможен. Как пишет А. И. Рарог, «психологическая сущность сознательного допущения такова, что она связывается исключительно с общественно опасными последствиями, поэтому волевое отношение в форме сознательного допущения может существовать только в преступлениях с материальным составом»².

Следовательно, применительно к составу преступления, предусмотренному ст. 177 УК РФ, умысел может быть только прямым. При этом интеллектуальный момент умысла выражается в осознании субъектом злостности своего уклонения от погашения кредиторской задолженности в крупном размере или от оплаты ценных бумаг, после того, как в законную силу вступило судебное решение, обязывающее его к совершению таких действий. Волевой момент заключается в желании действовать подобным образом³.

Раскрытие содержания субъективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 177 УК РФ, не является простой задачей. Как показало исследование правоприменительной практики, органам предварительного расследования не всегда удается получить доказательства, которые в совокупности позволяли бы сделать однозначный вывод о виновности лица в злостном уклонении от погашения кредиторской задолженности в крупном размере.

Прямой умысел достаточно легко доказывается при физическом (и) или юридическом сокрытии имущества (оформление мнимых сделок), поскольку подобные действия должника явно указывают на желание лица уклониться от погашения кредиторской задолженности.

¹ Вопросы преступления и наказания по законодательству СССР и других социалистических стран. М., 1985. С. 47.

² Рарог А. И. Теория вины в советском уголовном праве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1988. С. 19.

³ Нельзя не отметить, что в литературе высказывалось мнение и о возможности совершения анализируемого преступления с косвенным умыслом. См., например: Гуев А. Н. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (для предпринимателей). М., 1997. С. 106.

Так, в одном из решений суд указал, что в период времени с момента вступления решения суда в законную силу и до момента возбуждения уголовного дела подсудимый имел регулярные денежные доходы и дорогостоящее имущество... он умышленно в течение более четырех месяцев с момента вступления в законную силу решения суда не погашал кредиторскую задолженность..., при этом, не находясь на грани бедности, стал отчуждать принадлежащее ему дорогостоящее имущество частично путем дарения близким родственникам, а частично путем продажи, при этом денежные средства, полученные от реализации имущества в счет погашения долговых обязательств, не направил¹.

Вместе с тем, довольно часто лица, обвиняемые в совершении злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности, заявляют, что денежные средства направлялись на расчеты с иными кредиторами, на уплату налогов, выплату заработной платы работникам организации. Сделки по дарению недвижимого имущества близким родственникам были совершены в связи с тем, что последние являлись фактическими владельцами данной недвижимости, и т. п.

Суды в целом правильно признают, что подобные действия должника свидетельствуют об имевшейся у него реальной возможности погасить задолженность и были направлены на умышленное выведение имущества из своего владения с целью уклонения от исполнения соответствующего судебного решения.

С другой стороны, в правоприменительной практике довольно часто лица, обвиняемые в совершении преступления, предусмотренного ст. 177 УК РФ, ссылаются на то обстоятельство, что направление денежных средств на расчеты с иными лицами было обусловлено не желанием уклониться от погашения кредиторской задолженности, а желанием продолжить (поддержать) экономическую деятельность, доходы от которой должны были пойти на исполнение судебного решения.

Как представляется, если суд сочтет такие действия должника добросовестными и разумными, то здесь нельзя говорить о наличии прямого умысла на злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности. При этом вывод суда о добросовестности и разумности деятельности должника должен быть сделан на основе анализа целой совокупности факторов, среди которых: являлось ли заключение сделки (производство выплат) необходимым условием продол-

¹ Приговор Советского районного суда г. Новосибирска от 25 августа 2010 г. по делу № 1-171/10.

жения экономической деятельности должника; не была ли эта сделка заключена на заведомо невыгодных (убыточных) для должника условиях; не было ли допущено должником нарушения существенных условий указанной сделки и т. д.

Отдельно необходимо отметить, что лицо может ссылаться на отсутствие умысла на злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности только при условии признания абсолютной необходимости конкретной сделки (производства выплат) для продолжения (поддержания) экономической деятельности (например, выплата заработной платы сотрудникам организации, закупка и оплата сырья с целью продолжения производства и реализации готовой продукции, оплата транспортных расходов по доставке готовой продукции заказчикам и т. п.).

В связи с этим должник не может обосновать отсутствие прямого умысла на злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности ссылками на совершение платежей, направленных на развитие своей экономической деятельности (аренда новых производственных или торговых площадей, приобретение нового оборудования или обновление автомобильного парка, повышение заработной платы работникам организации, оплата курсов повышения квалификации служащих должника и т. п.). Подобный подход нашел свою реализацию и в правоприменительной практике¹.

Содержанием умысла является осознание должником возможности погашения кредиторской задолженности. Однако нельзя признать обоснованным доказывание умысла на злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности в крупном размере исключительно установлением факта получения лицом определенного дохода.

Так, по одному из дел суд указал, что подсудимая, будучи извещенной надлежащим образом о возбуждении исполнительного производства в целях принудительного исполнения решения суда о взыскании с нее кредиторской задолженности..., а также предупрежденной об уголовной ответственности по ст. 177 УК РФ, из корыстных побуждений, действуя с прямым умыслом, направленным на уклонение от погашения кредиторской задолженности, скрыла ежемесячно получаемую, досрочно назначенную ей пенсию по старости в размере: март 2010 г. – 6 512,25 руб.; апрель 2010 г. – 6 922,53 руб.; май 2010 г. – 6 922,53 руб.; июнь 2010 г. – 6 922, 53 руб.; июль 2010 г. –

¹ См., например: приговор Ленинского районного суда г. Оренбурга от 27 июня 2012 г. по делу № 1-304/2012.

6 922,53 руб.; август 2010 г. – 6 939,06 руб.; сентябрь 2010 г. – 6 939,06 руб., путем направления указанных денежных средств на иные цели, не связанные с исполнением обязательств по договорам займа. Указанными действиями подсудимая злостно уклонилась от погашения кредиторской задолженности в крупном размере на общую сумму 9 750 677,76 руб., установленной вступившим в законную силу решением суда.

Как было установлено судом, долг образовался в связи с тем, что подсудимая являлась поручителем по договору займа, и получатель займа не исполнил свои обязательства по возврату задолженности. Сумму долга подсудимая не оплачивала, поскольку нигде не работала, постоянного заработка и иного дохода не имела. Подсудимая получила трудовую пенсию досрочно, поскольку работала на должности с вредными для здоровья условиями труда. Судебному приставу-исполнителю не сообщила о том, что является получателем пенсии, поскольку боялась, что судебный пристав обратит взыскание на пенсию, которая является единственным средством ее существования. Предупреждения об уголовной ответственности по ст. 177 УК РФ получала неоднократно; суть данных предупреждений была разъяснена и понятна¹.

Как следует из самого судебного решения, других фактов сокрытия или фиктивного отчуждения имущества, а равно получения подсудимой иных доходов, установлено не было. В связи с этим возникает обоснованный вопрос о наличии субъективной стороны злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности в указанном случае.

Как представляется, суд, принимая решение о наличии прямого умысла у подсудимой, не дал соответствующей оценки целой совокупности фактов.

Прежде всего, суд, установив доход подсудимой, не проверил, могла ли подсудимая из получаемой пенсии погашать кредиторскую задолженность. Так, в соответствии с Законом Чувашской Республики от 19 октября 2009 г. № 53 в регионе прожиточный минимум в 2010 г. составлял 3910 руб. В соответствии с Федеральным законом от 24 октября 1997 г. № 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» прожиточным минимумом признается стоимостная оценка потребительской корзины, а также обязательные платежи и сборы. При этом под потребительской корзиной следует понимать необходимые для сохранения здоровья человека и обеспече-

¹ Приговор Ленинского районного суда г. Чебоксары от 28 декабря 2010 г. по делу № 1-313/2010.

ния его жизнедеятельности минимальный набор продуктов питания, а также непродовольственные товары и услуги, стоимость которых определяется в соотношении со стоимостью минимального набора продуктов питания¹.

Кроме того, учитывая условность такой величины, как прожиточный минимум, суд должен был оценить фактический прожиточный минимум подсудимой на основании представленных доказательств (например, счета оплаты за предоставление коммунальных услуг, документально подтвержденные расходы на необходимые для лечения лекарства и др.).

В приведенном выше примере суд совершенно не оценил доводы подсудимой о том, что несообщение приставу-исполнителю об имеющейся у нее пенсии было обусловлено не желанием уклониться от погашения образовавшегося долга, а желанием сохранить единственный источник дохода, необходимый для обеспечения ее жизнедеятельности.

Определенную сложность при установлении субъективной стороны преступления, предусмотренного ст. 177 УК РФ, вызывают случаи, сопряженные с частичным погашением кредиторской задолженности лицом путем регулярных незначительных перечислений.

В таких случаях установление прямого умысла на уклонение от погашения кредиторской задолженности должно строиться на подтвержденных в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства фактах получения виновным доходов, которые позволяли ему погашать долг в более крупных размерах. По такой категории дел главным обстоятельством, объективирующим прямой умысел виновного на злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности, является признание наличия у него имущества, которое могло быть направлено на погашение долга и исполнение судебного решения. В связи с этим сам факт регулярных, однако со всей очевидностью несоразмерных как с суммой долга, так и с размером имущественной массы должника, выплат, не только не исключает прямого умысла, но и свидетельствует о стремлении виновного уклониться от ответственности путем создания видимости своей добросовестности.

Цель и мотив злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности не являются обязательными признаками субъективной стороны, но должны учитываться при назначении наказания.

¹ Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1997. – № 43, ст. 4904.

Как представляется, суды в обязательном порядке должны учитывать, какими мотивами руководствовался руководитель организации или гражданин, совершая преступление, предусмотренное ст. 177 УК РФ. Тяжесть наказания должна быть меньше в случае, если мотивом было, например, спасение организации от банкротства. Вместе с тем, если руководитель организации преследовал цели личного обогащения или действовал в интересах владельцев организации, то наказание должно быть более строгим.

Мотив злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности носит в подавляющем большинстве случаев корыстный характер. Вместе с тем, из исследованных 125 уголовных дел были выявлены и мотивы личного неприязненного отношения. Так, К. 30 августа 2006 г. заключил с Б. договор займа, на основании которого ему были переданы денежные средства в сумме 800 тыс. руб. Согласно условиям указанного договора, К в срок до 30 ноября 2006 г. обязан возвратить полученную сумму займа и уплатить проценты за пользование ими.

Однако, нарушая условия договора, К. свои обязательства по договору займа от 30 августа 2006 г. не выполнил, и полученные денежные средства потратил по собственному усмотрению.

Б. обратился в суд с иском о взыскании с К. задолженности, и в соответствии с решением районного суда г. Екатеринбурга от 24 октября 2008 г., вступившим в законную силу, на К. возложена обязанность выплатить в пользу Б. сумму кредиторской задолженности по договору займа в размере 1 693 862 руб. 33 копейки, а также возложена своевременная обязанность точно и своевременно исполнить решение суда и оказать исполняющим решение судебным исполнителям законное содействие.

16 апреля 2009 г. К. надлежащим образом был уведомлен о возбуждении в отношении него исполнительного производства на основании вступившего в законную силу решения суда и о необходимости в 5-дневный срок исполнить его; копию платежного документа предоставить судебному приставу – исполнителю.

К. 16 апреля 2009 г. предупрежден судебным приставом-исполнителем об уголовной ответственности по ст. 177 УК РФ за злостное уклонение от выплаты кредиторской задолженности в крупном размере по вступившему в законную силу решению суда, с одновременным разъяснением ст. 434 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации об отсрочке или рассрочке исполнения

судебного постановления, изменения способа и порядка его исполнения, индексации присужденных денежных сумм.

Однако К., осознавая противоправный характер своего действия, предвидя наступление общественно опасных последствий и желая их наступления, умышленно, с целью злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности в сумме 1 693 862 рубля 33 копейки, требование о выплате суммы долга в установленный срок не исполнил, действий к погашению задолженности не предпринял, в назначенное время к судебному приставу исполнителю не явился, сведения о месте работы не сообщил. В период уклонения от выплаты кредиторской задолженности, осуществляя свои преступные действия, выражая несогласие с решением районного суда г. Екатеринбурга, а также выражая явное нежелание в погашении кредиторской задолженности, распорядился имеющимися денежными средствами по собственному усмотрению, но не в счет погашения суммы долга в пользу Б.

Допрошенный в судебном заседании К. свою вину признал частично и пояснил, что действительно имеет денежное обязательство перед Б. и исполнит его лишь при условии, если Б. извинится перед его женой и дочерью, которых тот тяжело оскорбил в телефонном разговоре¹.

В завершении данной части работы представляется необходимым остановиться на некоторых его положениях и выводах. Применительно к составу преступления, предусмотренному ст. 177 УК РФ, умысел может быть только прямым. При этом интеллектуальный момент умысла выражается в осознании субъектом злостности своего уклонения от погашения кредиторской задолженности в крупном размере или от оплаты ценных бумаг, после того, как в законную силу вступило судебное решение, обязывающее его к совершению таких действий. Волевой момент заключается в желании действовать подобным образом.

Нельзя говорить о наличии прямого умысла на злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности в тех случаях, когда обвиняемые в совершении преступления, предусмотренного ст. 177 УК РФ, ссылаются на то обстоятельство, что направление денежных средств на расчеты с иными лицами было обусловлено не желанием уклониться от погашения кредиторской задолженности, а желанием продолжить (поддержать) экономическую деятельность, доходы от которой должны были пойти на исполнение судебного решения.

¹ Приговор Орджоникидзевокого районного суда г. Екатеринбурга Свердловской области от 14 мая 2012 г. по делу № 1-419/2012.

При этом вывод суда о добросовестности и разумности деятельности должника должен быть сделан на основе анализа целой совокупности факторов, среди которых следующие: являлось ли заключение сделки (производство выплат) необходимым условием продолжения экономической деятельности должника; не была ли эта сделка заключена на заведомо невыгодных (убыточных) для должника условиях, не было ли допущено должником нарушения существенных условий указанной сделки и т. д.

Должник не может обосновать отсутствие прямого умысла на злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности ссылками на совершение платежей, направленных на развитие (расширение) своей экономической деятельности (аренда новых производственных или торговых площадей, приобретение нового оборудования или обновление автомобильного парка, повышение заработной платы работникам организации, оплата курсов повышения квалификации служащих должника и т. п.).

Установление прямого умысла на уклонение от погашения кредиторской задолженности в случаях, связанных с совершением должником регулярных незначительных перечислений, должно строиться на подтвержденных в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства фактах получения виновным доходов, которые позволяли ему погашать долг в более крупных размерах. По такой категории дел главным обстоятельством, объективирующим прямой умысел виновного на злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности, является признание наличия у него имущества, которое могло быть направлено на погашение долга и исполнение судебного решения. В связи с этим сам факт регулярных, но очевидно, несоразмерных как с суммой долга, так и с размером имущественной массы должника, выплат, не только не исключает прямого умысла, но и свидетельствует о стремлении виновного уклониться от ответственности, путем создания видимости своей добросовестности.

Глава 3. ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ НОРМЫ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЗЛОСТНОЕ УКЛОНЕНИЕ ОТ ПОГАШЕНИЯ КРЕДИТОРСКОЙ ЗАДОЛЖЕННОСТИ

§ 1. Проблемы квалификации злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности

Квалификация отдельных случаев злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности до настоящего времени вызывает определенные затруднения у правоприменителей.

Непростым для решения является вопрос о юридической оценке злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности как совокупности преступлений, предусмотренных ст. 177 УК РФ.

Согласно ч. 1 ст. 17 УК РФ, совокупностью преступлений признается совершение лицом двух или более преступлений, ни за одно из которых оно не было осуждено.

В письме Федеральной службы судебных приставов Российской Федерации «О Методических рекомендациях по выявлению и расследованию преступлений, предусмотренных ст. 177 Уголовного кодекса Российской Федерации» было дано следующее разъяснение: «Задолженность заемщика по различным договорам, при суммарном достижении суммы, превышающей 250 тыс. руб. (т. е. один миллион пятьсот тысяч рублей в действующей редакции ст. 177 УК РФ), даже при объединении исполнительных производств в одно сводное, оснований для привлечения его к уголовной ответственности не дает, поскольку в объективную сторону преступления входит неисполнение конкретного судебного решения о взыскании кредиторской задолженности, размер которой определяется судом»¹.

Таким образом, данное разъяснение исключает саму возможность квалификации действий лица как единого продолжаемого преступления, если оно злостно уклоняется от погашения нескольких долговых обязательств, каждое из которых в отдельности не составляет крупный размер. Такое ограничительное толкование, на наш взгляд, не только не соответствует доктрине уголовного права, смыслу закона, но и требованиям настоящего времени. Как известно, положение в сфере выполнения взятых на себя обязательств, особенно в сфере

¹ Бюллетень Федеральной службы судебных приставов Министерства юстиции Российской Федерации. – 2010. – № 4.

банковского кредитования, складывается неблагоприятным образом. Массовое уклонение граждан от погашения денежных обязательств негативно сказывается на работе банковского сектора и провоцирует повышение процентных ставок по кредитам.

Следует отметить, что в судебной практике вопрос о признании злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности, установленной несколькими судебными решениями, как единого продолжаемого преступления, решается неоднозначно. Так, решением Ленинградского районного суда Краснодарского края от 1 сентября 2011 г. Кутищев был осужден по ст. 177 УК РФ. Согласно материалам дела, 10 марта 2009 г. решением Ленинградского районного суда Краснодарского края с КФХ «Малахит» в пользу С.И.И. взыскана сумма долга в общем размере 2303716 руб. Решение вступило в законную силу 21 марта 2009 г.

15 октября 2009 г. определением Ленинградского районного суда изменен порядок исполнения вышеуказанного решения суда и определено взыскать сумму долга в размере 2303716 руб. в пользу С.И.И. с Кутищева. Определение вступило в законную силу 26 октября 2009 г. На основании исполнительного документа от 15 октября 2009 г., выданного Ленинградским районным судом Краснодарского края, в отношении Кутищева 2 ноября 2009 г. возбуждено исполнительное производство о взыскании в пользу С.И.И. суммы долга в общем размере 2303716 руб.

30 октября 2009 г. решением Ленинградского районного суда Краснодарского края с Кутищева в пользу Б.В.П. взыскана сумма долга в общем размере 5150831 руб. Решение вступило в законную силу 10 ноября 2009 г. На основании исполнительного листа 30 октября 2009 г., выданного Ленинградским районным судом Краснодарского края, в отношении Кутищева 9 декабря 2009 г. было возбуждено исполнительное производство о взыскании в пользу Б.В.П. суммы долга в общем размере 5150831 руб.

10 марта 2010 г. решением Ленинградского районного суда Краснодарского края с Кутищева в пользу Г.С.В. взыскана сумма долга в общем размере 2178439 руб. Решение вступило в законную силу 21 марта 2010 г. На основании исполнительного листа от 10 марта 2010 г., выданного Ленинградским районным судом Краснодарского края, в отношении Кутищева 9 апреля 2010 г. возбуждено исполнительное производство о взыскании в пользу Г.С.В. суммы долга в общем размере 2178439 руб.

8 апреля 2010 г. решением Ленинградского районного суда Краснодарского края с Кутищева в пользу К.В.В. взыскана сумма долга в общем размере 1624265 руб. Решение вступило в законную силу 19 апреля 2010 г. На основании исполнительного листа от 8 апреля 2010 г., выданного Ленинградским районным судом Краснодарского края, в отношении Кутищева 08 июня 2010 г. возбуждено исполнительное производство о взыскании в пользу К.В.В. суммы долга в общем размере 1624265 руб.

Как установил суд, Кутищев, достоверно зная о вступлении в законную силу указанных судебных решений Ленинградского районного суда Краснодарского края, будучи неоднократно предупрежденным об уголовной ответственности за уклонение от погашения кредиторской задолженности в крупном размере в рамках соответствующих исполнительных производств, имея реальную возможность частично погашать сумму долга за счет получаемой заработной платы, от погашения кредиторской задолженности в пользу К.В.В., Б.В.П., С.И.И. и Г.С.В. в крупном размере на общую сумму 9200077 руб. злостно уклонялся¹.

Таким образом, по данному делу суд пришел к выводу, что действия подсудимого необходимо квалифицировать как единое продолжаемое преступление.

Вместе с тем, по другому делу при похожих обстоятельствах суд квалифицировал содеянное как реальную совокупность преступлений².

Нам представляется весьма спорной квалификация указанных действий по совокупности преступлений, поскольку вряд ли стоит ставить под сомнение, что лицо, одновременно уклоняясь от погашения задолженности по нескольким обязательствам, не имело бы при этом единого умысла на уклонение от погашения задолженности в крупном размере.

На практике широко распространены случаи, когда в отношении одного должника в короткий срок выносятся судебные решения о взыскании задолженностей, суммы которых в отдельности не превышают одного миллиона пятисот тысяч рублей. При этом общая сумма долга, как правило, значительно выше крупного размера и может составлять несколько десятков миллионов рублей. В подобных обстоятельствах лицо, скрывая свои доходы либо принадлежащее ему иму-

¹ Приговор Ленинградского районного суда Краснодарского края от 1 сентября 2011 г. по делу № 1-124/2011.

² Приговор Сыктывкарского городского суда Республики Коми от 17 сентября 2012 г. по делу № 1-724/2012.

щество, злостно уклоняется от погашения общей суммы долга перед всеми пострадавшими кредиторами. Было бы неправильным полагать, что, изменяя место жительства или работы, должник тем самым препятствует исполнению лишь одного из многих судебных решений или каждого в отдельности.

Кроме того, на наш взгляд, невозможно разумно объяснить и принять фактический отказ от уголовно-правовой защиты интересов нескольких пострадавших кредиторов лишь по тому основанию, что должник оказался настолько осторожен, что озаботился обременить себя множеством обязательств, каждое из которых заведомо не составляет крупный размер.

Как представляется, окончательное решение указанной проблемы требует внесения соответствующих изменений в ст. 177 УК РФ. На наш взгляд, в примечании к анализируемой статье необходимо закрепить следующее разъяснение: «Кредиторской задолженностью в крупном размере в настоящей статье признается задолженность, которая определена как одним судебным решением, так и путем сложения сумм денежных обязательств, взысканных по разным судебным решениям в пользу одного или нескольких кредиторов».

Правильная квалификация преступления предполагает точное его отграничение от так называемых смежных составов.

Для того, чтобы правильно квалифицировать преступное деяние, необходимо четко представлять себе разграничительные линии между ним и смежными преступлениями. Устанавливая свойственные только данному деянию признаки, отбрасывая те признаки, которые этому деянию не присущи, постепенно углубляя анализ соответствующей правовой нормы и фактических обстоятельств содеянного, правоприменитель приходит к единственной совокупности признаков, характеризующих данное преступление и отличающих его от других¹.

К сожалению, проблемные вопросы отграничения злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности от смежных составов преступлений не получили надлежащей разработки в теории уголовного права России. Представляется, что наиболее полное исследование в данном направлении было проведено А. А. Ивановым².

¹ Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 2001. С. 126.

² См.: Иванов А. А. Злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности (ст. 177 УК РФ): совершенствование законодательного описания диспозиции статьи и отдельные аспекты его предупреждения: по материалам субъектов ЮФО РФ : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2007.

Признавая безусловную научную ценность и практическую значимость работы А. А. Иванова, следует все же отметить, что многие проблемные вопросы остались автором не раскрыты, а некоторые выводы и рекомендации вызывают обоснованные сомнения.

Смежным составом преступления по отношению к злостному уклонению от погашения кредиторской задолженности выступает невыплата заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат (ст. 145¹ УК РФ).

Кроме того, к числу смежных составов преступлений, относятся отдельные преступления против собственности: простое мошенничество (ст. 159 УК РФ), мошенничество в сфере кредитования (ст. 159¹ УК РФ), мошенничество в сфере предпринимательской деятельности (ст. 159⁴ УК РФ), причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 165 УК РФ).

Злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности обладает смежными признаками с рядом других преступлений в сфере экономической деятельности: уклонение от уплаты таможенных платежей, взимаемых с организации или физического лица (ст. 194 УК РФ), неправомерные действия при банкротстве (ст. 195 УК РФ), преднамеренное банкротство (ст. 196 УК РФ), фиктивное банкротство (ст. 197 УК РФ), уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с физического лица (ст. 198 УК РФ), уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с организации (ст. 199 УК РФ), сокрытие денежных средств либо имущества организации или индивидуального предпринимателя, за счет которых должно производиться взыскание налогов и (или) сборов (ст. 199² УК РФ).

И, наконец, смежными составами преступлений по отношению к злостному уклонению от погашения кредиторской задолженности являются отдельные преступления против интересов правосудия: незаконные действия в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту либо подлежащего конфискации (ст. 312 УК РФ), неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта (ст. 315 УК РФ).

Преступление, предусмотренное ст. 177 УК РФ, следует отличать от невыплаты заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат (ст. 145¹ УК РФ).

В отличие от злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности деяние, предусмотренное ст. 145¹ УК РФ, посягает на установленное и гарантированное ст. 37 Конституции Российской

Федерации право на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации и не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда¹.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 145¹ УК РФ, состоит в самом факте несвоевременной выплаты (свыше двух месяцев) заработной платы, пенсий, стипендий, пособий, а равно иных выплат.

Как представляется, ст. 145¹ УК РФ является по сути самостоятельной и весьма усеченной разновидностью уклонения руководителем организации от погашения кредиторской задолженности, поскольку не предполагает в качестве обязательного признака решение суда о взыскании заработной платы, пенсий, стипендий, пособий, а равно иных выплат. Обусловлено это значимостью тех общественных отношений, на которые посягает данное преступление.

Допущенная руководителем недоимка по заработной плате далеко не всегда образует признаки состава преступления, предусмотренного ст. 145¹ УК РФ. В таких случаях решение о взыскании заработной платы, пенсий, стипендий, пособий, а равно иных выплат принимается судом в рамках гражданского судопроизводства. При этом действия руководителей организации, злостно уклоняющихся от исполнения указанных судебных решений, как правило, подпадают под признаки ст. 315 УК РФ. Так, по решению Кореновского районного суда и на основании исполнительного листа № 2-121/2011 от 25.01.2011 г. Л., являясь служащей коммерческой организации – директором ООО «Витязь», была обязана выплатить в пользу Т. заработную плату за период с 01.10.2010 г. по 17.10.2010 г. в размере 4200 руб., а также заработную плату за время вынужденного прогула за период 10.12.2010 г. по 25.01.2011 г. в сумме 11565 руб. 10 копеек, компенсацию морального вреда в размере 1 тыс. руб., а также в доход государства государственную пошлину в размере 600 руб.

В период с 01.03.2011 г. по 31.03.2011 г. имея реальную возможность и будучи неоднократно предупрежденной судебным приставом-исполнителем об уголовной ответственности по ст. 315 УК РФ, действуя с прямым умыслом, злостно не исполнила вступившее в законную силу решение суда и воспрепятствовала его исполнению.

Защитник подсудимой Л. обратился в Кореновский районный суд с апелляционной жалобой, ссылаясь на то, что действия Л. непра-

¹ Российское уголовное право. В 2 т. Особенная часть : учебник / под ред. Э. Ф. Побегайло. М., 2008. Т. 2. С. 202.

вильно квалифицированы по ст. 315 УК РФ, поскольку ее действия должны были быть квалифицированы по ст. 177 УК РФ. Поскольку размер задолженности не превысил одного миллиона пятисот тысяч рублей, по мнению защитника, в ее действиях нет состава преступления. В связи с этим защитник настаивал на вынесении оправдательного приговора за отсутствием в действиях Л. состава преступления, предусмотренного ст. 315 УК РФ.

Суд в своем решении справедливо указал, что доводы защитника о неверной квалификации действий подсудимой по ст. 315 УК РФ и необходимости квалифицировать ее действия по ст. 177 УК РФ обусловлены неверным пониманием защитником уголовного закона, так как ответственность по ст. 177 УК РФ наступает не в связи с отношениями работника и работодателя по своевременной и полной уплате заработной платы. Непосредственным объектом указанного преступления являются общественные отношения в кредитно-денежной сфере. Дополнительными объектами – экономические интересы кредиторов и отношения в сфере правосудия. Предметом преступного посягательства являются не возвращенные кредитору либо не полученные кредитором денежные средства. Таким образом, в рамках ст. 177 УК РФ к кредиторской задолженности относятся: банковский кредит, задолженность по расчетам с поставщиками и подрядчиками, задолженность по договорам займа, а также иная задолженность, образовавшаяся из договорных отношений¹.

Отграничение злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности от мошенничества проходит, главным образом, по содержанию субъективной стороны преступления. При совершении мошенничества умысел направлен на безвозмездное противоправное завладение денежными средствами (имуществом, ценными бумагами) и обращение их в свою пользу или пользу третьих лиц.

А. А. Иванов, ссылаясь на материалы судебной практики, когда дела, первоначально возбужденные по признакам состава преступления, предусмотренного ст. 177 УК РФ, в суд направлялись с обвинением в совершении мошенничества, отмечает, что в ходе их расследования было установлено, что денежные средства, получаемые по договорам займа или кредита, присваивались, и намерений их возвращать у виновных лиц не было. Основными доказательствами

¹ Постановление от 28 июля 2011 г. по апелляционной жалобе Лавниковой на Приговор мирового судьи 153-го судебного участка Кореновского района Краснодарского края Сай Н. В. от 16 июня 2011 г.

для переквалификации деяний явились сведения о фиктивности предоставляемых гарантий возврата долга и использование заемных средств не в тех целях, которые были заявлены¹.

В данной связи нельзя не отметить, что разграничение данных составов преступлений во многом зависит от того, пытался ли кредитор инициировать судебное разбирательство по факту непогашенной должником кредиторской задолженности и какое решение по данному делу принял суд.

Как представляется, в настоящее время ситуация с переквалификацией злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности на мошенничество на стадии предварительного расследования просто невозможна. Это обуславливается тем обстоятельством, что если суд принял решение в пользу кредитора и согласился тем самым, что долг есть, то это так или иначе свидетельствует о наличии договорных отношений между сторонами, что полностью исключает возможность квалификации действий неисправного должника по признакам мошенничества. Лицо, производящее предварительное расследование, не может изменить оценку суда относительно наличия либо отсутствия между сторонами договорных отношений, поскольку это преюдициальный факт.

Таким образом, квалификация содеянного как мошенничества возможна только в том случае, если суд при наличии к тому оснований признал сделку между сторонами недействительной в связи с тем, что должник обманул кредитора и изначально не стремился к наступлению правового эффекта сделки. Иными словами, сама сделка в данном случае представлялась лишь завуалированной формой противоправного изъятия чужого имущества.

В такой ситуации потерпевший может: либо обратиться с заявлением о признании сделки недействительной в суд, получить соответствующее решение суда и впоследствии обратиться в правоохранительные органы; либо потерпевший может сразу обратиться в правоохранительные органы с заявлением о совершении в отношении него мошенничества.

¹ Иванов А. А. в своей работе ссылается на уголовное дело № 592804 по обвинению Желонкина С. В. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 159 УК РФ (Архив УВД Центрального округа г. Новороссийска, 2006). См.: Иванов А. А. Злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности (ст. 177 УК РФ): совершенствование законодательного описания диспозиции статьи и отдельные аспекты его предупреждения: по материалам субъектов ЮФО РФ : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2007. С. 120.

Безусловно, для квалификации содеянного именно как мошенничества следствие должно располагать неоспоримыми доказательствами того, что лицо, заключая гражданско-правовой договор, уже предполагало, что не будет исполнять соответствующие обязательства, а стремился завладеть денежными средствами или иным имуществом с корыстной целью¹.

А. А. Иванов отдельно рассматривает вопрос о юридической оценке действий лица, чей умысел первоначально был направлен на злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности, осуществлялся достаточный промежуток времени, а затем «перерос» в хищение денежных средств или иного имущества².

Как отмечает сам автор, в таких случаях действия виновных лиц органами предварительного следствия квалифицируются как мошенничество. При этом выносятся постановления о прекращении уголовного дела в части преследования по ст. 177 УК РФ, а обвинение предъявляется по ст. 159 УК РФ.

Вместе с тем, по мнению самого А. А. Иванова, данный подход является неверным, поскольку на момент возникновения умысла на хищение, злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности уже имело место, поэтому в действиях обвиняемого содержится, как состав преступления, предусмотренный ст. 177 УК РФ, так и ст. 159 УК РФ³.

Как представляется, «перерастание» злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности в мошенничество невозможно. Прежде всего, сразу возникает вопрос: в чем же тогда выразилось обращение чужого имущества? Лицо, получившее заем, считается собственником указанных денежных средств и вправе распоряжаться ими по собственному усмотрению. Являясь законным собственником имущества, лицо не может совершить хищение этого же имущества. Должник может только совершать умышленные действия, направленные на изменение содержания обязательствен-

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический, постатейный). 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. д-ра юрид. наук, профессора С. В. Дьякова; д-ра юрид. наук, профессора Н. Г. Кадникова. М., 2013. С. 430.

² Иванов А. А. Злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности (ст. 177 УК РФ): совершенствование законодательного описания диспозиции статьи и отдельные аспекты его предупреждения: по материалам субъектов ЮФО РФ : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2007. С. 122.

³ Там же. С. 127.

ного правоотношения между ним и кредитором с целью уклонения от исполнения принятых на себя обязательств. Так, например, должник может попытаться создать доказательства того, что сам кредитор обязался перед ним, и требовать в силу этого погашения долга зачетом. Либо должник может сослаться на надлежащее исполнение обязательства перед кредитором на основании поддельных документов, свидетельских показаний и т. п. Как представляется, все это не может свидетельствовать о наличии состава мошенничества и указывает только на совершение неисправным должником ряда иных преступлений.

По нашему мнению, действия лица, направленные не на обеспечение невозможности взыскания кредиторской задолженности, а на создание ложного представления (как правило, у суда) о том, что неисполненного обязательства, обуславливающего эту задолженность, у должника перед кредитором вообще нет, необходимо квалифицировать как причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием, т. е. по ст. 165 УК РФ.

В данной связи разница между злостным уклонением от погашения кредиторской задолженности и преступлением, предусмотренным ст. 165 УК РФ, заключается в том, что в первом случае должник не пытается поставить под сомнение саму обязательственную связь между ним и кредитором, в то время как при причинении имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием лицо совершает умышленные действия с целью исключения этой связи (заявляет об отсутствии каких-либо договорных отношений, о надлежащем исполнении обязательства перед кредитором, о существующем якобы обязательстве кредитора перед должником и т. п.).

Н. Г. Логинова выделяет другие возможные ситуации. Так, она пишет, что злоупотребление доверием при причинении имущественного ущерба кредитору путем уклонения от погашения задолженности в нарушение положений кредитного договора имеет место в случае, когда предоставление кредита не оформлено договором в письменной форме, что делает такой договор ничтожным (ст. 820 ГК РФ), либо в случае, когда договор, включающий условия о залоге недвижимости (ст. 339 ГК РФ), хотя и заключен в письменной форме, но нотариально не удостоверен. Злоупотребление доверием как способ причинения имущественного ущерба кредитору возможен и в случае, когда кредитор в силу длительных деловых отношений с заемщиком по просьбе последнего исключил из текста кредитного договора по-

ложение о залоге, которое ранее присутствовало во всех ранее заключенных с заемщиком договорах¹.

Как справедливо отмечает данный автор, особенностью преступлений, предусмотренных ст. 177 УК РФ, является то, что хотя посягательства совершаются с корыстными мотивами и целями, причиня материальный ущерб потерпевшему, однако сами не связаны с непосредственным изъятием имущества из владения собственника, равно как и посягательство, предусмотренное ст. 165 УК РФ².

Весьма важным с практической точки зрения представляется отграничение злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности от преступлений, связанных с процедурой банкротства (ст. 195, 196, 197 УК РФ).

При этом наибольший интерес представляет отграничение злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности от неправомерных действий при банкротстве (ст. 195 УК РФ).

Как известно, действия, составляющие содержание преступления, предусмотренного ст. 195 УК РФ, а именно: сокрытие имущества или имущественных обязательств, сведений об имуществе, о его размере, местонахождении или иной информации об имуществе, являются наиболее распространенными способами злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности.

Вместе с тем, в отличие от злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности, обязательным признаком ст. 195 УК РФ является время совершения данного преступления: «...при наличии признаков банкротства...».

Признаки банкротства раскрываются в ст. 3 ФЗ РФ «О несостоятельности (банкротстве)»: гражданин считается неспособным удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей, если соответствующие обязательства и (или) обязанность не исполнены им в течение трех месяцев с даты, когда они должны были быть исполнены, и если сумма его обязательств превышает стоимость принадлежащего ему имущества.

Юридическое лицо считается неспособным удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить

¹ Логинова Н. Г. Уголовная ответственность за причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием при отсутствии признаков хищения : дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2007. С. 147.

² Там же.

обязанность по уплате обязательных платежей, если соответствующие обязательства и (или) обязанность не исполнены им в течение трех месяцев с даты, когда они должны были быть исполнены¹.

Таким образом, совершение указанных в диспозиции ст. 195 УК РФ действий следует квалифицировать как злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности только при условии отсутствия признаков банкротства организации.

Следует согласиться с высказанной в науке уголовного права позицией о невозможности квалификации действий должника, выразившихся, например, в сокрытии имущества, как идеальной совокупности преступлений, предусмотренных ст.ст. 177 и 195 УК РФ².

Вместе с тем, данный вывод не исключает возможности квалификации сокрытия должником имущества до появления признаков банкротства и совершения им аналогичных действий при процедуре банкротства как реальной совокупности преступлений, предусмотренных ст.ст. 177 и 195 УК РФ.

Довольно часто недобросовестные руководители коммерческих организаций или индивидуальные предприниматели, получив кредиты, товары, различного рода услуги в дальнейшем с целью невыполнения обязательств по заключенным договорам, неуплаты долгов, налогов и других обязательных платежей, намеренно создают свою неплатежеспособность либо заведомо ложно объявляют себя несостоятельными, чтобы выгодно пройти процедуру ликвидации (банкротства).

Как правило, должники в таких условиях осуществляют целый комплекс противоправных действий, среди которых могут быть осуществление сделок по отчуждению имущества без документального оформления, неоприходование товарно-материальных ценностей, денежной выручки или поступления наличных денежных средств в кассу и др.

При этом в случае достигнутой ликвидации должника в соответствии с п. 9 ст. 142 ФЗ РФ «О несостоятельности (банкротстве)»: «Требования кредиторов, не удовлетворенные по причине недостаточности имущества должника, считаются погашенными».

В данной связи возникает множество вопросов о возможной квалификации подобного рода действий как злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности.

¹ Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2002. – № 43, ст. 4190.

² Иванов А. А. Злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности (ст. 177 УК РФ): совершенствование законодательного описания диспозиции статьи и отдельные аспекты его предупреждения: по материалам субъектов ЮФО РФ : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2007. С. 130.

Следует признать сомнительным вывод А. А. Иванова о невозможности квалификации преступных деяний одновременно по ст. 177 УК РФ – с одной стороны, и ст.ст. 196 и 197 УК РФ – с другой¹.

Главным аргументом данного автора является то, что квалификация действий виновного зависит от тех преступных целей, на достижение которых его деяния были, в первую очередь, непосредственно направлены. Так, А. А. Иванов пишет: «...если имущество (услуги) реализуется, скрывается каким-либо образом для обоснования своей временной финансовой несостоятельности в целях уклонения от погашения кредиторской задолженности, то это признаки преступления, предусмотренного ст. 177 УК РФ. Если же реализация средств организации происходит на разорительных условиях в целях банкротства и уже последующего освобождения организации-банкрота от погашения задолженностей, оставшихся после конкурсного производства, то в этом случае имеет место преднамеренное банкротство. В целом схожая ситуация складывается при сокрытии имущества кредиторов. Если преступная цель состоит в затягивании момента погашения кредиторской задолженности, это свидетельствует о наличии признаков исследуемого нами преступления; если же целью является ложное объявление себя банкротом с вышеуказанными последствиями для кредиторов, то налицо состав фиктивного банкротства»².

Как представляется, такое разграничение указанных составов преступлений является несколько поверхностным. Прежде всего, сложно себе представить, что, например, руководитель организации, заведомо ложно объявляя о своей несостоятельности, стремился бы исключительно к самому факту открытия процедуры банкротства юридического лица, без сопутствующей и, думается, определяющей цели – уклониться от расчетов со своими кредиторами. По справедливому мнению А. Г. Ненайденко, в случае заведомо ложного объявления о несостоятельности, какие бы цели лицо ни преследовало, должник осознает, что он тем самым причиняет ущерб имущественным интересам кредиторов для защиты своих собственных имущественных интересов³.

¹ Иванов А. А. Злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности (ст. 177 УК РФ): совершенствование законодательного описания диспозиции статьи и отдельные аспекты его предупреждения: по материалам субъектов ЮФО РФ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2007. С. 23.

² Там же. С. 131.

³ Ненайденко А. Г. Преднамеренное и фиктивное банкротства: актуальные проблемы уголовной ответственности : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 135.

Еще более очевидная картина при преднамеренном банкротстве, когда лицо, в каких бы целях оно ни действовало, осознает, что умышленное доведение организации до неспособности удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам причинит им неминуемый ущерб.

В связи с этим весь вопрос заключается только в том, имеется ли вступившее в законную силу решение суда о взыскании кредиторской задолженности на момент совершения соответствующих действий. Если такое решение имеется и должник, будучи осведомленным об этом, будет совершать умышленные действия по приведению организации к банкротству либо заведомо ложно объявит себя банкротом, то в его действиях будут содержаться признаки как злого уклонения от погашения кредиторской задолженности, так и преднамеренного или фиктивного банкротства.

Следует отметить, что данный подход получил свою поддержку и в правоприменительной практике. Так, 5 марта 2001 г. Красносельский районный суд Санкт-Петербурга рассмотрел дело по обвинению Пикулиной, обвиняемой в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 177 и 196 УК РФ. Как установил суд: «Пикулина, являясь руководителем организации и осуществляя хозяйственную деятельность магазина, в личных интересах совершила действия, заведомо влекущие неспособность возглавляемого ею юридического лица к удовлетворению требований кредиторов по денежным обязательствам... При этом она осознавала, что своими действиями (неисполнением денежных обязательств) причиняет крупный ущерб кредиторам...»¹.

С другой стороны, если ни один из кредиторов не обращался в суд, и руководитель организации-должника совершает действия, направленные на приведение организации к банкротству, либо в этот период времени заведомо ложно объявит себя банкротом, то состава злого уклонения от погашения кредиторской задолженности в его действиях не будет в связи с отсутствием обязательного признака преступления, предусмотренного ст. 177 УК РФ, – наличие вступившего в законную силу решения суда о взыскании кредиторской задолженности в крупном размере.

Отграничение злого уклонения от погашения кредиторской задолженности от налоговых преступлений (ст.ст. 198 и 199 УК РФ), главным образом, проводится по признакам объекта.

¹ Пример приведен по: Кондрашина И. А. Ответственность за преднамеренное и фиктивное банкротство по уголовному законодательству России и зарубежных стран : дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2006. С. 98–99.

В отличие от преступления, предусмотренного ст. 177 УК РФ, где предметом выступают денежные средства, составляющие имущественную массу должника и подлежащие передаче кредитору, предметом криминального уклонения от уплаты налогов являются денежные средства, подлежащие перечислению в бюджет в счет уплаты налога (сбора)¹.

С практической точки зрения, важным представляется отграничение злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности от сокрытия денежных средств либо имущества организации или индивидуального предпринимателя, за счет которых должно производиться взыскание налогов и (или) сборов (ст. 199² УК РФ).

Несмотря на очевидное сходство в признаках объективной стороны, злостное уклонение от уплаты кредиторской задолженности принципиально отличается от указанного преступления содержанием объекта и субъективной стороны.

При совершении преступления, предусмотренного ст. 199² УК РФ, лицо, достоверно зная о решении налогового органа о взыскании недоимки по налогам и (или) сборам за счет имущества организации или индивидуального предпринимателя, совершает умышленные действия, направленные на воспрепятствование их взысканию (например, совершает расчеты с контрагентами через банковские счета, оформленные на третьих лиц, минуя тем самым счет организации-должника). Таким образом, целью данного преступления является обеспечение невозможности принудительного взыскания соответствующих налогов и (или) сборов.

Представляется, что при определенных обстоятельствах действия лица следует квалифицировать как идеальную совокупность преступлений, предусмотренных ст.ст. 177 и 199² УК РФ. Подобная юридическая оценка может иметь место в том случае, если лицо совершает умышленные действия, связанные с сокрытием денежных средств либо имущества, как в целях воспрепятствования принудительному взысканию недоимки по налогам и (или) сборам в крупном размере, так и в целях уклонения от погашения кредиторской задолженности в крупном размере после вступления в силу соответствующего судебного акта.

В теории уголовного права дискуссионным является вопрос об отграничении злостного уклонения от погашения кредиторской задол-

¹ Никифоров А. В. Уголовная ответственность за уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с организации : дис. ... канд. юрид. наук. М, 2010. С. 74.

женности от незаконных действий в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту либо подлежащего конфискации (ст. 312 УК РФ).

Так, М. Ф. Феоктистов приходит к выводу, что, если при уклонении от погашения кредиторской задолженности виновный растрчивает, отчуждает или предпринимает иные незаконные действия в отношении описанного или арестованного имущества, препятствует удовлетворению требований кредитора за счет такого имущества путем его сокрытия, содеянное подлежит квалификации по совокупности ст. 177 и ч. 1 ст. 312 УК РФ¹.

Д. Ю. Виноградов, в свою очередь, не соглашается с данным подходом. Он пишет, что незаконные действия в отношении арестованного имущества препятствуют принудительному удовлетворению требований кредитора. В некоторых ситуациях такие действия могут затруднить или сделать исполнение соответствующего судебного акта невозможным.

Тем не менее, злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности или от оплаты ценных бумаг возможно не только путем незаконных действий в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту, но и другими способами. В частности, предусмотренное ст. 177 УК РФ преступление может быть совершено путем отчуждения или сокрытия имущества, на которое арест не наложен, и т. п.

Таким образом, ч. 1 ст. 312 УК РФ является специальной нормой по отношению к ст. 177 УК РФ. Вследствие этого квалификация содеянного по совокупности ст. 177 и ч. 1 ст. 312 УК РФ возможна лишь в тех случаях, когда назначенный хранителем арестованного имущества руководитель организации или гражданин, помимо растраты, отчуждения, сокрытия или незаконной передачи этого имущества, совершают еще и иные действия в целях уклонения от погашения кредиторской задолженности или от оплаты ценных бумаг. В случаях, если руководитель организации или гражданин в целях уклонения от погашения кредиторской задолженности или от оплаты ценных бумаг совершили только растрату, отчуждение, сокрытие или незаконную передачу имущества, подвергнутого описи или аресту, которое им вверено, совокупность ст. 177 и ч. 1 ст. 312

¹ Феоктистов М. В. Ответственность за незаконное получение кредита и уклонение от погашения кредиторской задолженности: проблемы теории и практики // Банковское право. – 2001. – № 1. – С. 33.

УК РФ отсутствует, и содеянное следует квалифицировать только по ч. 1 ст. 312 УК РФ¹.

Действительно, определяющим критерием отграничения ч. 1 ст. 312 УК РФ от ст. 177 УК РФ является предмет преступления – имущество, включенное в опись или находящееся под арестом.

Следует отметить, что в правоприменительной практике довольно часто встречаются случаи, когда в обоснование признаков злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности суды указывают, что виновный, совершив отчуждение арестованного имущества, направил полученные денежные средства не на исполнение судебного решения, а на собственные нужды. Так, в одном из решений суд указал, что подсудимый, заведомо зная о наличии у него кредиторской задолженности перед ОАО «Российский сельскохозяйственный банк» в размере 2 857 086 руб. 32 копейки, будучи предупрежденным судебным приставом-исполнителем об уголовной ответственности по ст. 177 УК РФ, получив в ноябре 2010 г. от физического лица займ в размере 60 тыс. руб., а 16 декабря 2010 г. получив оплату за проданных им 10 лошадей и 7 жеребят в размере 100 тыс. руб., которые могли быть использованы для частичного погашения кредиторской задолженности перед ОАО «Российский сельскохозяйственный банк», установленной вступившим в законную силу Решением Арбитражного суда Ростовской области от 9 марта 2010 г., имея умысел на злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности в крупном размере, израсходовал указанные денежные средства на нужды, не связанные с погашением кредиторской задолженности.

Действия подсудимого по эпизоду отчуждения 10 голов лошадей и 7 голов жеребят, подвергнутых описи и аресту, суд квалифицировал по ч. 1 ст. 312 УК РФ в редакции Федерального закона от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ по признакам: отчуждение имущества, подвергнутого аресту, совершенное лицом, которому это имущество вверено.

Действия подсудимого по эпизоду использования 160 тыс. руб. для целей, не связанных с погашением кредиторской задолженности, суд квалифицировал по ст. 177 УК РФ в редакции Федерального закона от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ по признакам: злостное уклонение

¹ Виноградов Д. Ю. Незаконные действия в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту (уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации) : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2008. С. 135.

гражданина от погашения кредиторской задолженности в крупном размере после вступления в законную силу соответствующего судебного акта¹.

Такой подход представляется абсолютно обоснованным. Несмотря на то, что сами действия должника по отчуждению арестованного имущества образуют только состав преступления, предусмотренный ст. 312 УК РФ, дальнейшее распоряжение полученными в результате этого денежными средствами может уже содержать признаки злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности в том случае, если они были направлены на нужды, не связанные с погашением долга.

По мнению А. А. Мамедова, при совпадении ряда признаков составов преступлений, предусмотренных ст.ст. 177 и 315 УК РФ, возможно рассматривать норму о злостном уклонении от погашения кредиторской задолженности как специальную по отношению к общей норме о неисполнении приговора суда, решения суда или иного судебного акта².

Из этих же соображений ранее исходил и Б. В. Волженкин. Так, он писал: «...являясь посягательством на интересы кредитора, злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности, связанное с неисполнением вступившего в законную силу судебного акта, одновременно посягает и на дополнительный объект – интересы правосудия. Поэтому в случаях, когда злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности совершается представителем власти, государственным или муниципальным служащим государственного или муниципального учреждения, коммерческой или иной организации, возникает конкуренция между ст.ст. 177 и 315 УК РФ, предусматривающей ответственность за злостное неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта. По правилу конкуренции общей и специальной нормы предпочтение должно отдаваться специальной норме, более точно фиксирующей особенности преступления, каковой в данном случае будет норма о злостном уклонении от погашения кредиторской задолженности»³.

Безусловно, разграничение злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности с преступлением, предусмотренным ст. 315 УК РФ, прежде всего, следует проводить по содержанию неисполняе-

¹ Приговор Тацинского районного суда Ростовской области от 8 ноября 2011 г. по делу №1-9/2011.

² Мамедов А. А. Квалификация преступлений в сфере кредитных и валютных операций : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 22.

³ Волженкин Б. В. Экономические преступления. СПб., 1999. С. 126–127.

мого судебного акта. В ст. 315 содержание судебного акта может быть любым, а в ст. 177 УК РФ им может быть только взыскание кредиторской задолженности, при этом только в крупном размере.

Как отмечалось ранее, в судебном разбирательстве кредитор может требовать не только денежной компенсации, но и, например, исполнения обязательства в натуре (выполнить определенные работы, освободить занимаемое помещение, передать арендованное имущество, поставить товар и т. п.). В таком случае суд, удовлетворяя требования кредитора, предписывает должнику совершить конкретные действия. Как справедливо отмечается в теории уголовного права, в случае злостного уклонения лица от исполнения подобного судебного решения должна применяться не ст. 177 УК РФ, а норма о злостном неисполнении судебного решения, т. е. ст. 315 УК РФ¹.

В то же время норма о злостном уклонении от погашения кредиторской задолженности расширяет пределы действия общей (ст. 315 УК РФ) за счет включения в круг субъектов физических лиц. Так, если служащий какой-либо организации злостно уклоняется от выполнения судебного акта о взыскании кредиторской задолженности, не достигшей крупного размера, ответственность должна наступать по общей норме.

Здесь нельзя не отметить, что данный вывод подвергается серьезной критике в науке уголовного права. Так, рассматривая проблемные вопросы отграничения злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности от смежных составов преступлений, А. А. Иванов пишет: «...следует обратить внимание на крайне негативную, на наш взгляд, практику в деятельности органов дознания и предварительного следствия. В тех случаях, когда в ходе расследования преступлений подтверждается только факт злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности, а ее размер не достигает требуемого..., действия обвиняемого в ряде случаев переквалифицируются по ст. 315 УК РФ. Таким образом, «спасается честь мундира»... Такую негативную практику необходимо пресекать всеми средствами и, прежде всего, мерами прокурорского реагирования»².

¹ Аксенов И., Шулая М. Проблемы применения ст. 177 УК (злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности) и пути их решения // Уголовное право. – 2007. – № 2. – С. 7.

² Иванов А. А. Злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности (ст. 177 УК РФ): совершенствование законодательного описания диспозиции статьи и отдельные аспекты его предупреждения: по материалам субъектов ЮФО РФ : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2007. С. 122.

Вместе с тем, в правоприменительной практике действия должника, умышленно уклоняющегося от исполнения судебного решения о взыскании кредиторской задолженности в размере, не превышающем 1 500 000 рублей, последовательно квалифицируются по ст. 315 УК РФ. Так, С., являясь руководителем МУП «Котельные и тепловые сети», осуществляющего финансово-хозяйственную деятельность, зная о возложенной на него Решением Арбитражного суда Кемеровской области по делу № А27-6502/2010, вступившим в законную силу, обязанности по выплате с МУП «Котельные и тепловые сети» в пользу ООО «Кузбасская снабжающая компания» задолженности в размере 620 493 руб. 27 копеек, будучи предупрежденным об уголовной ответственности за злостное неисполнение решения суда, умышленно, имея возможность погашения указанной задолженности, расходовал денежные средства МУП «Котельные и тепловые сети», поступающие на расчетные счета и в кассу организации, на цели, не связанные с исполнением решения суда. Данные действия С. были квалифицированы судом как злостное неисполнение руководителем организации решения суда, вступившего в законную силу (ст. 315 УК РФ).

Также С., являясь руководителем МУП «Котельные и тепловые сети», осуществляющего финансово-хозяйственную деятельность, зная о возложенной на него Решением Арбитражного суда Кемеровской области по делу № А27-16879/2008-3, вступившим в законную силу, обязанности по выплате с МУП «Котельные и тепловые сети» в пользу ООО МЕЧЕЛ-ЭНЕРГО» задолженности в размере 34 519 829 руб. 1 копейка, будучи предупрежденным об уголовной ответственности за злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности в крупном размере, умышленно, имея возможность погашения указанной задолженности, расходовал денежные средства, поступающие на расчетные счета и в кассу организации на цели, не связанные с погашением кредиторской задолженности в крупном размере. Данные действия С. были квалифицированы судом как злостное уклонение руководителя организации от погашения кредиторской задолженности в крупном размере после вступления в законную силу соответствующего судебного акта (ст. 177 УК РФ)¹.

По данному делу суд признал подсудимого виновным в совершении восьми преступлений, предусмотренных ст. 177 УК РФ, и четырех преступлений, предусмотренных ст. 315 УК РФ. Во всех случаях,

¹ Приговор Междуреченского городского суда Кемеровской области от 20 февраля 2012 г. по делу № 1-60/2012.

когда кредиторская задолженность не превышала крупный размер, суд последовательно признавал содеянное С. злостным неисполнением служащим коммерческой организации вступившего в законную силу решения суда.

Как представляется, юридическая оценка злостного уклонения руководителем организации от исполнения решения суда о взыскании кредиторской задолженности в размере, не превышающем 1,5 млн руб., по ст. 315 УК РФ не противоречит принципам и правилам квалификации преступлений.

Так, в теории уголовного права обоснована возможность применения общей нормы в случае отсутствия всех признаков специальной нормы. Хорошо известными примерами реализации данного подхода выступают рекомендации по разрешению конкуренции между ст. 317 УК РФ и п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ¹, либо конкуренции между ст. 158 УК РФ и ст. 164 УК РФ², в случае совершения деяния лицом, не достигшим 16-летнего возраста.

Вместе с тем, обязательным условием реализации данного правила выступает констатация того, что специальная норма не является привилегированным составом (составом со смягчающими обстоятельствами) и не предусматривает более мягкую санкцию.

Возвращаясь к исследуемому составу преступления, можно сделать вывод, что, являясь общей нормой по отношению к злостному уклонению от погашения кредиторской задолженности, ст. 315 УК РФ предусматривает более мягкую санкцию. Так, санкция ст. 315 УК РФ в отличие от ст. 177 УК РФ предусматривает альтернативное более мягкое наказание – лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет.

Таким образом, при отсутствии признака крупного размера кредиторской задолженности по специальной норме, предусмотренной ст. 177 УК РФ, применение общей нормы (ст. 315 УК РФ) в отношении руководителей или иных служащих организации является абсолютно обоснованным.

Подобная же позиция отражена в письме Федеральной службы судебных приставов Российской Федерации «О Методических рекомендациях по выявлению и расследованию преступлений, преду-

¹ См., например: Наумов А. В. Российское уголовное право : курс лекций. В 3 т. Особенная часть (главы XI – XXI). М., 2010. Т. 3. С. 527.

² См., например: Уголовный закон в практике районного суда : науч.-практ. пособие / под ред. А. В. Галаховой. М., 2010. С. 242.

смотренных ст. 177 Уголовного кодекса Российской Федерации»: «...ст. 177 УК является специальной по отношению к ст. 315 УК РФ, поэтому следует иметь в виду, что при конкуренции данных норм, общей и специальной, в соответствии с ч. 3 ст. 17 УК РФ уголовная ответственность наступает по специальной норме, т. е. по норме о злостном уклонении от погашения кредиторской задолженности. Но если представитель власти, служащий государственного или муниципального учреждения, коммерческой или иной организации будет злостно уклоняться от погашения кредиторской задолженности, не достигшей крупного размера, ответственность наступает по общей норме»¹.

§2. Проблемы дифференциации уголовной ответственности за злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности

Вопросы дифференциации уголовной ответственности достаточно подробно освещены в современной доктрине уголовного права.

А. В. Васильевский дифференциацию уголовной ответственности определяет как «изменение предусмотренного уголовным законом вида, размера и характера меры ответственности в зависимости от изменения общественной опасности деяния и лица, его совершившего, а также с учетом принципа гуманизма и других важных обстоятельств»².

Т. А. Лесниевски-Костарева раскрывает ее как «градацию, разделение, расслоение ответственности в уголовном законе, в результате которой законодателем устанавливаются различные уголовно-правовые последствия в зависимости от типовой степени общественной опасности преступления и типовой степени общественной опасности личности виновного»³.

Общеизвестно, что основным средством дифференциации ответственности за то или иное преступление является конструирование так называемых квалифицированных и особо квалифицированных составов. При этом в теории уголовного права разработаны критерии,

¹ Бюллетень Федеральной службы судебных приставов Министерства юстиции Российской Федерации. – 2010. – № 4.

² Васильевский А. В. Дифференциация уголовной ответственности и наказания в Общей части уголовного права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н.Новгород, 2000. С. 4.

³ Лесниевски-Костарева Т. А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2000. С. 64.

которым квалифицирующие и особо квалифицирующие признаки состава преступления должны соответствовать. Так, свою систему условий конструирования составов преступлений с отягчающими обстоятельствами предлагает Л. Л. Кругликов:

1) типичность данного более опасного варианта преступного поведения (или его фактическая или вероятностная распространенность на практике);

2) нехарактерность этого варианта поведения для большинства деяний, зафиксированных в основном составе;

3) безусловность (обязательность) перепада в уровне общественной опасности деяния в случаях, когда ему сопутствует соответствующее обстоятельство;

4) строго определенная направленность влияния этого обстоятельства на общественную опасность поведения;

5) связь с временными рамками посягательства¹.

В свою очередь, Т. А. Лесниевски-Костарева выделяет всего три условия:

1) обстоятельство, претендующее на признание таковым, должно оказывать существенное влияние на степень общественной опасности деяния, и это влияние должно быть обязательным;

2) это обстоятельство должно быть относительно распространенным, однако не может сопровождать большинство преступлений определенного вида;

3) квалифицирующими могут быть признаны лишь те обстоятельства, которые характеризуют содеянное либо одновременно преступление и личность виновного. Обстоятельства, относящиеся к характеристике только личности виновного, включая ее общественную опасность, и не проявляющиеся в деянии, не должны признаваться квалифицирующими. Они учитываются при индивидуализации наказания².

В теории уголовного права высказывается достаточно много критических замечаний относительно отсутствия системы отягчающих обстоятельств в ст. 177 УК РФ.

В этой связи О. В. Шадрина предлагает ввести в ст. 177 УК РФ квалифицированные и особо квалифицированные составы, предусматривающие ответственность за злостное уклонение от погашения

¹ Кругликов Л. Л., Васильевский А. В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. СПб., 2003. С. 182–186.

² Лесниевски-Костарева Т. А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. М., 2000. С. 253–271.

кредиторской задолженности, совершенные группой лиц по предварительному сговору, организованной группой; совершенные лицом с использованием своего служебного положения; совершенные в особо крупном размере или с причинением особо крупного ущерба¹.

В свою очередь, А. А. Иванов обосновывает необходимость дополнения ст. 177 УК РФ частью второй со следующими квалифицирующими признаками:

- злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности, образовавшейся при непогашении государственного целевого кредита;
- совершение данного преступления группой лиц по предварительному сговору;
- злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности в особо крупном размере².

П. А. Скобликов предлагает дополнить уголовно-правовую норму об ответственности за злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности такими квалифицирующими признаками, как совершение данного преступления группой лиц по предварительному сговору (п. «а» ч. 2 ст. 177 УК РФ) и в особо крупном размере (п. «б» ч. 2 ст. 177 УК РФ), а также особо квалифицирующим признаком – совершение данного преступления организованной группой (ч. 3 ст. 177 УК РФ)³.

Следует согласиться, что несомненным недостатком конструкции ст. 177 УК РФ является отсутствие такого квалифицирующего признака, как совершение данного преступления группой лиц по предварительному сговору или организованной группой.

Совершение данного преступления в подобных формах соучастия является не только возможным с юридической точки зрения, но и встречается на практике. При этом, действуя в группе, лица, как правило, оказывают более значительное противодействие исполнению судебного решения в части взыскания кредиторской задолженности.

¹ Шадрина О. В. Уголовная ответственность за преступления в банковско-кредитной сфере по уголовному праву Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 8.

² Иванов А. А. Злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности (ст. 177 УК РФ): совершенствование законодательного описания диспозиции статьи и отдельные аспекты его предупреждения: по материалам субъектов ЮФО РФ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2007. С. 13.

³ См.: Скобликов П. А. Злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности: практика и теория противодействия. М., 2008. С. 31.

Бесспорным пробелом конструкции ст. 177 УК РФ является и то, что размер задолженности (особо крупный размер), от выплаты которой лицо злостно уклоняется, не влияет на его ответственность. Во-первых, данный квалифицирующий признак соответствует традиционному подходу российского законодателя в части дифференциации ответственности за преступления в сфере экономической деятельности. Кроме того, нельзя отрицать и тот очевидный факт, что степень общественной опасности преступления, предусмотренного ст. 177 УК РФ, находится в прямой зависимости от величины кредиторской задолженности. В сложившейся же ситуации, какой бы ни был размер задолженности (1,5 млн руб. или 1,5 млрд руб.), верхний предел наказания остается неизменным. Как справедливо отмечает по этому поводу А. А. Иванов, отсутствие в конструкции ст. 177 УК РФ такого квалифицирующего признака, как особо крупный размер кредиторской задолженности, ничем, кроме как недоработкой законодателя, объяснено быть не может¹.

Представляется также обоснованным определение в уголовно-правовой норме об ответственности за злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности такого квалифицирующего признака, как совершение данного преступления лицом с использованием своего служебного положения.

Н. Ф. Кузнецова последовательно обосновывала позицию, согласно которой выявление такого преступления, как использование служебных полномочий, имеет большое значение для предупреждения коррупции. По ее мнению, число норм УК РФ с таким признаком, как способ совершения деяния с использованием служебных полномочий надлежит в дальнейшем предельно увеличивать².

Несмотря на то, что в УК РФ не определено понятие лица, занимающего служебное положение, содержание данного признака достаточно подробно раскрыто как в теории уголовного права, так и в разъяснениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Так, Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своем постановлении от 27 декабря 2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», указал, что «под ли-

¹ Иванов А. А. О необходимости введения квалифицированного состава преступления «Злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности» (ст. 177 УК РФ) // Российский следователь. – 2006. – № 12.

² Кузнецова Н. Ф. Проблемы квалификации преступлений: Лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений». М., 2007. С. 289.

цами, использующими свое служебное положение при совершении мошенничества, присвоения или растраты (ч. 3 ст. 159, ч. 3 ст. 160 УК РФ), следует понимать должностных лиц, обладающих признаками, предусмотренными примечанием 1 к ст. 285 УК РФ, государственных или муниципальных служащих, не являющихся должностными лицами, а также иных лиц, отвечающих требованиям, предусмотренным примечанием 1 к ст. 201 УК РФ (например, лицо, которое использует для совершения хищения чужого имущества свои служебные полномочия, включающие организационно-распорядительные или административно-хозяйственные обязанности в коммерческой организации)¹.

На наш взгляд, установление повышенной уголовной ответственности за злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности лицом с использованием своего служебного положения является мерой не только теоретически обоснованной, но и практически значимой.

Следует особенно отметить, что реализация данного предложения, безусловно, потребует изменения конструкции основного состава рассматриваемого преступления.

§ 3. Особенности применения норм об освобождении от уголовной ответственности по делам о злостном уклонении от погашения кредиторской задолженности

Несмотря на свою практическую значимость, вопрос о применении поощрительных норм при совершении преступления, предусмотренного ст. 177 УК РФ, остается почти не исследованным в теории уголовного права. Вместе с тем правильное применение указанных норм обеспечивает реализацию основополагающих принципов и достижение задач уголовного права наравне с реализацией уголовной ответственности.

В качестве поощрительных норм уголовного закона России, прежде всего, выступают те, которые закрепляют виды освобождения от уголовной ответственности. В настоящее время в гл. 11 УК РФ предусмотрены четыре таких вида: освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием (ст. 75); освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потер-

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // СПС «КонсультантПлюс».

певшим (ст. 76); освобождение от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности (ст. 76¹) и освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности (ст. 78). Вид освобождения от уголовной ответственности, как и границы применения этого вида, определяет совокупность специфических условий, закрепленных законодателем в соответствующей норме УК РФ.

Как справедливо отмечается в науке уголовного права, основанием освобождения от уголовной ответственности является нецелесообразность реализации уголовной ответственности лица, совершившего преступление, утратившего прежнюю общественную опасность, когда это лицо может быть исправлено без осуждения (его порицания государством) и применения наказания¹.

Как показало изучение правоприменительной практики, наибольшее распространение получило освобождение недобросовестных должников ввиду их деятельного раскаяния.

Под деятельным раскаянием следует понимать активные добровольные действия, посредством которых лицо, совершившее преступление, руководствуясь любыми внутренними побуждениями, предотвращает, устраняет или уменьшает тяжесть вредных последствий содеянного либо оказывает помощь правоохранительным органам в раскрытии и расследовании этого и других преступлений, что влечет за собой в случаях, предусмотренных законом, освобождение от уголовной ответственности или смягчение наказания².

Основу диспозиции ч. 1 ст. 75 УК РФ составляют объективные и субъективные условия освобождения от уголовной ответственности. Объективными условиями являются: 1) совершение преступления впервые и 2) совершение преступления небольшой или средней тяжести.

Субъективными условиями применения ч. 1 ст. 75 УК РФ являются: 1) добровольная явка с повинной; 2) способствование раскрытию преступления; 3) возмещение причиненного ущерба; 4) заглаживание иным образом причиненного вреда.

Данные действия зависят от воли и сознания лица, и поэтому именно в них, по мнению законодателя, заключается содержание деятельного раскаяния.

¹ Ендольцева А. В. Институт освобождения от уголовной ответственности: теоретические, законодательные и правоприменительные проблемы : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 108.

² Там же. С. 175.

В науке уголовного права отмечается, что редакция ст. 75 УК РФ при буквальном прочтении не дает однозначного ответа на вопрос: какая именно совокупность субъективных условий позволяет констатировать деятельное раскаяние именно как основание освобождения от уголовной ответственности? Так, некоторые авторы считают, что основанием для применения ст. 75 УК РФ будет наличие совокупности всех трех действий (добровольная явка с повинной, способствование раскрытию преступления и возмещение причиненного ущерба), а если имеет место лишь одно из них, то оно должно пониматься не как деятельное раскаяние, а как отдельное смягчающее ответственность обстоятельство¹.

Следует все же согласиться с теми представителями науки уголовного права, которые отмечают, что «ни прежде, ни тем более сегодня не имелось и нет оснований, чтобы считать всегда обязательным наличие всей совокупности означенных в ч. 1 ст. 75 УК РФ смягчающих ответственность обстоятельств для освобождения лица от ответственности. Конечно, они желательны и на практике иногда встречаются (сочетаются), но было бы нереальным (и вредным) всегда возводить желаемое требование в абсолют»².

Как показало проведенное исследование, по делам о злостном уклонении от погашения кредиторской задолженности суды принимают решения о прекращении уголовных дел в соответствии с положением ст. 75 УК РФ при наличии следующей совокупности условий: преступление, предусмотренное ст. 177 УК РФ, совершено лицом впервые; лицо признало свою вину и полностью возместило причиненный ущерб. Так, С. обвинялась в злостном уклонении от погашения кредиторской задолженности в крупном размере после вступления в законную силу соответствующего судебного акта. На основании кассационного определения Судебной коллегии по гражданским делам Костромского областного суда на С. была возложена обязанность выплатить К. долг в крупном размере. Однако, зная о данном судебном решении, о возложенной на нее обязанности выплатить

¹ См.: Щерба С. П., Савкин А. В. Деятельное раскаяние в совершенном преступлении : практич. пособие. М., 1997. С. 11. См. также: Михайлов В. Признаки деятельного раскаяния // Российская юстиция. – 1998. – № 4. – С. 5; Дадакаев Э. Ю. Институт деятельного раскаяния и его реализация при освобождении от уголовной ответственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 7.

² Коломеец В. Явка с повинной: новая трактовка // Российская юстиция. – 1997. – № 10. – С. 35.

указанную денежную сумму, С., постоянно меняя место жительства, данное судебное решение, связанное с погашением кредиторской задолженности в добровольном порядке, в нарушение ст. 6 ФЗ «О судебной системе» об обязанности исполнения судебных актов, вступивших в законную силу, умышленно не исполнила и, имея реальную возможность погашения кредиторской задолженности К., злостно уклонилась от его исполнения.

С. в ходе предварительного расследования свою вину в совершении преступления признала, возместила причиненный ущерб К. в полном объеме, просила прекратить производство по делу в связи с деятельным раскаянием.

Выслушав мнение защитника и государственного обвинителя, суд пришел к выводу, что С. совершила преступление небольшой тяжести, ранее не судима, признала свою вину в совершенном преступлении, возместила причиненный ущерб в полном объеме. Указанные обстоятельства в их совокупности, по мнению суда, свидетельствовали об искреннем раскаянии С., и поэтому вследствие деятельного раскаяния С. перестала быть общественно опасной. На основании этого в соответствии со ст. 75 УК РФ суд прекратил производство по делу в отношении С.¹

Как известно, в законе не указано, полностью или частично должен быть возмещен ущерб, причиненный преступлением. В правоприменительной практике нами был выявлен случай освобождения лица от уголовной ответственности по ст. 75 УК РФ, когда суд в описательно-мотивировочной части указал следующее: «...подсудимый ранее не судим, впервые совершил преступление небольшой тяжести, полностью признал вину, раскаялся в содеянном; в настоящее время принимает меры к исполнению судебных решений и погашению имеющейся задолженности...»².

По нашему мнению, частичное возмещение ущерба, безусловно, свидетельствует о деятельном раскаянии лица. Вместе с тем, уголовно-правовые последствия разной степени возмещения причиненного ущерба должны быть разными. В данной связи следует согласиться с О. К. Павловой, которая предлагает считать возмещение ущерба составообразующим признаком освобождения от уголовной

¹ Постановление Нерехтского районного суда Костромской области от 15 марта 2010 г. по делу № 1-16/2010.

² Постановление № 2-14/2011 от 16 декабря 2011 г. Октябрьского районного суда г. Ижевска Удмуртской Республики.

ответственности в связи с деятельным раскаянием только в том случае, если виновный полностью возместил ущерб, причиненный преступлением¹.

Как представляется, если виновный возместил причиненный потерпевшему ущерб лишь частично, и последний ходатайствует о прекращении уголовного дела в отношении обвиняемого, то в данном случае возможно освобождение лица, впервые совершившего преступление небольшой или средней тяжести, от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим.

В отличие от деятельного раскаяния, специальным условием освобождения от уголовной ответственности, предусмотренного ст. 76 УК РФ, является достижение примирения с потерпевшим. Как показало изучение правоприменительной практики по делам о злостном уклонении от погашения кредиторской задолженности, сам факт примирения обвиняемого с потерпевшим объективируется в заявленном потерпевшим ходатайстве о прекращении уголовного преследования в отношении обвиняемого. Так, на основании решения арбитражного суда с индивидуального предпринимателя Л. взыскана задолженность в размере 4 191 946 руб. 46 копеек, пени в размере 400 тыс. руб. и судебные расходы по уплате госпошлины в размере 53 419 руб. 46 копеек.

Как было установлено судом, Л., будучи письменно предупрежденным об уголовной ответственности по ст. 177 УК РФ за злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности, имея, как индивидуальный предприниматель, дебиторскую задолженность и постоянный доход в виде заработной платы, злостно (умышленно) уклонялся от погашения кредиторской задолженности в крупном размере.

Вместе с тем, в ходе судебного разбирательства от потерпевшего в адрес суда поступило ходатайство о прекращении уголовного дела в отношении Л. в связи с примирением сторон и погашением имеющейся задолженности. Л. в судебном заседании полностью признал свою вину в совершении данного преступления, полностью согласился с предъявленным ему обвинением и заявил ходатайство о прекращении уголовного дела в связи с примирением с потерпевшим и возмещением им данной задолженности.

На основании этого суд, руководствуясь ст. 25 УПК РФ и ст. 76 УК РФ уголовное дело по обвинению Л., совершившего преступле-

¹ Павлова О. К. Институт деятельного раскаяния по советскому уголовному праву : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1986. С. 153.

ние, предусмотренное ст. 177 УК РФ, прекратил в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым¹.

Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420 «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и отдельные законодательные акты Российской Федерации» гл. 11 УК РФ была дополнена специальным видом освобождения от уголовной ответственности за совершение преступлений в сфере экономической деятельности (ст. 76¹ УК РФ). Необходимость введения подобной нормы и содержание ее обязательных признаков уже давно обсуждались в научной литературе.

В отличие от ст.ст. 75 и 76 УК РФ, освобождение от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности является императивным, т. е. его применение не зависит от усмотрения лица, производящего предварительное расследование, или суда. Это, в свою очередь, обуславливает обязательное выяснение судом наличия или отсутствия оснований для освобождения лица от уголовной ответственности в порядке ст. 76¹ УК РФ².

Анализ ч. 2 ст. 76¹ УК РФ позволяет выделить два условия освобождения от уголовной ответственности по делам о злостном уклонении от погашения кредиторской задолженности: 1) возмещение ущерба (кредиторской задолженности), причиненного гражданину или организации; 2) перечисление в федеральный бюджет денежного возмещения в размере пятикратной суммы причиненного ущерба.

В ходе проведенного исследования случаев освобождения от уголовной ответственности за злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности по ст. 76¹ УК РФ выявлено не было.

Как представляется, данный вид освобождения от уголовной ответственности по делам об исследуемом преступлении не найдет широкого применения. Такое предположение основывается сразу на совокупности обстоятельств. Прежде всего, условие о перечислении в федеральный бюджет денежного возмещения в размере пятикратной суммы причиненного ущерба, очевидно, является более обременительным для виновного в сравнении с более гибкими условиями, предусмотренными ст.ст. 75, 76 УК РФ. Безусловно, виновный не всегда сможет добиться примирения с потерпевшим, что, как правило, может быть обусловлено

¹ Постановление Центрального районного суда г. Тюмени Тюменской области от 20 сентября 2010 г. по делу № 1-633-10.

² Суды, учитывая данное обстоятельство, в настоящее время совершенно обоснованно при вынесении обвинительного приговора в описательно-мотивировочной части отмечают отсутствие оснований освобождения лица от уголовной ответственности, предусмотренных ст. 76¹ УК РФ.

наличием конфликта и вследствие этого личных неприязненных отношений. Вместе с тем, норма о деятельном раскаянии в определенном смысле безразлична к чувствам потерпевшего и основывается исключительно на положительном постпреступном поведении виновного. И в данной связи простое возмещение ущерба и содействие органам предварительного расследования позволяет виновному рассчитывать на освобождение от уголовной ответственности.

Кроме того, в судебной практике основным наказанием за злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности является штраф, лишение свободы применяется крайне редко и, в подавляющем большинстве случаев с последующим применением ст. 73 УК РФ. В соответствии с санкцией ст. 177 УК РФ штраф виновному в злостном уклонении от погашения кредиторской задолженности назначается в размере до 200 тыс. руб. При этом минимальная сумма возмещения ущерба потерпевшему и обязательной пятикратной выплаты в федеральный бюджет по ст. 177 УК РФ составляет более 9 млн руб. Совершенно очевидно, что в большинстве случаев для обвиняемого либо будет недоступно выполнить условия ст. 76¹ УК РФ, либо просто более предпочтительно подвергнуться наказанию в виде штрафа, который в 45 раз меньше этих выплат.

Как представляется, законодатель при конструировании ч. 2 ст. 76¹ УК РФ допустил принципиальный просчет, определив обязательное условие освобождения от ответственности, которое по своим неблагоприятным последствиям в несколько раз превосходит саму ответственность. Подобное противоречит не только юридической технике, но, прежде всего, здравому смыслу. Так или иначе, ближайшее будущее даст ответ на вопрос о жизнеспособности ч. 2 ст. 76¹ УК РФ.

В данной связи нельзя не отметить, что Пленум Верховного Суда Российской Федерации в новом постановлении № 19 от 27 июня 2013 г. «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» предпринял очевидную попытку «реанимировать» ч. 2 ст. 76¹ УК РФ и отказал в возможности применения оснований освобождения от уголовной ответственности, предусмотренных ст.ст. 75 и 76 УК РФ, к лицам, совершившим преступления в сфере экономической деятельности, если они не выполнили условия, предусмотренные ст. 76¹ УК РФ¹.

¹ Пункт 16 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // СПС «КонсультантПлюс».

При этом Пленум Верховного Суда Российской Федерации проявил молчание относительно того, почему лицо, совершившее преступление в сфере экономической деятельности и лишенное возможности заплатить штраф в пятикратном размере, не может деятельно раскаяться или примириться с потерпевшим.

На наш взгляд, такая правовая позиция Пленума Верховного Суда Российской Федерации не только противоречит действующему уголовному законодательству (ст. 76¹ не содержит такого ограничения), но и не отвечает логике и смыслу данного уголовно-правового института. Поощрительные нормы, предусмотренные ст.ст. 75, 76 и 76¹ УК РФ, имеют свои специфические условия и не конкурируют между собой. Лицо, совершившее преступление в сфере экономической деятельности, должно иметь выбор в возможности выполнения условий того или иного основания освобождения от уголовной ответственности. Так, недобросовестный должник в зависимости от конкретной ситуации может посчитать для себя более предпочтительным достигнуть примирения с потерпевшим или проявить деятельное раскаяние, либо отказаться от каких-либо контактов как с потерпевшим, так и с органами предварительного расследования, и просто компенсировать причиненный ущерб и заплатить пятикратный относительно этого ущерба штраф.

Нельзя не отметить, что указанное разъяснение абсолютно не учитывает интересы потерпевших. Более того, оно практически лишает их последней возможности получить компенсацию причиненного ущерба на досудебной стадии.

В соответствии с п. «а» ч. 1 ст. 78 УК РФ срок давности привлечения к уголовной ответственности за злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности составляет два года.

В письме Федеральной службы судебных приставов Российской Федерации «О Методических рекомендациях по выявлению и расследованию преступлений, предусмотренных ст. 177 Уголовного кодекса Российской Федерации» дано следующее разъяснение: «...Злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности относится к категории длящихся преступлений. Оно начинается после вступления в законную силу судебного акта, подтверждающего законность требований кредитора, и явного (очевидного) после этого уклонения от погашения кредиторской задолженности или от оплаты ценных бумаг. Преступление длится до тех пор, пока должник не исполнит свои обязательства или не будет привлечен к уголовной ответственности по ст. 177 УК РФ.

Сроки давности рассматриваемого преступления исчисляются с момента возбуждения уголовного дела...»¹.

Вопрос о применении сроков давности по делам о злостном уклонении от погашения кредиторской задолженности неоднократно становился предметом судебного спора. Так, по одному из дел суд указал, что доводы стороны защиты об истечении сроков давности уголовного преследования П. необоснованны, так как злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности является длящимся преступлением. Оно начинается после вступления в законную силу судебного акта, подтвердившего обоснованность требования кредиторов, и очевидного после этого уклонения от погашения задолженности и длится до тех пор, пока виновный продолжает уклоняться или пока не будет выявлено данное преступление, или возбуждено уголовное дело. В данном случае установлено, что первоначальное заявление от К. о возбуждении уголовного дела в отношении П. по ст. 177 УК РФ поступило в прокуратуру 14 августа 2008 г., уголовное дело в отношении П. возбуждено 22 мая 2009 г. Таким образом, сроки давности привлечения П. к уголовной ответственности по ст. 177 УК РФ, предусмотренные п. «а» ч. 1 ст. 78 УК РФ, которые составляют два года, в настоящее время не истекли (4 июня 2010 г.)².

Подход, согласно которому давностные сроки по делам о злостном уклонении от погашения кредиторской задолженности следует исчислять с момента возбуждения уголовного дела, вызывает обоснованные сомнения. Как справедливо отмечается в науке уголовного права, в длящихся преступлениях следует различать момент достижения стадии оконченного преступления и момент полного прекращения преступной деятельности, которое может наступить при явке лица с повинной, при задержании его органами власти и при наступлении других обстоятельств, позволяющих судить о том, что преступная деятельность лица полностью закончилась. Только с этого момента может быть начато исчисление давностного срока, необходимого для освобождения лица от уголовной ответственности по ст. 78 УК РФ³.

¹ Бюллетень Федеральной службы судебных приставов Министерства юстиции Российской Федерации. – 2010. – № 4.

² Приговор Смольнинского районного суда Санкт-Петербурга от 4 июня 2010 г. по делу №1-24/10.

³ Ендольцева А. В. Институт освобождения от уголовной ответственности: теоретические, законодательные и правоприменительные проблемы : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 241.

Кроме того, в соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда СССР № 23 «Об условиях применения давности и амнистии к длящимся и продолжаемым преступлениям» от 4 марта 1929 г. «...срок давности уголовного преследования в отношении длящихся преступлений исчисляется со времени их прекращения по воле или вопреки воле виновного (добровольное выполнение виновным своих обязанностей, явка с повинной, задержание органами власти и др.)»¹.

Как нами отмечалось ранее, в отличие от большинства длящихся преступлений, при злостном уклонении от погашения кредиторской задолженности вмешательство органов власти не свидетельствует о его фактическом окончании (если только под этим вмешательством не рассматривать совершение судебным приставом-исполнителем исполнительных действий по обращению взыскания на имущество должника, достаточного для покрытия долга или оплаты ценных бумаг). Обусловлено это особенностями объективной стороны анализируемого преступления. Возбуждением уголовного дела или даже применением мер процессуального принуждения просто невозможно пресечь как обязательственную связь между кредитором и должником, так и само уклонение неисправного должника от исполнения этого обязательства.

В связи с этим, как представляется, давностные сроки по делам о преступлении, предусмотренном ст. 177 УК РФ, следует исчислять либо с момента прекращения злостного уклонения по воле лица (добровольное погашение кредиторской задолженности), либо вопреки его воле (например, совершение судебным приставом-исполнителем исполнительных действий по обращению взыскания на имущество должника).

§ 4. Особенности применения института обстоятельств, исключающих преступность деяния, по делам о злостном уклонении от погашения кредиторской задолженности

Действующее уголовное законодательство России не только определяет, какие деяния признаются преступлениями, но и устанавливает основания правомерного причинения вреда общественным отношениям, охраняемым уголовным законом.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1929 г. № 23 (ред. от 14.03.1963) «Об условиях применения давности и амнистии к длящимся и продолжаемым преступлениям» // СПС «КонсультантПлюс».

При расследовании случаев злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности нередко возникает проблема правовой оценки действий должника, связанных с распоряжением денежными средствами с целью сохранить иной интерес, охраняемый уголовным законом (право граждан на заработную плату, недопущение банкротства организации и др.).

Все эти вопросы могут быть разрешены с помощью такого уголовно-правового института, как обстоятельства, исключаящие преступность деяния.

В науке уголовного права отмечается, что сущностью обстоятельств, исключающих преступность деяния, является правомерное причинение вреда общественным отношениям, охраняемым уголовным законом. Их содержание состоит в причинении вреда уголовно охраняемому объекту для предотвращения вреда какому-либо иному благу либо достижения нового блага... Они характеризуются отсутствием общественной опасности и преступности деяния, а соответственно, и отсутствием состава преступления. Эти деяния по своей правовой природе являются уголовно-правомерными, а по социальному содержанию – общественно полезными или социально допустимыми.

Сразу необходимо отметить, что далеко не все обстоятельства, исключаящие преступность деяния, применимы к деяниям, обладающим признаками злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности. В частности, должник, умышленно уклоняясь от исполнения судебного решения, не может находиться в состоянии необходимой обороны, поскольку при деяниях, предусмотренных ст. 177 УК РФ, отсутствует необходимый признак данного обстоятельства – нападение. Также не могут быть применимы обстоятельства, предусмотренные ст. 38 УК РФ, – «Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление» и ст. 40 УК РФ – «Обоснованный риск».

Анализ судебно-следственной практики по уголовным делам о злостном уклонении от погашения кредиторской задолженности показал, что чаще всего возникают трудности в определении наличия или отсутствия крайней необходимости (ст. 39 УК РФ).

Сложность и противоречивость затронутой проблемы может быть наглядно продемонстрирована двумя полярными решениями, принятыми по делам об уклонении от уплаты налогов.

В первом случае Р., являясь внешним управляющим ЗАО, зная о наличии у организации недоимки по налогам и сборам и аресте в свя-

зи с этим счетов, открыл в банке новый расчетный счет, с которого производил расчеты, стоящие по очередности после уплаты алиментов, зарплаты и обязательных платежей в бюджеты всех уровней. Кроме этого, создавая видимость законности операций по счетам, на которые выставлены инкассовые поручения, Р. указывал на чеках, по которым банком производилась выплата денежных средств основание их расходования – «выплата заработной платы». Фактически же деньги, поступившие в организацию, частично тратились на текущие расходы предприятия, в том числе на расчеты с контрагентами.

Прокуратура, рассматривая эти материалы, согласия на возбуждение уголовного дела по факту уклонения от уплаты налогов (сборов) не дала и указала на необходимость установления последствий, которые могли наступить для организации, если бы денежные средства были направлены на погашение налогов и сборов, а не для поддержания производства. Иными словами, было предложено выяснить, не действовал ли Р. в условиях крайней необходимости.

Во втором случае генеральный директор организации – Д. при наличии недоимки по налогам и сборам в бюджеты всех уровней открыл новый расчетный счет, через который осуществлял финансовые операции своей организации. На предварительном следствии и в суде Д. заявлял, что его действия по оплате долгов за ГСМ в ущерб погашения недоимки были вынужденными, поскольку без дизельного топлива невозможна деятельность предприятия.

Суд не принял доводы защиты о том, что подсудимый действовал в условиях крайней необходимости. В судебном решении было отмечено, что на момент сокрытия денежных средств отсутствовала опасность, угрожающая каким-либо охраняемым законом интересам общества и государства, которая не могла быть устранена иными средствами, как только путем оплаты хозяйственных нужд предприятия. Невыполнение обязательств по гражданско-правовому договору, в частности, неоплата ГСМ, не влечет наступление опасности интересам, охраняемым уголовным законом¹.

Чтобы выработать общие правила применения уголовно-правовой нормы о крайней необходимости по делам о злостном уклонении от погашения кредиторской задолженности, необходимо коротко рассмотреть условия правомерности данного обстоятельства, исключая преступность деяния.

¹ См.: Никифоров А. В. Уголовная ответственность за уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с организации : дис. ... канд. юрид. наук. М, 2010. С. 144–145.

В науке уголовного права принято выделять условия правомерности крайней необходимости: 1) характеризующие ее основания; 2) характеризующие пределы правомерности этого права.

К первой группе условий правомерности причинения вреда при крайней необходимости относятся: 1) опасность, непосредственно угрожающая личности и правам данного лица или иных лиц, охраняемым законом интересам общества или государства; 2) цель устранения опасности; 3) отсутствие возможности устранения опасности иными средствами.

В свою очередь, условия правомерности крайней необходимости, определяющие пределы ее правомерности, заключаются в следующем: 1) причинение вреда при крайней необходимости должно осуществляться своевременно (временной предел); 2) вред должен соответствовать характеру и степени угрожавшей опасности и обстоятельствам, при которых опасность устранялась; он должен быть менее значительным, чем предотвращенный вред.

Безусловно, покупка предметов первой необходимости, в том числе приобретение необходимых лекарственных препаратов, продажа должником имущества с целью оплаты срочной дорогостоящей операции самого должника или его близких, расходование денежных средств на устранение последствий стихийных бедствий или аварий на производстве, создающих опасность для жизни или здоровья граждан, при отсутствии иных источников финансирования свидетельствует о состоянии крайней необходимости в действиях неисправного должника и исключает его ответственность за злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности.

Однако основные дискуссии возникают по вопросу о наличии крайней необходимости при выполнении должником обязательств перед иными лицами, в том числе перед государством. В таких случаях источником опасности выступает как бы коллизия двух обязанностей, неисполнение которых может создать основания для привлечения лица к уголовной ответственности. Почти 95 % опрошенных нами граждан и служащих коммерческих организаций и 75 % сотрудников правоохранительных органов допускают возможность уклонения от погашения кредиторской задолженности в состоянии крайней необходимости при таких обстоятельствах.

При этом около 94 % респондентов указывают, что крайняя необходимость будет иметь место при выполнении обязанности по уплате средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей; 87 % крайней необходимостью признают уплату обязательных налогов и

(или) сборов в бюджеты различных уровней; 84 % к крайней необходимости относят расходование денежных средств на устранение последствий стихийных бедствий, техногенных катастроф, аварий на производстве и т. п.; 67 % признают состоянием крайней необходимости выполнение обязанности по выплате заработной платы; только 42 % полагают, что как крайнюю необходимость следует рассматривать выполнение обязанностей по расчетам с другими контрагентами, в том числе по вступившему в законную силу судебному решению.

На доктринальном уровне высказана точка зрения, согласно которой коллизия (конкуренция) двух обязанностей не должна признаваться источником возникновения опасности. В качестве ее аргументации указывается то, что, во-первых, коллизия двух обязанностей всегда есть и коллизия двух опасностей. Во-вторых, сама по себе коллизия (конкуренция, противоречие) не является источником опасности¹. Данная позиция представляется дискуссионной в силу ряда обстоятельств.

Нельзя не отметить, что упоминания о возможности применения крайней необходимости при коллизии обязанностей, наиболее часто встречаются в современных исследованиях, посвященных именно квалификации экономических преступлений. Так, Б. В. Волженкин и К. Ривкин указывают на возможность применения ст. 39 УК РФ при формальном наличии признаков преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 176 УК РФ, устанавливающей ответственность за незаконное получение целевого кредита, а равно его использование не по прямому назначению. По мнению Б. В. Волженкина, единственное, что может служить оправданием использованию не по назначению государственного целевого кредита, – это состояние крайней необходимости, в котором оказался заемщик².

При этом К. Ривкин отдельно указывает, что не может быть привлечен к ответственности на основании ст. 177 УК РФ руководитель, принявший решение о направлении кредитных средств на неотложные нужды, такие, как ликвидация последствий стихийных бедствий, выплата задолженностей по заработной плате неимущим слоям населения, поскольку в подобных случаях вступает в действие институт крайней необходимости³.

¹ См.: Плешаков А. М., Шкабин Г. С. Институт крайней необходимости в российском уголовном праве. М., 2006. С. 73, 74.

² См.: Волженкин Б. В. Экономические преступления. СПб., 1999. С. 39.

³ См.: Ривкин К. Бери кредит, но почитай Уголовный кодекс // Бизнес-адвокат. – 1997. – № 14. – С. 28.

Признание коллизии обязанностей как источника возникновения опасности при крайней необходимости не противоречит действующему законодательству, обосновано в науке уголовного права и воспринято судебной практикой.

Вместе с тем, признавая крайнюю необходимость в действиях не исправного должника при коллизии обязанностей, необходимо детально остановиться на таком условии правомерности, как отсутствие превышения ее пределов. В ч. 2 ст. 39 УК РФ указывается, что превышением пределов крайней необходимости признается причинение вреда, явно не соответствующего характеру и степени угрожавшей опасности и обстоятельствам, при которых опасность устранялась, когда указанным интересам был причинен вред, равный или более значительный, чем предотвращенный.

Следует согласиться с мнением А. М. Плешакова и Г. С. Шкабина, которые слово «явно» понимают как несоответствие причиненного вреда характеру и степени угрожающей опасности и обстоятельствам, при которых причинялся вред, т. е. несоответствие должно быть абсолютно очевидным, наглядным, иными словами, не вызывать ни у кого никакого сомнения в том, что причиненный вред был равным или более значительным. Если же у правоприменителя возникают какие-либо сомнения в том, что лицо, защищаясь, причинило равный или менее значительный вред, то действуют правила презумпции невиновности, и такого рода обстоятельства должны толковаться в пользу лица, спасавшего благо¹.

Вместе с тем, необходимо ответить на вопрос о том, как соотносить вред, причиняемый при отражении угрожающей опасности, и предотвращаемый. Для этого и субъект устранения опасности, и правоприменитель, которому предстоит оценивать его действия, должны иметь четкое представление об иерархии соответствующих ценностей в обществе.

В уголовно-правовой литературе советского периода господствующей являлась позиция, согласно которой вопрос о том, какие интересы более ценны и какие менее ценны, разрешается в каждом отдельном случае в зависимости от всей обстановки события либо от обстоятельств дела². Так, В. А. Владимиров и Ю. И. Ляпунов отмеча-

¹ Плешаков А. М., Шкабин Г. С. Крайняя необходимость как обстоятельство, исключаящее преступность деяния. Рязань, 2005. С. 62.

² См., например: Советское уголовное право. Часть Общая. М., 1959. С. 200; Домахин С. А. Крайняя необходимость по советскому уголовному праву. М., 1956. С. 52.

ли, что установление сравнительной важности причиненного и предотвращенного вреда зависит в каждом конкретном случае от обстоятельств дела и решается следователем, прокурором или судом на основе социалистического правосознания¹.

Представляется, что такой подход к определению интенсивного предела крайней необходимости противоречит регламентированному ст. 3 УК РФ принципу законности, в соответствии с которым преступность деяния определяется только Уголовным кодексом Российской Федерации.

Т. Орешкина предлагает при сопоставлении различных ценностей руководствоваться иерархией ценностей: личность, общество, государство².

Более детализированную схему приоритетов правоохраняемых благ при правовой оценке ситуации крайней необходимости сформулировала Г. Ф. Хаметдинова. Жизнь, здоровье, конституционные права и свободы человека и гражданина, основы общественной безопасности и безопасности государства – именно такая последовательность, не противоречащая, по ее мнению, конституционным принципам, может служить основанием для построения горизонтали в системе ценностей³.

А. А. Тер-Акопов считает, что при решении этого вопроса необходимо исходить из расположения глав Особенной части УК, где ориентировочно отражена ранжировка объектов, охраняемых уголовным законом⁴.

Учитывая бланкетный характер уголовно-правовой нормы, регламентирующей крайнюю необходимость, значительную помощь в определении соотношения благ могут оказать нормы иных отраслей права, которые не создают самостоятельных признаков, но могут конкретизировать содержание признаков, закрепленных в нормах уголовного закона.

В соответствии со ст. 855 ГК РФ при недостаточности денежных средств на счете для удовлетворения всех предъявленных требований списание денежных средств осуществляется в следующей очередности:

¹ См.: Владимиров В. А., Ляпунов Ю. И. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния. М., 1970. С. 80.

² Орешкина Т. Крайняя необходимость как обстоятельство, исключаящее преступность деяния // Уголовное право. – 1999. – № 3. – С. 17.

³ См.: Хаметдинова Г. Ф. Уголовно-правовая характеристика крайней необходимости : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2007. С. 14.

⁴ См.: Российское уголовное право. Общая часть : учебник. М., 1997. С. 254.

1) в первую очередь осуществляется списание по исполнительным документам, предусматривающим перечисление или выдачу денежных средств со счета для удовлетворения требований о возмещении вреда, причиненного жизни и здоровью, а также требований о взыскании алиментов;

2) во вторую очередь производится списание по исполнительным документам, предусматривающим перечисление или выдачу денежных средств для расчетов по выплате выходных пособий и оплате труда с лицами, работающими по трудовому договору, в том числе по контракту, по выплате вознаграждений авторам результатов интеллектуальной деятельности;

3) в третью очередь производится списание по платежным документам, предусматривающим перечисление или выдачу денежных средств для расчетов по оплате труда с лицами, работающими по трудовому договору (контракту), а также по отчислениям в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации и фонды обязательного медицинского страхования;

4) в четвертую очередь производится списание по платежным документам, предусматривающим платежи в бюджет и внебюджетные фонды, отчисления в которые не предусмотрены в третьей очереди;

5) в пятую очередь производится списание по исполнительным документам, предусматривающим удовлетворение других денежных требований;

6) в шестую очередь производится списание по другим платежным документам в порядке календарной очередности.

Как представляется, иерархия ценностей, выраженная в представленной очередности списания денежных средств со счета, позволяет с определенной долей уверенности решить вопрос о состоянии крайней необходимости в действиях неисправного должника, совершающего расчеты в пользу третьих лиц.

Так, уклоняясь от погашения кредиторской задолженности с целью выполнения обязанностей по уплате средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей, лицо будет находиться в состоянии крайней необходимости, так как оно не превысит ее пределы (причинит вред менее значимому объекту за счет сохранения более значимого).

Подобный же вывод можно сделать и в тех случаях, когда в качестве предотвращаемого объекта выступали общественные отношения

по выплате заработной платы, а также общественные отношения, складывающиеся в процессе формирования бюджетов всех уровней¹.

При этом действия лица, умышленно уклоняющегося от погашения кредиторской задолженности с целью выполнения своих обязательств по оплате труда или уплате налогов и (или) сборов, следует признавать как деяние, совершенное в состоянии крайней необходимости, при наличии следующих условий: наличие вынужденности (невозможности выполнить данные обязанности иными способами), направление всей суммы на указанные цели.

С другой стороны, злостно уклоняясь от погашения кредиторской задолженности с целью выполнения обязанностей по расчетам с иными контрагентами, лицо не будет находиться в состоянии крайней необходимости, поскольку оно превысит ее пределы (причинит равный вред).

Следует отметить, что данный вывод подтверждается и имеющейся правоприменительной практикой. Так, по одному из дел о злостном уклонении от погашения кредиторской задолженности суд указал: «генеральный директор Б., реализуя свой прямой умысел, осознавая злостный характер преступного деяния, своими умышленными действиями, направленными на злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности в крупном размере, после вступления в законную силу соответствующего судебного акта проигнорировал неоднократные предупреждения об уголовной ответственности по ст. 177 УК РФ, однако, согласно бухгалтерской экспертизе, имел достаточно денежных средств для погашения кредиторской задолженности. Кроме того, Б., вопреки требованиям ч. 2 ст. 855 ГК РФ, регламентирующей порядок и очередность платежей, мер к погашению кредиторской задолженности не принял, а напротив имеющиеся на расчетных счетах денежные средства расходовал на расчеты с иными контрагентами».

Как представляется, использование положений ст. 855 ГК РФ при разрешении вопроса о наличии крайней необходимости в действиях лица, злостно уклоняющегося от погашения кредиторской задолжен-

¹ См.: Дмитренко А. П. Крайняя необходимость как обстоятельство, исключающее уголовную ответственность за уклонение от уплаты налогов и (или) сборов // Современные проблемы борьбы с преступлениями в сфере экономики : сборник научных статей по итогам семинара, посвященного памяти профессора В. А. Владимирова. М. : Московский университет МВД России, 2010. С. 78.

ности в условиях коллизии обязанностей, в полной мере соответствует потребностям практики, является понятным и доступным для большинства граждан.

Коруненко Е. Ю. отмечает, что «...единоличный исполнительный орган организации нередко осуществляет управленческие функции по согласованию с иными органами ее управления или даже по прямому их указанию. Определенное влияние на процесс принятия тех или иных решений руководителем организации могут оказывать учредители организации или отдельные группы учредителей». Как справедливо отмечается автором, это обстоятельство часто используется лицами, виновными в совершении злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности как оправдательный аргумент¹.

Вместе с тем, в соответствии со ст. 42 УК РФ, исполнение руководителем организации заведомо для него незаконного приказа и (или) распоряжения, приведших к уклонению от погашения кредиторской задолженности, не исключает преступности содеянного. Однако подобная ситуация, безусловно, должна учитываться судом в качестве обстоятельства, смягчающего наказание.

¹ Коруненко Е. Ю. Злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2009. С. 109.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Уголовная ответственность за уклонение от погашения кредиторской задолженности в настоящее время является важным и абсолютно необходимым юридическим инструментом негативного стимулирования добросовестного поведения лиц в сфере договорных отношений в нашей стране. Наряду с иными юридическими инструментами, уголовно-правовая норма об ответственности за злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности призвана исключить элементы случайности, неопределенности в сфере экономического оборота, обеспечить необходимую организованность соответствующих общественных отношений.

Указание на судебное решение как обязательный конструктивный признак объективной стороны злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности позволяет говорить о составе преступления, предусмотренного ст. 177 УК РФ, как о составе с преюдициальными фактами. При этом принятое в порядке гражданского судопроизводства и вступившее в законную силу решение суда об имеющейся у должника кредиторской задолженности в крупном размере имеет преюдициальное значение только в случае отсутствия оснований для его пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам.

Уголовно-правовой механизм обеспечения законных интересов кредиторов в той или иной форме характерен для абсолютного большинства стран современного мира. Развиваясь под влиянием политических, экономических и социально-культурных особенностей конкретного государства, мысль о необходимости криминализации умышленного уклонения должника от исполнения обязательств перед кредитором, при наличии на то реальной возможности, все же получила всеобщее признание.

Имея свою отличительную сущность и логику, выражая свое понимание и объяснение некоторых условий и признаков, уголовно-правовая норма об ответственности за уклонение от погашения кредиторской задолженности отдельного государства, по нашему мнению, преследует одну и ту же общую цель – обеспечить под угрозой применения санкции добросовестное поведение лиц в сфере договорных отношений.

Кредиторская задолженность по смыслу ст. 177 УК РФ может быть следствием как правомерных действий, так и деликтного обязательства, которое, хотя и возникает из неправомερных действий,

направлено на достижение общего правомерного результата – восстановление нарушенного имущественного положения участников экономического оборота. В содержание кредиторской задолженности входит как сумма основного денежного долга, так и реальные убытки кредитора, суммы неустоек, процентов, судебных издержек.

С целью устранения имеющихся трудностей и противоречий в судебно-следственной практике предлагается в примечании к ст. 177 УК РФ закрепить следующее разъяснение: «Кредиторской задолженностью в крупном размере в настоящей статье признается задолженность, которая определена как одним судебным решением, так и путем сложения сумм денежных обязательств, взысканных по разным судебным решениям в пользу одного или нескольких кредиторов».

По нашему мнению, возможным решением проблемы разграничения простого и злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности либо от оплаты ценных бумаг могло бы стать толкование «злостного уклонения» только как активного поведения должника, препятствующего принудительному исполнению судебного акта, вступившего в законную силу.

Современная редакция ст. 177 УК РФ не позволяет привлекать должника к уголовной ответственности, если он в предвидении судебного разбирательства по взысканию долга или даже в процессе такого разбирательства совершает умышленные действия с целью воспрепятствования исполнению будущего решения суда. В связи с этим предлагается выделить ч. 1 ст. 177 УК РФ и изложить ее в следующей редакции: «Соккрытие имущества, имущественных прав, сведений об имуществе, о его размере, местонахождении или иной информации об имуществе, передача имущества во владение иным лицам, отчуждение или уничтожение имущества, если эти действия совершены руководителем организации или гражданином в целях обеспечения в будущем невозможности исполнения судебного акта о взыскании кредиторской задолженности в крупном размере либо об оплате ценных бумаг».

Как представляется, если по делу о преступлении, предусмотренном ст. 177 УК РФ, причиненный потерпевшему ущерб возмещен лишь частично, и потерпевший ходатайствует о прекращении уголовного дела в отношении обвиняемого, то в данном случае возможно освобождение лица, впервые совершившего данное преступление, от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим.

Давностные сроки по делам о преступлении, предусмотренном ст. 177 УК РФ, следует исчислять либо с момента прекращения

злостного уклонения по воле лица (добровольное погашение кредиторской задолженности), либо вопреки его воле (например, совершение судебным приставом-исполнителем исполнительных действий по обращению взыскания на имущество должника).

Как представляется, использование положений ст. 855 ГК РФ при разрешении вопроса о наличии крайней необходимости в действиях лица, злостно уклоняющегося от погашения кредиторской задолженности в условиях коллизии обязанностей, в полной мере соответствует потребностям практики и является понятным и доступным для большинства граждан.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Аминов Д. И., Ревин В. П. Преступность в банковской сфере в вопросах и ответах. – М., 1997.

Данилова С. И., Ложкина Е. И. Расследование злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности : методические рекомендации. – М., 2007.

Жилкин М. Г. Уголовно-правовая оценка последствий преступлений в сфере экономической деятельности. – М., 2009.

Клепицкий И. А. Система хозяйственных преступлений. – М., 2005.

Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономики : авторский комментарий к уголовному закону (разд. VIII УК РФ). – М., 2006.

Плешаков А. М., Шкабин Г. С. Институт крайней необходимости в российском уголовном праве. – М., 2006.

Щетинина Н. В. Уголовно-правовые аспекты противодействия незаконному получению кредита и злостному уклонению от погашения кредиторской задолженности. – Екатеринбург, 2010.

Учебное пособие

Дмитренко Андрей Петрович,
доктор юридических наук, профессор;

Крапивин Сергей Владимирович,
кандидат юридических наук;

Русскевич Евгений Александрович,
кандидат юридических наук

Уголовная ответственность за злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя
117437, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12

Редактор *Степанова А. А.*
Компьютерная верстка *Усковой М. А.*

Подписано в печать 29.10.2018
Заказ № 1860

Формат 60×84 1/16
Цена договорная

Тираж 58 экз.

Объем 6,96 уч.-изд. л.
8,25 усл. печ. л.
